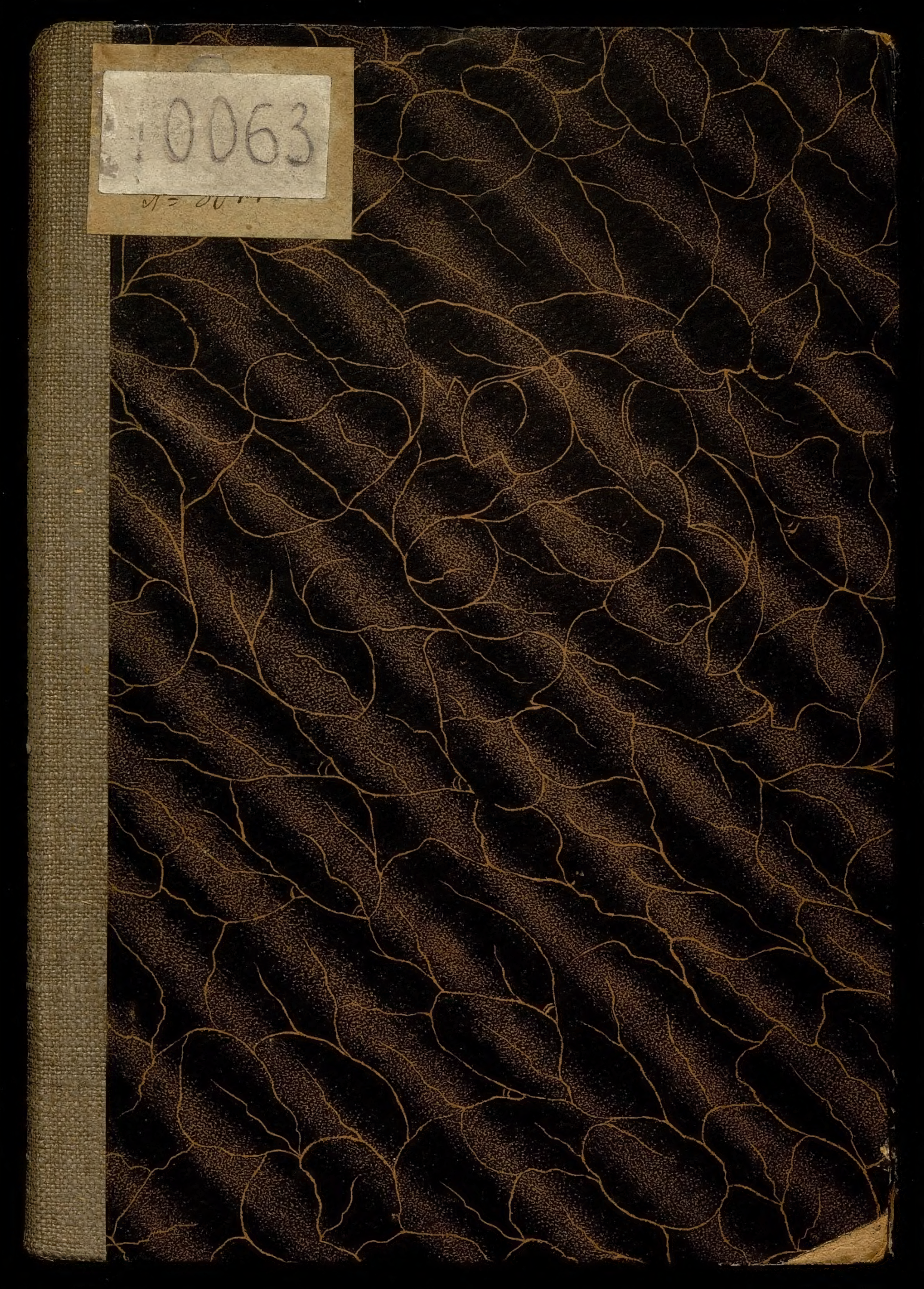
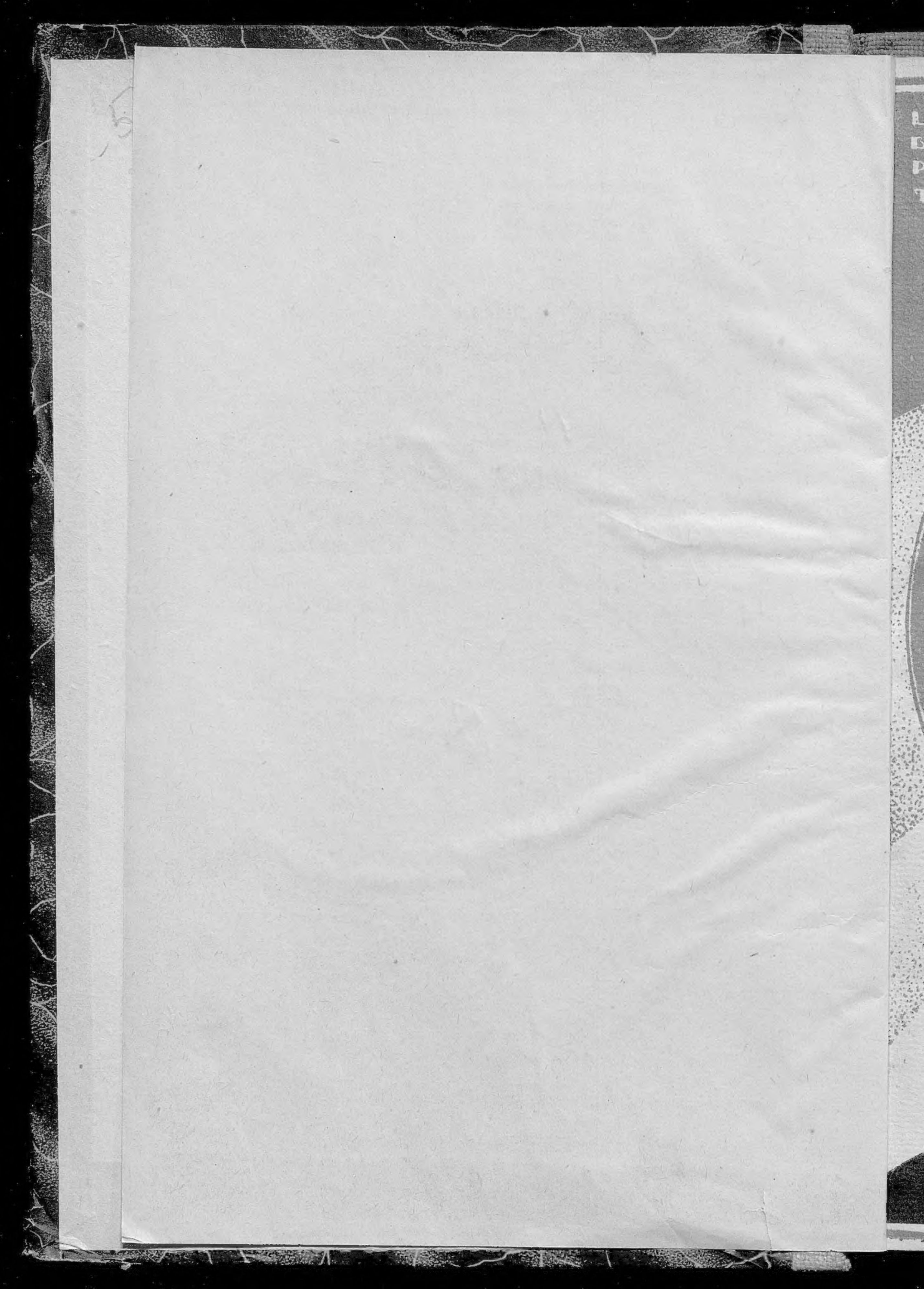


50
240

"A"

tut.

Ch 4vi-18



ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОЮЗА

СБОРНИК 2 КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ „ИСТПРОФТРАН".

К читателям:

Чтобы сделать сборники более полными, Истпрофтран обращается ко всем железнодорожникам и ко всем товарищам, участвовавшим или соприкасавшимся с профессиональным движением железнодорожников, с предложением присылать документальные материалы и составлять свои воспоминания, которые послужат основанием для следующих сборников. Невыполнение этой работы влечет за собой распыление и даже исчезновение многих ценных документов и забвение многих существенных эпизодов классовой борьбы железнодорожников.

Истпрофтран.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА
РАБОЧИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.

ОЧЕРКИ
по
ИСТОРИИ СОЮЗА

1917 год

СБОРНИК

КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ТРАНСПОРТЕ — „ИСТПРОФТРАН“

Литературно-Издательский Отдел ЦК Союза
МОСКВА—1924

Главлит № 16920. Москва. Тираж 6000 экз.

Типография „Гудок", ул. Станкевича, д. 7.

ВВЕДЕНИЕ.

В ноябре 1922 года Истпрофтран выпустил свой первый сборник по истории профдвижения на железных дорогах. Выпуск его имел, главным образом, агитационное назначение—побудить среди членов союза интерес к истории Союза, ибо это не был ни сборник исторических документов, ни сборник критического изложения событий на основании документальных данных. Изыскательные работы Истпрофтрана были тогда в начальной стадии и, хотя материал и имелся в небольшом количестве, но все требовало систематизации и обработки. Та ответственность, которую взял на себя Истпрофтран по восстановлению истории Союза, требует с его стороны самого тщательного и осторожного отношения к присылаемым материалам и, кроме того, ожидания по тем или иным событиям и этапам развития профдвижения высылки дополнительных сведений, более полно освещающих затронутые вопросы. Большею частью товарищи стремятся дать описание и очерки знакомых им по памяти событий, но подтверждающих документов не высылают, и лишь в последнее время этот пробел стал сглаживаться и в описаниях уже встречаются ссылки на те исторические документы, которые так необходимы для истории.

Данный, второй, сборник, освещающий события в истории Союза в годы 1917 и начала 1918 г., уже не является агитационным, а в ряде очерков и документов восстанавливает перед нами события недалекого прошлого.

Не считая своевременным давать сейчас историю союза в окончательных выводах и заключениях, Истпрофтран публикует ряд интересных документов в необработанном, сыром виде, дающих богатый материал будущему историку. Некоторые статьи носят до некоторой степени суб'ективный характер и дают личную точку зрения самого автора (например, в статье г. Орехова), а не самого Истпрофтрана.

«Важно, при описании воспоминаний, отвлечься от теперешнего своего понимания их, от теперешней их оценки, и, наоборот, по возможности полнее припомнить и беспристрастнее передать тогдашние мысли и переживания как свои, так и окружающих. Истории важно восстановить не то, как о каком-нибудь событии 1905 г. или 1917 г. думают теперь, через 5 или 17 лет, товарищи, но важно, как они думали о нем тогда, когда это событие происходило», — вот указания Истпрофтрана в одной из его инструкций.

Это же и требует от Истпрофтрана предварительных об'яснений к помещаемым материалам. Начинается сборник статьей т. Орехова, председателя двух с'ездов железнодорожников в 1905 и 1917 гг.

Тов. Орехов, бежавший от преследований за границу в 1910 г., потерял связь с Россией и, возвратившись в 1917 г., вследствие этого не мог выявить интересов рабочего класса того момента и быть его представителем (он был избран на с'езд от линейного с'езда при управлении Ряз.-Урал. ж. д.).

В 1917 г. т. Орехов примыкал к партии с.-р., что наложило определенный отпечаток на всю его статью. Описываемый им учредительный с'езд был верхушечный, меньшевистско-эс-эровский, что характеризуется его составом, на котором из 600 слишком человек было только 78 рабочих и 3—5 большевиков. Государственное совещание было еще более реакционным, и его идея единодушно отверглась жел.-дор. пролетариатом.

Несмотря на свою суб'ективность, статья тов. Орехова является интересным историческим документом, содержащим также много фактического и документального материала.

Следующие две статьи посвящены Викжелю.

Этот «рыжий господин», как представлял его обыватель, одушевляя его как человека в дни революции, которого обыватель «сам видел». Этот колосс на глиняных ногах, развалившийся в Октябрьские дни вместе с «полреспубликой», рисуется очерком т. Рабовика, и в документах, собранных тов. Стефановским.

Материал тов. Стефановского содержит много фактических и документальных данных, на которые будет опираться не один исследователь. Они даются Истпрофтраном в сыром виде, обработка их будет дана в одном из следующих сборников, посвященных Викжелю.

Кончается сборник несколькими очерками, посвященными жизни окраин 1917—18 г. К сожалению, материалов, освещающих события на местах, поступает меньше, чем добывается в центре—очевидно, товарищи из местных органов союза еще не организовали сбор материалов и, к сожалению, то настроение масс, которое царило в то время на местах, определить в деталях и выявить на основе документов удастся не скоро. Уже и сейчас Истпрофтрану приходится констатировать, что такое отношение наших местных органов тормозит работу и дает возможность более энергичным людям, принадлежащим к любителям - коллекционерам, обладать весьма ценным историческим материалом, каковой, очевидно, переходит, быть может, из тех же архивов «путем сообщения» союзных органов в их руки. Есть и другие случаи, когда этими коллекционерами делаются отдельные бывшие и настоящие железнодорожники, имеющие этот материал и чего-то ждущие.

Всякое кустарничество, конечно, не приведет к желаемым результатам и Истпрофтрану возможно придется поставить вопрос о централизации этого дела в Истпрофтране.

Время идет, документы тлеют, расхищаются, участники событий вымирают и с каждым месяцем становится работать все труднее и труднее. Вредная идея коллекционерства в данном отношении может в корне разрушить начатое Истпрофтраном дело и союзные органы всем своим авторитетом в деле создания единого аппарата по сбору материалов и восстановлению более полной истории союза должны притти незамедлительно на помощь Истпрофтрану.

ИСТПРОФТРАН.

ПОЛУРЕСПУБЛИКА
СЕМНАДЦАТОГО
ГОДА.

(КЕРЕНСКИЙ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ
ПО ЛИЧНЫМ
ВОСПОМИНАНИЯМ).

М. Д. ОРЕХОВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В феврале 1917 года совершилось то, что должно было совершиться. Царская власть пала. Что же касается того, что должно было ее заменить, то долгое время Россия находилась в средостении.

Монархия, видимо, пала. Но сказать, что установлена была республика, нельзя. Такого слова до Октябрьской революции не произносили. Догадывайся, как сам знаешь! Только в последние дни Керенский, принимая депутацию казаков, заявил, что в России республика.

О том, какая форма правления в России: республиканская или конституционно-монархическая, молчали даже на Государственном и Демократическом Совещаниях. Получилось впечатление, что стороны безмолвно согласились молчать. Авось клюнет. А там видно будет. Вот почему свои воспоминания я озаглавливаю таким странным на первый взгляд словом: «полуреспублика». По существу Россия между февралем и октябрем и была таковой: не то республика, не то монархия. И если она стала, наконец, республикою, то благодаря только революции рабочих и крестьян.

М. Д. ОРЕХОВ.

I. ЗА РУБЕЖОМ.

Разразившаяся революция 1917 г. не только не раскрыла для нас, эмигрантов, дверей в Россию, но еще более прикрыла их.

Во Франции, как и в других странах, началось нудное и гнусное задерживание «политиков» за границей.

Кончился март, прошел апрель, надвинулся май, а мы все еще не можем сдвинуться с места. Шлем телеграммы Милюкову, министру иностранных дел революционной России, обиваем французские пороги и все безрезультатно. Препятствий как будто бы нет, а выехать никак невозможно. У Англии, этой величайшей морской державы, нет... пароходов. Бедная Англия!

Группа русских инженеров решила обратиться к французскому военному министру за раз'яснением создавшегося положения. Любезности и корректности г. министра не было предела. Узнав, что русская колония удивлена молчанием временного правительства на наши поздравления и на наши настойчивые просьбы ускорить наш от'езд, г. министр демократической республики откровенно сказал: «Ваши, господа, телеграммы у меня в боковом кармане», а затем добавил изумленной делегации: «И зачем вам ехать в Россию, что вам там делать? Оставайтесь здесь»...

Еще, когда я бился в Париже, как птица об клетку, ища выхода из насильно гостеприимной Франции, в числе фантастических планов освобождения из плена возник и план обращения к «революционному» министру путей сообщения Некрасову. Я телеграфировал Некрасову, предлагая свои услуги в деле перевозки продовольствия на фронт и в столицы. Ответа не последовало. Телеграфировал вторично. Результат тот же. Я рассчитывал на то, что Некрасов ответит: приезжайте. И такой ответ послужил бы мне открытым листом для проезда в Россию.

Прошу Питер справиться, получены ли мои телеграммы. Ответ: телеграммы получены. Некрасов говорит, что я могу приехать и тогда он со мною переговорит.

Воистину ответ министерский. Послать приглашение — это заставить французов выпустить меня. А разрешить мне в Петроград приехать для переговоров с ним, если меня выпустят из Франции, много спокойнее. И я остался.

Но в мае англо-французскую плотину сопротивления прорвало. Кабинет Милюкова пошатнулся и эмигрантская волна хлынула в образовавшуюся брешь. Пароходы, которых до той поры не было у Англии, вдруг вынырнули из вод Ламанша и, презрительно морщась, готовились принять к себе на борт русских социалистов.

Я не буду описывать трехнедельного ожидания в Лондоне, опросов об отношении нашем к войне перед посадкой на пароходы, ни унижения,

испытанного нами при визировании паспортов в просвещенной Англии, ни о личном обыске в Швеции при переходе в Россию... Об этом в другом месте.

Еще во время нашего ожидания отправки из Англии в газетах появилось известие о падении кабинета Милюкова и возглавлении временного правительства А. Ф. Керенским. Некрасов вошел и в новый кабинет. В начале июня, после четырех месяцев томительного ожидания, первые партии эмигрантов, освобожденные русской революцией, стали прибывать в Петроград.

II. НА РОДИНЕ.

Первые шаги на родине, после семилетнего отсутствия, предрешены были общим ходом событий. Известие о моем возвращении дошло до моих старых товарищей по 1905 году из числа служащих в правлении Рязано-Уральской ж. д. Ко мне явились делегаты от них и вместе с товарищеским приветом передали приглашение побывать в правлении. Встреча, которую организовали все служащие правления, указала мне на дальнейшую деятельность. Прочность былой связи, не ослабевшая с годами, неизбежно вызывала обмен мыслей делового характера, происшедшего во время экстренного заседания комитета.

— Не скажете ли нам, что вы предполагаете делать?—спросили меня.

— Буду работать там, где я нужен.

— Вы нам нужны.

— В таком случае я буду работать с вами.

Вопрос был решен. Мне об'явили, что предстоит линейный с'езд в Саратове и что я намечаюсь Комитетом в число делегатов от Питера. Быть по сему.

Но еще до этой беседы я был у Некрасова.

Некрасов принял меня, как подобает министру революционного правительства, демократически просто, но сдержанно.

Я изложил министру, почему предлагал из Парижа свои услуги по организации перевозки продовольствия и почему считал себя пригодным для этой роли. Я просил о зачислении меня чиновником особых поручений, на которого должна была быть возложена задача по урегулированию перевозок. Такая должность должна была освободить меня от подчинения кому бы то ни было, кроме самого Некрасова, и тем развязать мне руки. К сожалению, встретилось непреодолимое препятствие, которое помешало министру использовать мою кипучую энергию и организационые способности. Должности чиновника особых поручений по штатам не было... Такого препятствия преодолеть никто, конечно, не мог. Штат! Вы понимаете, ведь это нечто священное и потому вечное, незыблемое, неприкосновенное.

Некрасов предложил мне место инспектора. Но, ведь, как инспектор, я не в состоянии буду выполнить свою задачу. Некрасов думал иначе. Я буду служить связью между министерствами путей сообщения и продовольствия. Старший инспектор гр. Тахтамышев не свяжет моей деятельности, ибо он тоже эмигрант, революционер и проч., проч., проч.

Революционер Тахтамышев, при происшедшем знакомстве, произвел на меня впечатление маленького, узкого, самовлюбленного и весьма накрахмаленного человечка. Повидимому, мое появление у него от имени Некрасова было не из очень приятных и вряд ли я произвел на него чарующее впечатление. Русская поговорка говорит, что «сердце сердцу весть подает».

Тем не менее, с места в карьер, я отправился устанавливать связь с министерством продовольствия. Там мне сказали, что недовольны погрузкою Воронежа. Отсюда вытекала необходимость ехать в Воронеж и налаживать дела этой станции. Две-три недели ушли бы на это дело; потом обнаружилось бы недовольство Омском, Томском или какой-либо иной станцией. Конечно, налаживать дела на местах нужно было, но это было не совсем то, что я предлагал. Организовать перевозку только налаживанием на местах нельзя было. До своего ареста в 1900 году я прослужил восемь лет в министерстве и знал, что надо было делать из центра. Инспектор же есть инспектор и ему не дано вмешиваться в распоряжение местных властей.

Но все же и при таких условиях я постарался бы повернуть дело по-своему. Но, когда я сообщил своим товарищам о предложенной мне работе, Комитет Рязано-Уральской вынес решение: предложения Некрасова не принимать, а работать в союзе. На этом мы и решили.

Оставалось сообщить Некрасову. Не об'ясняя причин, я сказал, что место инспектора взять не могу. Министр бесстрастно выслушал и затем, как бы вскользь, сказал, что он озабочен созданием Всероссийского железнодорожного союза, но что, по его сведениям, дело там не совсем клеится. Я передал Некрасову решение моих товарищей и указал на то, что отдаю свои силы на организацию и укрепление союза, мы расстались и, надо думать, навсегда.

Короткое время моего пребывания в Петрограде было недостаточно для того, чтобы ознакомиться с ходом революции, но то, что я видел и что слыхал, повергло меня в изумление. Интеллигент действовал (боже, прости ему его прегрешения): говорил, бесконечно, говорил. Рабочий оттирался на задворки и ему явно затыкали рот. Помню газетные отчеты о заседаниях Совета Рабочих и Крестьянских депутатов. И в особенности одно заседание. Интеллигент за интеллигентом выходили на кафедру, речи лились, готовые резолюции преподносились, когда же поднялся с места делегат, «одетый в солдатскую шинель», председатель не дал ему слова. Так вот какая у нас революция?

Где только мог: в трамваях, на улицах и площадях я обращался к рабочим и спрашивал: класс ли они, имеют ли они свои интересы, чего они молчат? Рабочие хмурились, отмахивались рукою, иногда бросали жгучие, досадливые слова...

Перед от'ездом в Саратов, меня спросили в Комитете, что я думаю о ближайшем будущем России. Я ответил с твердой уверенностью, что через два месяца терпение рабочих истощится, произойдет революция, министры будут арестованы и власть перейдет в руки рабочих. Было ли это предсказанием? Вовсе нет. Это было лишь логическим выводом из наблюденных мною явлений. Время, когда трудовые массы таскают из революционного огня каштаны для буржуазии, миновало. Человечество вступило в иную полосу,—полосу освобождения рабочего класса от пут капитализма. Горе тем, кто станет на пути исторической миссии рабочего класса. Горе сеющим ветер, или иными словами, топчащимся на одном месте: они пожнут бурю.

С этой уверенностью я уехал в Саратов. Выступая перед рабочими саратовских мастерских, я спрашивал их, что им принесла революция. Изменилась ли их личная жизнь? Изменились ли условия работы? Может быть, они видят перемену в том, что я свободно выступаю перед ними и говорю открыто то, что я думаю? А не выступал ли я также свободно перед рабочими в 1905 г.? И не пошел ли я вслед за этим в тюрьмы и ссылку? Не были ли

разорваны листы о дарованной свободе? Не была ли сведена на нет та революция? Кто же и что обеспечит за нами плоды новой революции? Кто гарантирует нам, что она войдет в жизнь, а не будет разорвана вместе с бумагою?

И я указывал на то, что гарантирует революцию лишь изменение в личной жизни каждого трудящегося и всего рабочего класса в целом. Этого отнять нельзя никакими силами, и то, что вошло в жизнь, стало привычкою, то будет отстаиваться трудовыми массами до последних сил. Думаю, что саратовские рабочие не забыли моих слов.

С'езд я захватил уже в разгаре работ. Конструировался линейный союз Болезненно чувствовались вопросы, связанные с улучшением материального положения. Заработок рабочих и служащих оставался неизменным при быстро растущих ценах на все предметы потребления и в особенности на предметы первой необходимости.

Произведенные выборы в главный дорожный комитет выдвинули меня в качестве председателя комитета, а выборы на предстоящий учредительный с'езд всероссийского ж.-д. союза оторвали меня надолго от линии. Учредительный с'езд начался в середине июля 1917 г. Председателем и здесь выбрали меня. Это была ошибка. Я согласился вести с'езд,—это была еще большая ошибка. Оторванный в течение двенадцати лет от русской и, в частности, от ж.-д. жизни, не принимавший по той же причине участия на конференции, бывшей за несколько месяцев до того; незнакомый с работами бюро по созыву с'езда, — я не мог ни руководить с'ездом, ни направить его работы. Я обрек себя на пассивную роль, которая не отвечала ни моему характеру, ни моим целям.

По счастью, товарищами председателя были избраны т.т. Шеханов и Сенюшкин, которые вместо меня повели с'езд. Впоследствии было избрано три председателя; я, Шеханов и Розанов. Мне оставалось лишь появляться на председательском месте в торжественных случаях или в случаях назревающих конфликтов и взять на себя хозяйственные дела с'езда. С'езд сосредоточил свои работы на организационных вопросах, но и здесь чувствовалось, что материальные вопросы тревожат делегатов. Мировая война продолжалась, разруха росла, цены подымались...

В самом начале произошла попытка сорвать с'езд. Старый нелегальный ж.-д. союз 1905 г. поневоле был организован по станциям, и выборы, какие могли происходить, производились всеми членами союза данного пункта. Также был построен союз и 1917 года. Однако, его легальность, а также рост профессиональных союзов, привели некоторые круги к мысли организовать железнодорожников по союзам. Образовались не один, а множество союзов, на каждой дороге, которые расщепили единую организацию.

Выборы на учредительный с'езд были произведены по территориальному признаку. Профессиональные союзы, принимавшие участие в выборах и пославшие своих делегатов от всей линии, выбрали сверх того делегатов по союзам Получилась на с'езде лишних сотня представителей. Вопрос мог бы быть миролюбиво улажен, если бы во главе «профессионалов» не встал инженер Васильев, поведение которого вызвало у членов с'езда едва-ли не справедливые подозрения.

Мандатная комиссия, указывая на двойное представительство, полученное смешением выборов территориальных с выборами по профессиям, предложила допустить к занятиям на с'езде делегатов от профсоюзов, но с правом совещательного голоса. Произошли бурные прения. Профессионалы протестовали. Особенно выделялся инженер Васильев. С'езд не согласился с их

доводами, и профессионалы демонстративно оставили зал заседания. Профессионалы открыли свою конференцию. Результаты ее мне неизвестны. Слыхал только, что там быстро раскусили роль инженера Васильева и удалили с конференции. Слыхал также, что профессионалы обращались к министру (Некрасова уже не было и его замещал временно управляющий министерством инженер Ливеровский). Временное разногласие о порядке выборов превращалось в раскол. Этого, повидимому, и добивались маленькие и большие власти. После всеобщей забастовки железных дорог в 1905 г., союз наш был бельмом на глазу у правительства. Чего не делалось, чтобы разрушить его. Аресты, ссылка, увольнения, провокация, сыпались на нас, как из рога изобилия. Двадцать тысяч железнодорожников потеряли свои места к началу 1906 года. И все же, едва грянула революция, как союз возродился. Двухмиллионная армия—сила немалая. Будет ли она тесно связана и спаяна или ее раз'ест ржа разногласий? Мы боролись за спайку, контр-революционные силы—за разложение. Кто кого одолеет?

Сами профессионалы не принимали навязываемой им роли и инстинктивно упирались от «дружеских» подталкиваний «друзей» революции. Они, повидимому, не хотели отрываться от союза и искали путей возвращения к нему. Одним из таких путей они выбрали «бабушку революции»—Брешко-Брешковскую.

Письмо ее ко мне от 21 июля 1917 г., основанное на явном недоразумении, гласило следующее:

«Председателю железнодорожного Всероссийского с'езда гражданину Орехову от Катерины Брешковской.

Сегодня мне пришлось беседовать с представителями железнодорожных организаций и выслушать их протест против недопущения их на с'езд с правом решающего голоса. Они заявляют, что избрание состоялось вполне законно, в том смысле, что они являются действительными избранными своих корпораций и действительными носителями и защитниками интересов представленных ими организаций. Они утверждают, что представители центральных комитетов (главных дорожных комитетов,—примечание автора) совсем не признают профессиональных организаций. Отстранение от с'ездов и голосования элемента демократического совсем не соответствует состоянию свободных граждан свободного государства и не должно быть проведено в жизнь, так как в руках рабочих находится благосостояние и порядок в стране.

Задача революционеров-социалистов и состоит в том, чтобы организовать и привлекать к работе политического и общественного характера возможно часто рабочих, знающих жизнь и условия службы своих непосредственных товарищей. Решать за них ВСЕ их дела не будет ни справедливо, ни прочно. Рабочий народ понимает свои права, и если не пользуется ими теперь же, то потому только, что еще не умеет осуществить свои требования и надежды. Не может быть, чтобы при добром желании и при обоюдных уступках обе организации, так называемая территориальная и профессиональная, не могли притти к соглашению. Ведь дело только в комбинации сил, а не в противоположности интересов. Надо всенепременнейше достигнуть соглашения и не отстранять от участия в большом деле железнодорожного союза большую часть рабочих, считающих себя обиженными, неправильно лишенных своих прав». (С'езд огромным большинством голосов высказался

против предоставления профессионалам решающего голоса, а там были представлены рабочие всех профессиональных организаций и политических партий. Несмотря на принятое решение, под предлогом допущенной, якобы мною, ошибки при голосовании, совет старейшин постановил пересмотреть вопрос, но и это не помогло. С'езд остался при прежнем мнении. Прим. автора). «Надо помнить, что рабочие давно уже не считают своими искренними друзьями так называемую интеллигенцию, и что их недоверие растет по мере того, как они видят заведывание их интересами служащими высших рангов.

«Сейчас больше, чем когда-либо, надо быть на страже общности направлений и действий. Я не считаю себя достаточно ознакомленной с положением дел союза, но я утверждаю, что ваш железнодорожный союз обязан сделать все, что требуется разумом и совестью, для того, чтобы предотвратить раскол и даже недоразумения, возникающие в его среде. Железнодорожники сами знают, какое крупное значение имеет их состав и как много зависит от успешности их организаций, ее гармонии. С почтением и преданностью Катерина Брешковская».

Надо было раз'яснить недоразумение и я направился к «бабушке». Она в то время жила на Курском вокзале в предоставленном ей салон-вагоне, где формировала библиотечки и рассылала по России.

В первом отделении вагон-салона усердствовал над громадным тюком с книгами какой-то мужчина, по виду рабочий.

— Можно видеть Екатерину Константиновну?

Рабочий молча кивнул на салон.

Салон был завален книгами. На двух раскрытых столах лежали бумаги, письма, книги. За одним из них сидела молоденькая девушка и составляла списки книг, а посредине вагона стояла сама «бабушка революции». Я об'яснил причину моего посещения, указал на состав нашего с'езда и на то затруднение, в которое мы были поставлены требованием профессионалов решающего для себя голоса. Не принимай они участия в территориальных выборах, вопрос решался бы просто, двойными же выборами они спутали всякое представительство. Мы идем на все уступки, но в этом уступить не можем, так как в противном случае дороги не признают законными постановления с'езда, производить же перевыборы уже поздно.

Брешковская сжала губы и, подумав, сказала:

— Я плохо разбираюсь в ваших делах, но надо как-нибудь выйти из создавшегося положения.

Я сказал, что мы сами к этому стремимся, но что мешают контр-революционные силы, которые сеют рознь между нами и раздувают конфликт.

Затем мы перешли к политическим темам. Между прочим, я указал на странное отношение к железнодорожникам временного правительства, в частности, высказал неудовлетворение позицией министра-председателя Керенского.

Бабушка заволновалась:

— Ведь они заняты с утра до ночи... Где им за всем поспеть, — горячилась она,—ведь не боги же они.

— И-и, бабушка,—спокойно заметил я,—где уж боги... Были бы социалистами, и то хорошо...

Брешковская выпрямилась, точно была поражена брошенным мною замечанием, и ничего не ответила, а я поднялся и начал прощаться.

III. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ.

Крупное значение железнодорожного союза учитывалось не одной «бабушкой революции». Временное правительство стояло на той же точке зрения.

Ко дню открытия учредительного с'езда нам была доставлена из Петрограда телеграмма Керенского от 15 июля. Привожу ее целиком.

«Москва. Всероссийскому с'езду железнодорожников.

Занятый делами чрезвычайной важности и срочности, к глубокому сожалению, присутствовать на с'езде не могу. Шлю свой сердечный привет вам, товарищи-железнодорожники. В тяжелую годину собрались вы на первый всероссийский с'езд железнодорожных служащих и рабочих с целью создания об'единяющего вас всех союза на основах, провозглашенных свободным революционным народом. В тот момент, когда полчища врагов угрожают дальнейшим вторжением в пределы России и грозят гибелью добытой столь дорогою ценою свободы, я взываю, товарищи, к вашему гражданскому долгу перед родиной и приглашаю вас к неустанной дружной работе. Несите свой тяжелый ответственный труд, скованные дисциплиной, столь же необходимой на железных дорогах, как и в армии, и в целях единения всего революционного народа. Стремитесь согласовать вашу работу на с'езде с теми задачами, которые вам изложит управляющий министерством путей сообщения в соответствии со взглядами временного правительства. Да здравствуют организованные товарищи-железнодорожники и их энергичная работа, столь нужная для спасения революции и родины. Министр-председатель А. Керенский».

И, действительно, управляющий министерством путей сообщения явился, да не один, а с министром труда Скобелевым. «Управляющим» оказался не кто иной, как революционер Тахтамышев. Из старшего инспектора он превратился в товарища министра, а с назначением Некрасова заместителем министра-председателя, стал управлять министерством. Хорошего ждать нечего было.

Скобелев произнес горячую, только построенную речь, в которой, указывая, между прочим, на необходимость организации твердой власти, опирающейся на волю большинства, уверял, что власть эта в любой момент может быть передана этому большинству. Было ли это мнением одного Скобелева или это была только красивая фраза, не знаю. Когда же большинство пожелало взять власть в свои руки, правительство не нашло в себе достаточно мужества отказаться от власти. Мало того, оно ставило препятствия или не желало устранять препятствия, когда «большинство» железнодорожников пыталось постепенно подойти к осуществлению власти организованного большинства железнодорожников на ж. д. Власть, как известно, слишком сладка, чтобы от нее отказываться добровольно.

После Скобелева выступил с програмной речью Тахтамышев. С'езд глаза вытаращил от изумления. Послышалась искусственная, напыщенная, слащавая речь, в которой он сам умилялся и думал умилить нас описанием жизни западно-европейского рабочего (увы, не всех, т. Тахтамышев), имеющего мягкую мебель, пианино, ванну... Нам это напоминало «курицу в супе каждого подданного», о которой по-маниловски мечтал французский король. Когда же Тахтамышев заявил, якобы от имени правительства, что «роль комитетов, роль представителей будет сводиться исключительно к наблюдательному и совещательному характеру, а при начальниках дорог будут образованы советы, куда представители дорог будут допущены с правом совещательного голоса и как контроль», в зале раздался шум и кашель, явно

показывавший отношение с'езда к даруемой нам конституции. После же слов Тахтамышева о том, что восьмичасовой день на дорогах уже установлен для некоторых видов работы и что правительство «никаких расширений этого 8-часового дня не допускает», с'езд вынес столь отрицательное отношение, пока что к одному Тахтамышеву, что, как прошел слух, ему было предложено либо установить возможно скорее добрые отношения со с'ездом, либо подать в отставку.

Благодаря этой речи, курица в суп Тахтамышева не попала, и на вакантное место министра был назначен П. П. Юренев. Он тоже прибыл на с'езд и в своей речи изложил нам положение вещей в России и в частности на железных дорогах.

Итак, с'езд начался очень торжественно. Временное правительство проявляло к нему большое внимание и, казалось, железнодорожники могли вздохнуть свободно, заняться своей организацией и улучшить свое крайне тяжелое положение... Но это только казалось.

Когда теперь, по прошествии пяти лет, я перебираю в памяти все обстоятельства того времени, когда я читаю сохранившиеся документы, в особенности «Дело Корнилова» А. Ф. Керенского, в душу мою вползает нечто гадкое, слизкое, сверх-интеллигентское.

Я не обвиняю само Временное правительство, но из слов Керенского [1]) заключаю, что в то время, когда железнодорожный с'езд осыпали знаками внимания, управляющий военным министерством Борис Савинков вырабатывал проект закона о применении смертной казни в тылу не только в войсках, но и на железных дорогах, фабриках и заводах. Савинков явился выразителем черной сотни из среды железнодорожной аристократии, которая употребляла все усилия, чтобы задушить ненавистный и грозный для нее союз.

Правда, закон этот был Керенским отвергнут, но разве инженер Ливеровский, временно-управляющий министерством путей сообщения, за неделю до приветственной телеграммы Керенского не распространил постановления правительства в отношении, повидимому, фронта о разных карах за всякого рода неповиновение на железнодорожников [2]) и разве инженер Шуберский не строчил в то время доклад, который должен был доказать, почему необходимо выступить на путь чрезвычайных репрессий, и разве министр труда, социалист-миллионер Скобелев не излагал по этой записке свои обвинения железнодорожников в речи, произнесенной им на Государственном Совещании? И разве в то же самое время начальники и управляющие на своем с'езде не вырабатывали мер, направленных против рабочих и служащих на железных дорогах, а затем дружным и одновременным натиском не провоцировали железнодорожников на эксцессы?

Временное правительство любезничало с нами, в то же время расточая улыбки противной стороне. Оно не понимало, что в революционные дни нельзя сидеть на двух стульях, а надо становиться в разгоравшейся классовой борьбе либо на одну, либо на другую сторону. В противном случае оно рискует сесть между двумя стульями, что в конце-концов и было блестяще проделано. И та и другая сторона отказалась поддерживать правительство Керенского.

Но это впоследствии. В момент же с'езда оба стула трещали, но выдерживали Керенского. Работы с'езда шли в намеченном порядке и с'езд принял твердое намерение всемерно поддерживать временное правительство.

---

1) „Дело Корнилова", стр. 66.

2) Телеграмма от 7 июля 1917 г. № 5438, напечатанная в приложении.

Работа наша шла вокруг организации всероссийского союза [1]) и выяснения путей для улучшения материального положения.

К концу июля в газетах появилось сообщение, что временное правительство созывает в Москве Государственное Совещание из представителей общественных организаций. Железнодорожному с'езду отведено было пять мест. Получив об этом извещение, с'езд послал туда т.т. Климова, Малицкого, Плансона, меня и, насколько помню, тов. Досева. Я спешно принялся готовить декларацию от имени с'езда.

Перед своим выступлением я огласил перед общим собранием, что предполагал изложить в декларации, получил одобрение и тогда уже с твердой почвой под ногами отправился на совещание.

Но еще до дня созыва Совещания мы получили сведения о том, что в разных местах России зашевелились казаки, что что-то готовилось... Железнодорожники насторожились.

Малицкий, председатель железнодорожного союза Московского узла, всю ночь об'езжал московские дороги и всюду организовывал отпор казакам. Защелкал телеграф, зазвонил телефон, на всех вокзалах дежурства членов комитета, навстречу казакам двинулись рабочие дружины, вооруженные винтовками и пулеметами. В Можайске задержали самочинно двигавшийся к Москве 7-й Оренбургский казачий полк.

Смутно связывали мы передвижение казаков с предстоящим Совещанием. Но кто и зачем их направлял, никому тогда еще не было известно.

Только спустя некоторое время стало известно, что готовился переворот: арест правительства и разгон Совещания с передачею власти генералу Корнилову. Контр-революция и гражданская война выращивали свои корни в начале августа семнадцатого года.

Государственное Совещание собралось. Его заседания открылись в помещении Большого театра. Избранные из избранных наполняли партер и ложи. Не видно было только представителей рабочих.

Сцену занял стол Временного правительства, за которым тянулись ряды стульев, занятых приглашенными. В ложе у сцены поместился генерал Корнилов, Деникин и другие высшие военные чины. В ложе 2-го яруса, почти против Корнилова, сидели представители Совета Казачьих войск и среди них знаменитый Каледин.

Керенский, заложив по-наполеоновски руку за борт френча, глухим отрывистым голосом монотонно выбрасывал слова своей речи. Создавалось впечатление жуткое, чего-то необычного. Он говорил о положении страны, о целях Совещания и призывал всех нас и через нас все организации к порядку, жертве, обороне...

На кафедре, воздвигнутой в свободной части авансцены, стали появляться один за другим делегаты общественных, финансовых и торгово-промышленных организаций.

Их декларации, недоговоренные и нерешительные, оставляли осадок какой-то торговли за условия, на которых они, может-быть, и согласятся помочь гибнущей родине.

---

[1]) Работа велась по трем платформам: первая группа стояла на основе всесословного союза, отвергавшего принцип экономической борьбы, вторая группа, возглавляемая с.-д., стояла в вопросе профессионального строительства не на чисто классовой позиции и, наконец, третья группа, в частности Октябрьская ж. д., выдвигала национализацию жел. дорог. (Прим. ИПТ.)

Настала очередь и железнодорожников. Мне сказали, что представители правлений частных железных дорог, которые должны были выступить после нас, готовят обвинительный акт против союза и против членов его, рабочих и служащих.

В своей речи, текст которой у меня сохранился, я указал на то, что лозунг Временного правительства: порядок, жертва, оборона, есть вместе с тем и лозунг нашего союза.

«Спаянные стальной сетью и железной дисциплиной,—говорил я,—мы спешим на помощь гибнущей родине. Работая не на отдельных лиц или на группу, но служа интересам всего народа, населяющего наше государство, мы, железнодорожники, по роду нашей работы, в одной части сознательно, в другой бессознательно, являемся людьми общественными, людьми государственными.

Мы организуем «порядок» в нашей стране; мы призываем к «порядку» соприкасающиеся с нами слои; мы требуем «порядка» от тех, кому дано стоять на страже порядка. Мы знаем, что с момента падения старой власти наша энергия, не приложенная к борьбе революционных дней, ослабла в бездействии, как ослабла она во всех отраслях труда: и физического и умственного, во всех профессиях, во всех классах, населяющих великое государство российское.

Этот момент упадка творческих сил, неизбежный в известный исторический момент, постепенно проходит и железнодорожники одни из первых выступают на путь напряженного служения родине, на путь поднятия и укрепления транспорта, необходимого для мирного преуспеяния нашей родины.

И вместе с ростом и укреплением наших организаций растет и крепнет производительность труда на железных дорогах.

Если бы здесь, на государственном Совещании, была прочтена не записка, составленная два месяца назад для инженера Шуберского, цель которой была доказать, что вина в падении транспорта ни в ком ином, как в нас, в этом пресловутом «стрелочнике», виновнике всех бед на железных дорогах, то нам привели бы не цифру, изображавшую разницу перевезенных грузов теперь и в прошлом 1916 году, а указали бы на количество ввезенных и погруженных грузов тогда и теперь, и не забыли бы цифру остатка непогруженного груза, так-называемой «залежи».

А залеж стала бытовым явлением за последние двадцать пять лет, когда и интенсивность труда была велика и полнота власти принадлежала правящим сферам. Если бы такое сопоставление было сделано, то министр труда, констатировавший, кроме того, что к началу августа в железнодорожные мастерские поступили сырье и металлы, воздержался бы и от такого вывода, что появление металлов в мастерских одиннадцатого числа не повысило производительности рабочих на другой день — двенадцатого. Об этом можно будет судить через два-три месяца, когда рабочие, кроме сырья и металлов, получат и нужный для них инструмент. Когда в мастерских нет самозакальной стали, когда нет ни пил, ни зубильев, и в некоторых пунктах нет требуемого числа молотков, подвоз сырья и металлов сразу не изменит положения вещей.

«Порядок», а вместе с тем и напряженность работы есть одна из задач союза железнодорожных рабочих, мастеровых и служащих.

Пусть нам дадут все, что для работ нужно, пусть не сеют «беспорядка» в наши ряды, и союз справится с этой задачей.

«Жертвы»... Мы — нищи. И, кроме труда и своей жизни, нам нечего отдать нашей родине.

Труд мы отдаем ежедневно, жизнь... — кто знает, может через несколько дней мы отдадим и свою жизнь на защиту революционной России.

Из всех категорий труда мы самые обездоленные из обездоленных. Найдете ли вы в какой-либо отрасли труда оплату квалифицированного рабочего в 72—90 коп. в день? Оплату, которую разными подачками теперь подняли до одного рубля 80 коп., чтобы вернуться к прежней расценке, как только наступит благоприятный момент.

Сравните заработок машиниста в 111—172 р в месяц или главы станции в 134—150 р. с ценами на предметы первой необходимости и вы поймете то положение, в котором находимся мы. Мы—нищие. И рабочие, посылая меня на Государственное Совещание, поручили мне сказать, что им известны финансовые затруднения страны и что, если в настоящий момент невозможно безотлагательно улучшить их экономическое положение, они предлагают взять от них выплачиваемые им заработанные деньги и взамен снабжать их и их семьи одеждой, обувью и пищей.

И, наконец, «оборона». Оборона страны есть священный долг железнодорожников. Но выступить мы сможем только тогда, когда будем спаяны в единый союз, когда будет решен вопрос: кто мы? Подпольная или открытая, государственная организация?

Как-будто бы так смотрит на нас правительство: мы — организация государственная. Как будто бы так смотрите и вы, товарищ министр-председатель, приветствовав нас 15 июля своей телеграммою, как организованных железнодорожников и пригласив нас нести свой ответственный труд в целях единения всего революционного народа.

Так смотрит на нас верховная власть, но иначе думает и действует власть на местах. Наша программа и наш союз оказались неприемлемыми для той части железнодорожной администрации, которая поставлена еще при старом порядке. Носительница старых идей, она наполняет центральные учреждения и стоит во главе большинства наших дорог. И вот в то время, когда верховная власть призывает нас к единению, эта часть администрации делает усилия нас раз'единить. Тогда, когда мы ставим условием недопущение каких-либо частичных выступлений на жел. дор., на местах, как из рога изобилия, сыплются на нас удары, имея видимую цель: порвать дисциплину, чтобы вызвать выступление и разрушить союз. Мелкая повседневная борьба; отстранение от службы; увольнения массами на постройках; отмена восьмичасового дня там, где по условию работы он должен быть сохранен и где он был введен с ведома и согласия власти; предание суду в ничтожных случаях, трактуемых как неподчинение власти — все это, как и одновременность и однотонность административных воздействий на линиях, привело с'езд к заключению, что воздействия этой части администрации имеют неведомый нам руководящий центр и организованную силу. (На весь театр гудит бас т. М. Т. Елизарова: верно).

Но если верно, что организованность железнодорожных мастеровых, рабочих и служащих может помочь обороне страны и удержанию ее от гибели, то мы ставим вопрос: кому и в каких целях нужно уничтожить наше сплочение и помешать осуществлению наших государственных задач? Ведь не ошибки и грехи отдельных членов союза могли вызвать дружное давление на железнодорожный союз властей предержащих. Мы знаем, хорошо наши ошибки и их исправляем. А среди двухмиллонной армии всегда найдется негодный элемент.

Здесь происходит не это. Когда мы суммируем факты, изложенные в телеграммах со всех линий, в заявлениях на бумаге и изустных от приезжающих с линий посланцев, то мы видим, что особенно обильно сыпались удары перед созывом Государственного Совещания. Теперь все стихло. Совещание своевременно прибыло в Москву. Но мы, обсудив положение, признали, что выступление организованной части нашей администрации является вызовом союзу и что вызов этот должен быть принять.

И мы его приняли.

В тот момент, когда забастовка на железных дорогах является смертью для родины и торжеством для врага, провоцирование наших масс на выступление есть, с точки зрения нашего с'езда, измена отечеству. И если в отношении железных дорог контр-разведка дремлет, а прокурорский надзор спит, железнодорожный союз считает своим долгом подняться и заявить, что если гидра контр-революции подымет свою голову [1]), то союз задушит ее своими руками. В этом наш долг, диктуемый требованием обороны страны». Свою речь я закончил заявлением, что мы, как демократическая организация, присоединяемся к декларации Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Говорят, что этой речью мы сбили наших противников. Мне передавали, что лидер об'единения правлений частных дорог, приготовивший целый обвинительный акт против нас, отказался от своего намерения, говоря: «После такой патриотической речи, я не могу выступать против союза». «Патриотизм» ли мой спугнул противников или что-либо иное в моей речи, судить не берусь. Могу только сказать, что, когда при гробовом молчании «правой» Совещания,—а их было громадное большинство—и при одобрении «левой», я опустился на свое место в последних рядах партера, я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Подняв голову, я увидел, что из ложи второго яруса, повернувшись ко мне, пристально и пытливо всматривался холодно-стальным взглядом Каледин. Я ответил тем же. И мне почудилось, что здесь не одно любопытство, но что этот казачий «герой» пытается решить: не в железнодорожниках ли кроется причина того, что вызванные казачьи полки, вместо Москвы, оказались где-то в пространстве. «Вар, Вар, где твои легионы?»

Едва я отвел глаза от Каледина, как за моим креслом появилась молодая фигура ад'ютанта А. Ф. Керенского. Ад'ютант, наклонившись, сказал: «Александр Федорович просит вас пожаловать к нему». Я ответил: «Хорошо, приду», и стал прикидывать, как сообщить об этом приглашении остальным делегатам с'езда. Вновь выросла фигура ад'ютанта и передала, что Керенский просит притти сейчас. Тогда я наклонился к ряду, в котором сидели товарищи, и вызвал их в коридор. Сообщив о приглашении министра-председателя и о том, что вызывают не М. Д. Орехова, который с Керенским лично не знаком, а председателя с'езда, который вести переговоры делового характера один на один не может, я предложил указать двух товарищей для присутствования при нашем разговоре.

---

[1]) Черносотенная газета, особенно усердно травившая с'езд, ядовито заметила, что у гидры не одна, а несколько голов. Замечание вдвойне верное: гидра, по уверению древних, имела несколько голов, а контр-революция в России в 1917 г. состояла из нескольких организаций. Но вот в чем ошибся желчный хроникер. Он писал, что вышел, де, кать, представитель железнодорожного с'езда г. Орлов и, размахивая картонным мечем, угрожал задушить гидру контр-революции. По близорукости хроникер не доглядел. У меня был не картонный меч, но в одной руке рельс, в другой—шпала, которыми мы вскоре успешно отбили атаки генералов Корнилова и Каледина.

Свидание, однако, не состоялось. В небольшой комнатке нас встретил кто-то из министров и предложил от имени Керенского установить свидание на другой день в здании городской думы. Помню, что здесь деятельное участие принял комиссар Московского узла, инженер Перцев, роль которого была для нас не ясна.

На другой день Перцев заехал за нами на с'езд и пригласил ехать с собой. Мое удивление было весьма велико, когда автомобиль повернул в Кремль и остановился у дворца.

Нас, повидимому, ждали. Дежурные офицеры засуетились и провели нас в одну из комнаток, куда немедленно вошли правитель дел Керенского, секретарь и Тахтамышев. Исчезнувший Перцев появился и сообщил, что меня приглашает Керенский. Отказываться нельзя было. В сопровождении Тахтамышева, я прошел в кабинет министра-председателя, где застал Керенского и Юренева. Судя по лицам, они только что закончили и, может, оборвали с нашим приходом тяжелый разговор.

Я слыхал уже, что намек в моей речи на «неведомый центр» контрреволюции Юренев принял на свой счет и чрезвычайно обиделся.

И, действительно, едва мы обменялись приветствиями и уселись на места, как Юренев повернул свое напряженное, побагровевшее лицо ко мне, а Керенский согнулся в кресле и опустил голову.

Начало не предвещало ничего хорошего. Я понял, что решается вопрос, остается или не остается Юренев министром.

— В вашей вчерашней речи,—начал Юренев,—мне показалось, и так поняли мои друзья, был сделан намек на мою деятельность. Верно ли я понял?

— Нет, не верно, — заявил я: — мы имели в виду ведомство, а не его главу. С'езд всецело поддерживает Временное правительство.

Юренев внезапно просиял, Керенский резким движением выпрямился и откинулся на спинку кресла. Казалось, сама комната облегченно вздохнула. Каждый из нас по-своему оценивал этот момент. Мне хотелось смеяться. Юренев, как очень самолюбивый человек, почувствовал облегчение от мучивших его сомнений. Да и железнодорожный союз был тогда колоссальной силой, чтобы с ним не считаться. Вот как Керенский оценивал этот момент, об этом, выражаясь по-чиновничьи, будут следовать пункты.

Керенский спросил меня о конфликте на с'езде с профессионалами. Я дал раз'яснения, но не успел еще их закончить, как бесшумно появился ад'ютант и доложил о получении срочной депеши.

Керенский вскочил и помчался из комнаты. Прошла минута ожидания и Юренев предложил присоединиться к ждавшим нас товарищам.

О чем говорила наша делегация с Юреневым, я теперь не вспомню. Вел его преимущественно В. А. Плансон. Помню, что вопросы касались каких-то деталей улучшения нашего положения. Я не принимал участия в беседе, так как основные вопросы, выдвинутые с'ездом в моей речи, не затрагивались и не могли затрагиваться. Для них должно было быть отведено другое место и иное время.

Через полчаса, примерно, явился офицер и пригласил Юренева к Керенскому. Юренев поднялся, попрощался с нами, но продолжал стоя вести беседу.

Явился новый офицер и о чем-то шепнул министру. Юренев обратился ко мне и сказал: «Вас просит Александр Федорович». Я понял так, что надо докончить прерванное изложение наших взаимоотношений с профессионалами и двинулся за Юреневым.

— Вы скоро? — бросил в догонку т. Климов.

— Сейчас вернусь, — ответил я и поспешил вслед за уходящим Юреневым.

Прошли несколько комнат, дошли до двери, охраняемой известным мне по французским иллюстрациям великаном-часовым,—двери распахнулись и мы очутились в столовой, где завтрак был в разгаре. Керенский, ведя оживленную беседу с каким-то старцем, типа земских деятелей, при виде нас, метнул рукою в сторону свободной части стола и, сказав: «занимайте, господа, места», продолжал беседу со старцем.

Я ощутил жгучее чувство неловкости: я сажусь завтракать, а два моих товарища сидят и ждут. Я искал выхода из создавшегося неловкого положения и не находил его. Встать и уйти, не говоря ни слова? Оборвать беседу Керенского и сказать, что меня ждут два товарища? Все это было по меньшей мере глупо. Да и председателю с'езда, как официальному лицу, производить демонстрацию без полномочия на то с'езда, очевидно, нельзя было. Встать и пойти предупредить товарищей не было возможности. Нас вели по каким-то закоулкам и переулкам, через ряд комнат и отыскать путь назад я не смог бы. Повсюду же было безлюдно. Я останавливаюсь на этом ничтожном случае потому, что в результате «мышь родила гору».

Первая гора родилась в тот же вечер. Оскорбленный неприглашением на завтрак, Плансон собрал сеньор-конвент и страстно обвинял меня в том, что я остался завтракать, оставив их ждать меня чуть ли не в передней. Он утверждал, что сам слыхал, как меня приглашали именно завтракать, а не для беседы, а я, дескать, сказал: «ждите меня». И они ждали, в то время, как я уплетал министр-председательский завтрак.

Сколько я ни пытался установить, как было дело, Плансон не унимался и истерично твердил одно и то же.

Сеньор-конвент молчал, что можно было истолковать, как угодно. Только Розанов презрительно бросил, что я в 1905 г. тем же отличался. Чем именно—для меня осталось неизвестным.

Выходило нечто такое, что делало сомнительной возможность дальнейшей совместной работы. Так оно и вышло.

Дело, для которого вызвал меня Керенский, было испорчено и я потерял охоту изложить перед с'ездом наш разговор, так как он был бы испорчен выпадами Плансона, Розанова и иже с ними. Конечно, я сделал ошибку. Рабочие, более чуткий народ, поняли бы то, чего не смогли понять некоторые претендующие на ум и воспитанность господа интеллигенты.

У Керенского была своя цель. Ему нужна была беседа один на один с председателем железнодорожного с'езда, заявившего о готовности союза выступить на борьбу с контр-революцией. Прямо сказать об этом он не решался, возможно из конспиративных соображений, возможно из нежелания открыто подчеркивать устанавливаемую связь с нами. К тому же тема предстоящего разговора исключала официальную обстановку. Частный завтрак, на который он пригласил несколько близких ему лиц, давал эту возможность.

Наконец, кончили завтракать. Кое-кто стал прощаться. Я тоже направился к двери, у которых Керенский провожал старика земца. По дороге я остановился поговорить с Бунаковым-Фундаминским. В это время Керенский отошел от дверей и, проходя мимо меня, сказал: «мне надо переговорить с вами».

Я отправился за ним и мы отошли в угол залы. Керенский усадил меня в кресло, а сам поместился на подоконнике. Произошел следующий разговор:

— У меня есть сведения, что против Временного правительства готовится выступление со стороны военных, — начал Керенский.

— Мы получили известие, что зашевелились казаки, — подтвердил я.

— Что железнодорожники окажут нам поддержку?

— Не сомневаюсь. Пулеметы и вооруженные рабочие стоят уже на путях, готовые дать отпор казакам. Об этом я и намекал в своей речи.

— Если они двинутся и железнодорожники об'явят всеобщую забастовку, что они смогут поделать? Достаточно забастовать на один или два дня.

— Конечно.

В это время кто-то подошел к нам и сказал, что желательно использовать отдых осмотром дворца. Керенский поднялся и мы двинулись осматривать старинные палаты. В одной из них, именно в грановитой, мы задержались. Большая сводчатая на столбах палата, устланная старинными персидскими коврами, производила странное впечатление, она была без мебели и украшений. Только в правом «красном» углу стоял на возвышении вычурный трон.

Сопровождавший нас допотопный чин об'яснил, что, по традиции, цари после венчания на царство принимают в этой палате обед. Первые чины двора подают ему кушания.

— И вот, — с горечью говорит допотопный дворцовый чин: — первые чины двора преклонных лет... руки у них трясутся... разливают... и прямо на ковер. Вот каких пятен наделали.

— Теперь больше не будут портить ваши ковры, — заметил кто-то.

В это время раздался какой-то дикий хохот. Меня покоробило. Я обернулся. Сбоку, в отдалении от нас стоял Керенский и, склонив голову, задумчиво глядел на трон. Он хохотал над произнесенной фразой и, видимо, сам не слыхал всей странности своего хриплого смеха. И почему-то вдруг передо мною встала картина, виденная мною за несколько дней.

Обеденный перерыв. Государственное Совещание расходится. Впереди толпа в несколько сот человек. От театра отделяется и мчится автомобиль Керенского. Громовое ура толпы, летящие шапки и Керенский, стоя на ногах, держит вверх свою военную фуражку. Автомобиль вильнул к Охотному ряду. Новые раскаты ура и летящие шапки...

Очень извиняюсь перед А. Ф. Керенским, которому, может-быть, попадут на глаза эти строки, но у меня в Грановитой палате шевельнулось подозрение, что, услыхав замечание о дальнейшей сохранности царских ковров, он усомнился в этом.

Кого видел Александр Федорович на троне, это останется для всех неизвестным, но мне сдается, что министру-председателю мерещился в то время кто-то коронованным и принимающим после-революционный обед из старческих рук первых чинов государства.

Кто же это мог быть? Уж, не Корнилов ли? Того я то же видел на улице. Иду по Тверской. У Иверской автомобили; толпа, военные папахи... Урра...

— Что такое?

— Генерал Корнилов к божьей матери прикладываются.

Видал Корнилова и на Государственном Совещании.

Когда А. Ф. Керенский произносил свои слова по адресу «диктатора»: «И ныне я с такой же решительностью, с помощью всего Временного правительства поставлю предел стремлениям великое несчастье русское использовать во вред общенациональным интересам. И какой бы и кто мне ультиматум, ни пред'явил, я сумею подчинить его воле верховной власти»,

я видел, как кулак генерала Корнилова судорожно сжался, ударив о борт ложи, и гнев засверкал в его темных глазах. Нет, не генерала Корнилова видел умственным взором А. Ф. Керенский на всероссийском престоле...

Впереди предстояла схватка между двумя «диктаторами». И если она окончилась распластанием на лопатки обоих, то отнюдь не их желанием уступить дорогу друг другу.

Спор, как известно, решили «холопы», которым надоела драка «панов».

IV. ВЫСТУПЛЕНИЕ КОРНИЛОВА И ЗАКУЛИСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ САВИНКОВА.

Вскоре по окончании Государственного Совещания подошли к концу и занятия нашего с'езда. В эти дни был изжит раскол между территориалистами и профессионалами. На состоявшихся совместных совещаниях выработаны были основы соглашения, среди которых был и такой пункт: ввести в состав предстоящего избранию Центрального Исполнительного Комитета семь представителей профсоюзов.

3-го августа была разослана по дорогам такая телеграмма:

«Всем ЛЦ, Правлениям профессиональных союзов. Копия всем Н, ЛМ. Москва, I Кур. Бюро конференции.

Товарищи, причины послужившие к расколу железнодорожников на учредительном с'езде (в) Москве устранены. Все требования представителей об'единившихся профессиональных союзов с'ездом удовлетворены. (В) целях единения, достижения и укрепления успеха намеченных революционной демократией, в лице железнодорожников, работ на пользу народа, в состав Ц. И. К. вошли представители от всероссийских профессиональных союзов. Товарищи, к единению. Да здравствует единый всероссийский железнодорожный союз.

Представители профессиональных союзов: коммерческих агентов по передаче грузов и обмена вагонов — Беляков, составителей, сцепщиков, стрелочников и пр. — Житкин, технических бригад по вагонному делу — Кузнецов, паровозо-союза — Федотов, кондукторов — Алихашкин, весового-технического — Суслов.

Председатель бюро конференции профессиональных союзов — Добытин. Председатель учредительного железнодорожного с'езда — Орехов».

Об'единение было как раз своевременно. Через несколько дней грянул гром, правда, «не из тучи», но во всяком случае рознь в наших рядах подлила бы воды на колесо контр-революции.

25 августа закончился с'езд, избрав Ц. И. Комитет. На его составе необходимо остановиться. Вместе с ближайшими товарищами я составил список кандидатов, но совсем не по партийным признакам. В него вошли все профессии, все дороги большого протяжения. На пятнадцать интеллигентных профессий, считая телеграф, конторы и пр., приходилось двадцать пять рабочих, в том числе из мастерских: литейщик, слесарь, кузнец, токарь, из депо—слесарь. Я включил еще четырех из семи представителей профес. союзов: составителей, паровозо-союза, кондукторов и технических бригад. Трех остальных я не включил и тем провалил все дело. Противная сторона, сторонница коалиционно-партийного списка, завопила о нарушении договора с профессионалами, что было верно, и провела свой список. Треть его были с.-р., треть с.-д., треть—так называемые беспартийные (н.-с., к.-д., а может и еще кто-нибудь). Такое единение было весьма трогательно, но для союза

и его практических работ чревато последствиями. К тому же три четверти списка составлены были из интеллигентов. Они начали с того, что раз'ехались по домам, оставив нас несколько человек на один месяц (это во время революции) конструировать Комитет и вести дела союза. Мои настойчивые просьбы собраться хоть один раз, чтобы наметить предстоящую работу и потом раз'ехаться, не привели ни к чему.

27 августа мы известили линии, что из состава Ц. К. выделено временное бюро в составе: председатель Орехов, товарищи председателя Шеханов, Малицкий, секретари: Казанович, Суслов, Холщевников, казначей—Платонов.

Это все, что осталось верным принятому на себя долгу.

Мы занялись организацией продовольственного с'езда, комиссией по проведению прожиточного минимума, разбором текущих дел. И вдруг—точно электрическая искра пронизала наше тело. Прямой провод из Питера выстукивал: «Войска генерала Корнилова заняли Виндавскую дорогу. Двигаются на Питер. Прошли ст. Дно».

Как двигаются? Как заняли Виндавскую дорогу? Почему никто нас не уведомил? Где был Керенский и его осведомители? Почему он не сообщил ничего Ц. И. К.? Ведь, Петроград в критическом положении! Такие вопросы выступали лихорадочно предо мною и не находили ответа. Мне казалось, что здесь есть доля моей вины. Предупрежденный Керенским, я не сообщил ничего бюро, и мы заранее не приняли надлежащих мер. Созвано было экстренное собрание, вызвали всех бывших в Москве кандидатов ЦК, решили всеми мерами вести борьбу с Корниловым.

28 августа работа кипела. У меня сохранился ряд телеграмм, печатаемых в приложении.

Прежде всего мы потребовали, чтобы все товарищи на линиях остались на своих постах в полной готовности по первому приказу доказать преданность родине и революции. А в то же время в нашей собственной среде председатель союза агентов по передаче грузов Беляков почувствовал себя нездоровым и заявил о своем уходе из Ц. И. К. Мы не удерживали. С богом! Таких нам не надо.

Затем мы предложили назначить на дорогах непрерывное дежурство членов комитетов для просмотра всех телеграмм и для выяснения количества и направления движения подозрительных войск.

В то же время мы пришли к заключению, что управляющий Виндавскою дорогою Харламов должен был знать о передвижении корниловских войск и если он не только не воспрепятствовал этому, но и не поставил нас в известность, то можно было ждать от него противодействия нашим мероприятиям по борьбе с Корниловым. Церемониться в такой момент не приходилось, и мы отстранили его от должности. С этого момента никто не стал бы исполнять его распоряжений и самочинное наше действие тем самым прошло в жизнь, не вызвав даже с его стороны протеста. Следующей телеграммою мы потребовали от товарищей принять самые решительные меры к недопущению повсеместно, по всей сети, продвижения контр-революционных войск. Мы предлагали, в случае надобности, прекращать движение, при приближении войск угонять все паровозы, снимая с линии весь личный состав. При невозможности убрать все паровозы, снимать с них важнейшие части, разбирать пути и загромождать их составом.

Кроме того, мы предложили всем армейским и полковым комитетам арестовать и выдать Корнилова, а до этого мы предложили нашим товарищам прекратить доставку продовольственных грузов в местности, занятые приверженцами Корнилова. Это был самый сильный удар.

Ночь с 28 на 29 мы провели в зале заседания. На другой день подоспела телеграмма Керенского «Всем, всем, всем...» Наш Ц. И. К. реорганизовался из союзной организации в боевую и выделил особое бюро по борьбе с Корниловым.

Установлением учета передвигающихся по железным дорогам войск мы достигли того, что сразу же обнаружились двигавшиеся на помощь Корнилову контр-революционные отряды. Все сведения о передвижениях войск мы передавали штабу Московского округа. Штаб сверял с данными им распоряжениями и немедленно же обнаруживалось, какие отряды идут, помимо распоряжения военных властей. Выяснилось, что с востока, из Казанского округа, двигаются пехотные части, а с юга и юго-запада собираются двинуться казачьи полки.

Повидимому, конный корпус генерала Корнилова, двинувшийся к Петрограду, составлял лишь головной отряд движения. Главные отряды должны были следовать за ним, заняв резервами такой важный стратегический пункт, как узел Москва.

Особое бюро, трудившееся под председательством Малицкого над разрушением планов Корнилова, выполнило свою задачу блестяще. Одни эшелоны были направлены с пути в тупик; другие, требовавшие немедленной отправки с оружием в руках, смиренно отправлялись железнодорожниками... по кругу, с одной дороги на другую, и так ехали без остановки, самодовольно поглядывая в окна вагонов. Один из отрядов был привезен в Москву, где и был арестован штабом округа.

Таким образом, генерал Корнилов со своим головным отрядом был изолирован и оставлен без продовольствия под угрозою ареста революционными войсками. Карта оказалась битой и не «картонным мечом», и даже не обломком рельса и шпалы (до этого, по счастью, дело не дошло), а расписанием поездов.

Тем не менее опасность не была еще устранена. Дальнейшими распоряжениями Ц. И. К. было образовано в Петрограде бюро из членов нашего комитета, повсюду назначены комиссары для наблюдения за действиями железнодорожной администрации, и на всех дорогах началось вооружение рабочих, образовавших железнодорожные боевые дружины.

В это время Петроград переживал тревожные часы. Как выяснилось впоследствии, генерал Крымов с своим конным отрядом не вошел в столицу и не произвел там ареста правительства, благодаря рабочим и в частности железнодорожникам.

Один из деятельных участников отпора контр-революции, товарищ с Московско-Виндавской ж. д., мне рассказывал следующее:

«27 августа сижу я один в комитете. Вдруг телеграмма с пути: «Двигаются на Петроград войска... говорят о намерении захватить город, так как там беспорядки... Прошли станцию Дно». Беда, думаю. Что делать?. Времени мало. Бросаюсь на телеграф. Телеграфирую станции по пути следования эшелонов: «Путь испорчен. Приостановите отправку поездов на Питер». А сам бегом собирать товарищей, чтобы на самом деле разобрать путь. Собрал кого успел захватить. Взяли инструмент. Вскочили на паровоз. Ходу. Еле-еле успели разобрать путь. Начальник головного эшелона, прибыв на станцию и прочтя мою телеграмму, не решился двигаться дальше. Поверил, что путь испорчен. Двинься он и все бы пропало». То же произошло и на Северо-Западных дорогах. Путь успели разобрать. Движение Корнилова подняло на ноги весь рабочий Петроград. Все высыпали за город и принялись рыть

окопы и укреплять Питер. Испытанные революционеры-солдаты, под видом уволенных в отпуск, раз'ехались по станциям, где в беседах с эшелонами свидетельствовали о том, что в Петрограде все спокойно.

Корнилов очень быстро оценил силу железнодорожников. Его телеграмма с уверениями о том, что он озабочен осуществлением законных требований наших, имела в виду, если не привлечь всех нас на свою сторону, то, по крайней мере, разбить союз.

Когда же железнодорожники дружно заработали, уничтожая тщательно разработанный план контр-революционеров из ставки, на столе Викжеля, так называли теперь Ц. И. К., появился неизвестно как анонимный документ. Документ этот несомненно исходил из ставки,—от самого ли Корнилова или от его сподвижников, это не важно,—но, очевидно, направленный и исправленный его рукою. Написанный на машинке и размноженный на штабном мимиографе, он носил следы большой спешности. Составитель, дойдя до телеграммы Лукомского, пишет заголовок, но, не имея самого текста, пропускает его и печатает в особом приложении. Заканчивается тоже заголовком телеграммы Корнилова, а текст дает отдельно. Документ этот является особенно интересным после выхода книги А. Ф. Керенского «Дело Корнилова» и после недавно вышедшей брошюры «Гатчино». Необходимо всегда выслушивать не только одну, но и другую сторону. Кроме того, он хорошо освещает момент выступления генерала Корнилова. Таинственно появившийся документ гласил следующее:

> *«СВЕДЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СОПРОВОЖДАЮЩИХ РАЗРЫВ МЕЖДУ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ. (Источник сведений проверен и заслуживает полного доверия).*
>
> *События последнего времени, как на фронте, так и в тылу выдвинули на первую очередь вопрос о неотложном преобразовании высшего государственного управления. Верховный главнокомандующий неоднократно обращал внимание правительства на тесную связь между тылом и фронтом в вопросе о боеспособности армии. Соответственно с этим он выдвинул ряд требований, которые правительство фактически не ввело в действие, хотя неоднократно уверяло, что в общем согласно с точкой зрения генерала Корнилова. Последние события на Рижском фронте, неслыханная в военной истории переправа через такую водную преграду, как Двина, неприятельской конницы почти без потерь, падение Риги, с другой стороны — грандиозный пожар Казани, уничтоживший громадное количество боевых снарядов — еще раз наглядно подчеркнули необходимость борьбы с общей разрухой не только путем тех или иных мер и законодательных постановлений, но и путем об'единения власти в армии и в тылу. Сознание это не чуждо было, как казалось, и самим представителям Временного Правительства. Об этом говорил с Верховным Главнокомандующим военный министр Савинков во время своего последнего посещения ставки. Он высказался за необходимость создания сильной власти для борьбы с большевиками и безответственными организациями.* (Очевидно с Советами. Прим. автора). *В виду предполагавшегося в конце месяца выступления большевиков в Петрограде, Савинков просил генерала Корнилова послать к Петрограду конный корпус под начальством генерала Крымова».*

Савинков заявляет: «Конный корпус был испрошен мною у Верховного Главнокомандующего, по требованию министра-председателя,

для реального осуществления военного положения в Петрограде». О Крымове ни слова.

Керенский пишет: «Савинков передает Верх. Главнок. предложение министра-председателя направить в распоряжение Временного Правительства отряд войск при непременном условии, чтобы во главе отряда не было ген. Крымова и чтобы с отрядом не посылались туземная Кавказская дивизия» [1]). О том, что по требованию Керенского посылались войска на Питер, разногласий нет. Расхождение в вопросе: кто должен был командовать отрядом: ген. Крымов или нет? Так как этот вопрос 28 августа был безразличен, то мы принимаем версию документов Корнилова. Корнилов удостоверяет, что назначить Крымова просил от имени Керенского Савинков. Керенский утверждает, что он требовал ни в коем случае не назначать Крымова. Необходимо сделать логический вывод: Савинков играл двойную игру. Действовал именем Керенского в своих личных целях. (Прим. авт.). *«В то же время Петроградский военный округ, за исключением Петрограда и некоторых пригородов, подчинен был власти Верх. Главнокомандующего. Вслед за Савинковым в ставку приехал член Гос. Думы В. Н. Львов. Он явился к Верх. Главнок. в качестве лица уполномоченного мин.-пред. Керенским выяснить точку зрения ген. Корнилова на вопрос о наиболее целесообразном способе создания сильной власти. При этом В. Н. Львов указывал на три возможных варианта нового правительства: согласно первому центральная роль в правительстве принадлежала бы Керенскому, все прочие члены кабинета являлись бы лишь сотрудниками, ему подчиненными. Второе предположение выдвигало мысль о сильном правительстве, в коем все члены были бы облечены равной властью. Наконец, третье предположение указывало на возможность предоставить преобладающее положение военному элементу в лице Верх. Главнок., при чем В. Н. Львов спрашивал мнение ген. Корнилова о том, считает ли он желательным, чтобы в состав кабинета вошли бы Керенский и Савинков в этом случае или нет».*

Керенский показывает, что «ген. Корнилов прислал ко мне члена Гос. Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным Правительством всей полноты гражданской и военной власти...»

Корнилов в своем «об'явлении» от 27 августа утверждает: «не я посылал члена Гос. Думы В. Львова к Врем. Прав., а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя» [2]).

Мы утверждаем, что в изложении этого конфликта обе стороны вполне правдивы. Да и Львов в то время был в Питере и лгать не приходилось. Между тем, происходит какая-то путаница. Кто кого и к кому посылал,—все переплелось и безнадежно запуталось.

Разгадку путаницы надо искать в словах: «что в состав кабинета вошли бы Керенский с Савинковым». Очевидно, здесь происходила также двойная игра, какую вел В. Савинков в «Гатчино», когда он явился, по свидетельству Керенского [3]), делегатом черносотенного совета казачьих войск и «особо предостерегающим тоном вопрошал», намерен ли Керенский «предоставить ему какое-либо официальное при

[1]) А. Ф. Керенский. „Дело Корнилова". М. 1918 г., изд. Задруга, стр. 88.
[2]) „Дело Корнилова", стр. 141.
[3]) А. Ф. Керенский. „Гатчино". М. 1922 г., изд. „Книгопечатник", стр. 3.

себе положение». И Керенский, и Корнилов, и Львов сделались жертвою тонких интриг совершенно опустившегося человека. (Прим. автора).

«Генерал Корнилов высказался за третью комбинацию, о чем я уполномочил своего собеседника довести до сведения министра-председателя, добавив, что признает желательным безотлагательный приезд в ставку Керенского и Савинкова, так как, в виду развития событий в Петрограде, он не может ручаться за их личную безопасность в этом городе в ближайшие дни.

В субботу, 26 августа, мин.-пред. вызвал ген. Корнилова по прямому проводу и просил его подтвердить, уполномочил ли он В. Н. Львова передать ему свои предположения. На утвердительный ответ Верх. Главн. А. Ф. Керенский спросил, продолжает ли он считать желательным безотлагательное прибытие в ставку его и Савинкова. На этот вопрос Верх. Глав. также ответил утвердительно».

Корнилов не спросил, посылал ли Керенский к нему Львова и предлагал ли через него ввести в кабинет Савинкова. Спроси Корнилов об этом и обман обнаружился бы. Выступление в эти дни не состоялось бы, а позже подготовлено было бы более солидно. Таким образом в этой всеобщей провокации Савинков сыграл руководящую роль, вскрыв события до их окончательного созревания и тем испортив контр-революционные затеи и собственные честолюбивые замыслы. В этом заслуга Савинкова перед Россией. (Прим. автора).

«А. Ф. Керенский сказал, что теперь, в субботу, уже поздно выехать и от'езд придется отложить до воскресенья. Ген. Корнилов сказал, что будет ожидать их обоих в понедельник, 28 числа». Замечательное совпадение показания обоих «диктаторов», указывающее на искренность обоих и на присутствие «третьего диктатора», сталкивавшего обоих первых лбами. (Прим. автора).

«Полагая, что между ним и министром-председателем установилось полное принципиальное согласие, Верх. Главнок. отдал распоряжение в подкрепление уже данным ранее приказаниям об отправке к Петрограду нужных воинских частей. (Калединские казаки и казанская пехота. Прим. автора). *В то же время он по телеграфу обратился к некоторым видным политическим деятелям с приглашением прибыть в ставку для обсуждения создавшегося положения, имея в виду привлечь их вместе с членами Врем. Правит. к составлению нового кабинета, который, по мнению ген. Корнилова, должен был осуществлять строго демократическую программу, закрепляя народную свободу и поставив во главе угла разрешение земельного вопроса».* (Керенский свидетельствует, что были приглашены: Милюков, Родзянко, Маклаков и др. Прим. автора).

«На следующее утро, в воскресенье, 27 августа, ген. Корнилов получил по телеграфу предписание сдать верховное командование армии ген. Лукомскому, до назначения нового верховного главнокомандующего, а самому прибыть в Петроград. Телеграмма эта крайне удивила Верх. Главнокомандующего, ибо шла в разрез с переговорами по прямому проводу, только что имевшим место накануне вечером. Ген. Лукомский телеграфировал [1]) *министру-председателю:*

---

[1]) Телеграмма эта Керенским не публикуется, а лишь цитируется.

«Министру-председателю. Копия Главкосев, Главкозап., Главкоюз, Полглавкорум, Главкокав.

Все близко стоявшие к военному делу отлично сознавали, что при создавшейся обстановке и при фактическом руководстве и направлении внутренней политики безответственными организациями (читай, советами; прим. авт.), *а также громадного разлагающего влияния этих организаций на массу армии последнюю воссоздать не удается, а наоборот, армия, как таковая, должна окончательно развалиться через два—три месяца и тогда Россия должна будет заключить позорный сепаратный мир, последствия которого были бы ужасны. Правительство принимало полумеры, которые, ничего не исправляя, лишь затягивали агонию и, спасая революцию, не спасали Россию. Между тем завоевания революции можно было спасти лишь путем спасения России, а для этого прежде всего необходимо создать действительно сильную власть и оздоровить тыл. Генерал Корнилов пред'явил ряд требований, проведение коих в жизнь затягивалось. При таких условиях генерал Корнилов, не преследуя никаких личных честолюбивых замыслов и опираясь на ясно выраженное сознание всей здоровой части общества и армии и требование скорейшего создания крепкой власти для спасения Родины, а с ней и завоеваний революции, считал необходимым более решительные меры, кои обеспечили бы водворение порядка в стране. Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от вашего имени, лишь заставил ген. Корнилова принять окончательное решение и, идя согласно с вашим предложением, отдать окончательные распоряжения, отменять которые уже поздно».*

Савинков 27-го августа подал Керенскому письменное заявление, в котором говорит, что это клевета, будто он делал «политические заявления» от имени Министра-Председателя или как ниже в документе Корнилова: не предлагал «никаких политических» комбинаций». Публикуемый документ говорит о том, что Савинков «высказался за необходимость создания сильной власти для борьбы с большевиками и безответственными организациями» и просил присылки войска. Этого не отрицают ни Керенский, ни Савинков. Ну, и что же? Политическое это заявление или нет? Корнилов говорит, что В. Н. Львов спрашивал о том, считает ли он желательным, чтобы в состав кабинета вошли бы Керенский и Савинков. Имя Савинкова сочетается с именем Керенского и в тех и в других показаниях. Политическая это комбинация или нет? (Прим. авт.). *«Ваша сегодняшняя телеграмма указывает, что решение, принятое прежде вами и сообщенное от вашего имени Савинковым и Львовым, теперь изменилось. Считаю своим долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разорению армии и позорному сепаратному миру, следствием коего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо итти с генералом Корниловым и не смещать его. Смещение ген. Корнилова поведет за собою ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от ген. Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию. Ожидаю срочных указаний. 27-го августа, 13 часов, 1917 года, № 6406. Лукомский».*

«С своей стороны, ген. Корнилов принял решение не покидать поста Верх. Главнокомандующего. Некоторое время спустя военный министр Савинков вызвал ген. Корнилова по прямому проводу и имел с ним длинное об'яснение. Заявив, что соображения, изложенные ген. Лукомским, не соответствуют истине и являются клеветой на него, Савинкова, не предлагавшего никаких политических комбинаций. Военный министр выставил ген. Корнилову целый ряд упреков в стремлении к диктатуре из личных целей, в преступлении против родины; в том, что он содействует торжеству императора Вильгельма, открывая фронт; в том, что не он Савинков виноват, что ему не удалось сблизить Корнилова с демократией и т. д. В заключение он взывал к патриотизму и чувству долга ген. Корнилова, приглашая его подчиниться приказаниям Вр. Правительства и отбыть из армии.

Ген. Корнилов ответил с своей стороны, что ему не приходится учиться чувству долга и преданности родине у кого-либо из членов Вр. Правительства, что эту преданность он доказал неоднократно, рискуя своей жизнью, но что именно сознание своего долга перед родиной налагает на него тяжелую ответственную обязанность остаться на своем посту. Вместе с тем, отвергая мысль о каких-либо честолюбивых замыслах, ген. Корнилов установил, что он не посылал к А. Ф. Керенскому В. Н. Львова, а последний явился в качестве посланца Министра-Председателя, предлагавшего в числе прочих комбинаций ту, при коей главным об'единяющим лицом новой власти был бы он, ген. Корнилов. Савинков признал, что посредничество Львова было несчастным.» Следовательно Савинков не отрицал роли Львова, как посланца Вр. Правительства. Кто же посылал Львова? Керенский отрицает этот факт. У нас нет никаких оснований не верить показаниям Керенского. Точно так же нет никаких оснований не верить правдивости изложения фактов и записке-документу Корнилова. Один Савинков не отрицает посылки Львова от имени правительства. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что Савинков не чужд был «политических комбинаций». (Прим. автора.

«Однако, приказание Врем. Правительства об оставлении ген. Корниловым своего поста не было отменено, несмотря на признание Савинковым возможности недоразумения, на коем оно было основано. Пост Верх. Главн. был предложен главнокомандующему Северным фронтом ген. Клембовскому, который от него отказался. Все главнокомандующие фронтами выразили свою солидарность с Верх. Главнокомандующим.

В таких условиях совершился разрыв Врем. Правительства с Верх. Главнокомандующим.

Не теряя до последней минуты надежды на то, что правительство вернется к прежнему своему решению и пойдет на путь соглашения с ним для образования сильного правительства народной обороны, Верх. Главнокомандующий обратился со следующими к нему призывом: [1])

Телеграмма генерала Корнилова № 2.

«Я, Верховный Главнокомандующий, генерал Корнилов, перед лицом всего народа заявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина, свобода России и беззаветная любовь к родине заставили меня в эту грозную минуту бытия отечества не подчиниться приказанию

[1]) Керенский, опубликовав тел. № 1 Корнилова, тел. № 2 почему-то пропускает. (Прим. мое).

Врем. Правительства и оставить за собою Верховное командование русской армией и флотом. Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтов, я заявляю всему народу рускому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного Главнокомандующего. Истинный сын народа русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву родине самое большое, что он имеет, — свою жизнь.

В эту поистине ужасную минуту существования отечества, когда подступы к обоим столицам почти открыты для победного нашествия врага, Врем. Правительство забыв великий вопрос самой независимости существования страны, кидает в народ призрачный страх контр-революции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне, кровному сыну своего народа, всю свою жизнь на глазах у всех отдававшему на беззаветное служение ему, не стоять на страже великой свободы, великого будущего своего народа. Но ныне это будущее в слабых, безвольных руках. Надменный враг посредством подкупа и предательства распоряжается в нашей стране, как у себя дома, неся гибель не только свободе, но и существованию народа русского.

ОЧНИТЕСЬ, ЛЮДИ РУССКИЕ, ОТ БЕЗУМНОГО ОСЛЕПЛЕНИЯ И ВЗГЛЯНИТЕ НА ДНО ТОЙ ПРОПАСТИ, КУДА СТРЕМИТЕЛЬНО ИДЕТ НАША РОДИНА.

Избегая всякого потрясения, предупреждая какое-либо пролитие крови русской и междуусобной брани, забывая все обиды и оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Врем. Правительству и говорю: приезжайте ко мне в ставку, где свобода ваша в безопасности, обеспеченная моим честным словом, и совместно со мною выработайте и образуйте такой состав правительства народной обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа. Генерал КОРНИЛОВ».

Этим кончается полученный нами документ. Думается мне, что подпись Корнилова могла бы быть распространена с телеграммы на весь документ. Воспроизведение пореговоров с Львовым, Савинковым и Керенским и вообще все детали конфликта с Врем. Правительством мог знать только Корнилов и без его участия документ этот не мог быть составлен. Итак, генерал Корнилов, которого уверяли, что он опирается «на ясно выраженное сознание всей здоровой части общества», поспешил выступить, не стянув своих резервов, и потерпел поражение. Железнодорожники, петроградские рабочие и окружающие генерала Корнилова войска стали проявлять такое «ясно выраженное сознание», что заставили «здоровую часть общества» махнуть рукою и уехать в Крым.

Телеграфная перестрелка между Петроградом и ставкою еще продолжалась, когда командующий войсками московского округа полковник А. И. Верховский решил по военному покончить с авантюрою ген. Корнилова. Верховский отдал распоряжение о наступлении на ставку вооруженных войск в целях ареста зарвавшегося генерала и его сподвижников из «стан славных».

Наступление должно было вестись одновременно из Москвы и Орла. Необходимо было организовать перевозку войск.

Штаб округа, убедившись в нашей организованности, обратился к Ц. И. К. за содействием. Комитет командировал меня и П. С. Стефанов-

ского. Московско-Брестская жел. дорога являлась наиболее важной в этом деле, так как она должна была провезти московские войска экспедиции. По инициативе начальника этой дороги было созвано совещание представителей других московских дорог. Они должны были принять участие в одновременной посадке войск на своих путях и передаче поездов Брестской. Я и Стефановский прибыли на это совещание и сообща с представителями дорог выработали общий план погрузки. Кроме Брестской посадка должна была производиться на Окружной ж. д., Николаевской, Рыбинской и на Брянской. Установлено было число поездов, подсчитан состав и определено, где и какой род оружия будет погружен. Поезда должны были следовать один за другим на четверть часа расстояния.

На меня с Стефановским было возложено совещанием общее наблюдение и контроль за своевременной подачею подвижного состава.

В дальнейшем мы следили за ходом подготовительных работ, все время поддерживая связь со штабом.

Два дня прошли в кипучей деятельности.

В день отправки экспедиции, именно 1 сентября, состоялось совещание военных чинов штаба, где я должен был сообщить о работах железных дорог.

В последний момент был установлен порядок отправления поездов с таким расчетом, чтобы впереди следовал рабочий поезд для исправления возможной порчи пути, головным отрядом должен был следовать поезд с броневиками, которые могли с платформ открыть огонь на случай нападения, и в качестве прикрытия отряд стрелков-велосипедистов. С этим отрядом ехал Верховский и его штаб. Дальше, в четверти часа расстояния, следовал поезд с пехотою, затем с артиллерией и, наконец, замыкали экспедицию поезда с пехотою же. Генерал Корнилов мог поблагодарить железнодорожников за проявленную ими распорядительность и предусмотрительность, а «гидра контр-революции» шипеть и извиваться.

Из штаба мы должны были ехать к начальнику Брестской жел. дор., чтобы окончательно установить расписание отправки поездов, а оттуда на место посадки. Требовалась санкция Верховского. Мы ждали и долго не могли ее получить. Верховский говорил со ставкою, требуя сдачи Корнилова.

Наконец, отдан приказ. Едем. Войска с музыкою впереди выступили уже к месту посадки.

Стоял ясный, солнечный день. Автомобиль вздымал тучи пыли. У вокзала мы обогнали два чудовищных, грузных броневика, которые тяжело покачиваясь на выбоинах, ползли к станции.

Едва мы слезли у погрузочных платформ, как стройными рядами вкатились на велосипедах две сотни стрелков и замерли с своими машинами. Приползли броневики. Приехал Верховский. Полковник прошел на станцию и снова его долго не было видно.

Проходит четверть часа, полчаса... Наступает время погрузки.

— Чего мы ждем? — спрашиваю у офицера штаба.

— Командующий войсками говорит по телефону с Керенским.

Ждем еще. Наконец, в семь часов с чем-то, выходит кто-то из штабных и передает животрепещущую новость: «Корнилов сдался. Только что сообщил об этом Керенский [1]. Экспедиция не состоится».

---

[1] Написав эти строки, я проверил их, посетив А. И. Верховского и спросив, действительно ли Керенский сказал о сдаче Корнилова перед посадкою экспедиции. А. И. Верховский подтвердил.

Через минуту вышел Верховский, собрал отряд, произнес речь о мятеже Корнилова, о его сдаче и аресте...

Все кончено. Мы собрались домой. Солнце закатывается; быстро надвигаются осенние сумерки.

Так было. Когда же я читаю «Дело Корнилова» Керенского, то прихожу в изумление. Керенский говорит, что ультиматум Врем. Правительства требовал сдачи Корнилова к семи часам десяти минутам вечера, т.-е. тогда, когда экспедиция была на вокзалах и собиралась садиться, но ответа из ставки не было. Ночью последовал ответ самого ген. Алексеева: «Около двадцати двух часов вечера ген. Корнилов и пр. арестованы».

Что это такое? В семь часов вечера Керенский сообщает Верховскому о сдаче и аресте Корнилова и потому безцельности экспедиции, а на самом деле Корнилов в это время спокойно сидит у себя в кабинете, чешет в затылке и решает, с какой стороны лучше нанести удар революции. Ну, а чтобы произошло, если бы Корнилов нашел тот «кулак», который железнодорожники так дружно разогнули, и двинул бы его в Питер? Опять пошли бы телеграммы: всем, всем... А Корниловцы громили бы Питер. Ведь и ребёнок поймет, что организовать вновь экспедицию не так-то легко и на это требуется время.

Керенский пишет: «Только с громадным напряжением, пуская в ход все влияние и настойчивость (и искажение действительности, скажем деликатно мы), мне удалось предотвратить возможное осложнение в ставке». Действительно, «осложнение в ставке» было предотвращено. Зато оно было распространено, как известно, на всю Россию с бегством Корнилова и его сподвижников. За это Россия спасибо не скажет.

Эх! как бы мне хотелось вновь увидать Екатерину Брешковскую. Я непременно сказал бы ей: «Верно вы говорили, бабушка, верно. Не боги были наши министры, не боги»...

V. ВЫСТУПЛЕНИЕ КАЛЕДИНА.

С Корниловым на этот раз было покончено. Оставался Каледин. Он подготовлял на Дону казачьи резервы для Корнилова.

Телеграммы железнодорожников начали вырисовывать будущую картину подготовляемых операций. Верховский, тогда уже генерал и военный министр, сделал распоряжение об аресте тоже уже генерала, Каледина. Начинается погоня. 31-го августа мы находим его ночующим возле ст. Облинской. Отряд, направленный для задержания Каледина, его там не находит. За полчаса до подхода поезда с погоней, он уезжает на двух тройках, с конвоем из взвода казаков по направлению ст. Чир, возможно в Новочеркасск. Ехавшие на выручку Каледина казаки-офицеры арестованы и в их двух автомобилях найдены винтовки и ящики с боевыми патронами.

Настроение казаков не контр-революционное. Если кое-кто готов был следовать за Калединым, то большинство пока что было против. 3-й полк стал на сторону мятежного генерала, 39-й решительно становился на сторону Врем. Правительства, собираясь притянуть к ответу свое офицерство, которое проявило себя контр-революционно(см. приложение). Так под влиянием корнилово-калединской авантюры стало быстро проявляться, скрытое до той поры расслоение Руси на два борющихся класса.

Надо отдать справедливость Каледину,—он проявил большую энергию. То внезапно появлялся, также внезапно исчезал, чтобы вынырнуть в другой совсем стороне. За это время он многих перетянул на свою сторону. В Чире 1500 калединских казаков потребовали 90 вагонов для своей посадки.

Мы передавали о всем, что делалось на дорогах, штабу округа.

Штаб сделал распоряжение, чтобы казаки не перевозились и оставались впредь до распоряжения на станциях.

Распоряжение было своевременно. По всей Донецкой жел. дор. шло брожение среди казачества, под влиянием агитации Каледина и его сторонников. Наибольшую активность проявил западный участок в треугольнике: Дебальцево (Луганск)—Миллерово (Лихая)—Зверево, и восточный, примыкавший к Царицыну, по станциям: Морозовская—Облинская—Чир. На всех этих станциях 1 сентября шла деятельная мобилизация. К железнодорожникам пред'явили требования на подвижной состав и немедленную посадку казачьих отрядов.

Дальнейшие сведения показали нам, что движение казаков не имеет какого-либо плана. Казаки топчутся на месте, смущенные отсутствием единства, без которого они не превыкли действовать.

Тем не менее мы зорко следили за ними и готовили отпор. Выход корниловским казакам мог быть либо через ст. Лихая, на Воронеж, либо через Царицын и Грязи. И нами и штабом были приняты меры к тому, чтобы задержать их в этих двух пунктах на случай прорыва с Донецкой дороги.

Вызывал опасения Царицын, так как можно было предполагать, что он станет центром контр-революционного движения Донского, Астраханского и Уральского войска. Но на это, как оказалось, не хватило организационного размаха у ген. Каледина.

Не хватило его и в другом отношении. Из Ростова нам сообщили, что есть основания предполагать о намерении Каледина «отрезать север от юга в Донской области, имея целью оставить Москву в критическом положении в смысле продовольствия».

Из сводки сведений о том, что делается среди донского казачества ясно было, что операции Каледина, особенно после сдачи Корнилова, обречены на неудачу. Тем не менее предположение ростовских товарищей мы приняли к сведению. Возможность прекращения подвоза продовольствия нас не пугала. Заволжский, украинский и сибирский хлеб пошел бы беспрепятственно. Другое дело донецкий уголь. Без него все дороги остановят работу. Запасов нет.

Намеревается или не намеревается Каледин так поступить—все равно. Железнодорожники должны быть готовы дать отпор и такому выпаду. Необходимо заготовить и вывезти из Донецкого бассейна возможно быстрее необходимый запас угля. Комитет обратился с воззванием к шахтерам бассейна и командировал в Харьков т. Холщевникова для налаживания дела на месте. Кроме того, обнаружилось, что создается новое затруднение. В Курске образовалась пробка. Севастопольская дорога пред'являет ежедневно 1000 груж. вагонов, Курская, по состоянию своего водоснабжения, принимает только 400. К 1-му сентября задержано 1200 груж. вагонов.

Комитет телеграфировал начальнику Курской дороги о необходимости произвести экстренные работы по увеличению водоснабжения линии. Начальник развел руками. Никак невозможно.

Тогда Комитет поручил общее наблюдение за работами члену Ц. И. К. (специалисту по водоснабжению), а тот привлек к делу слесарей Москва-Кур-

ской и в короткий срок невозможное стало возможным: приемная способность Курска поднялась до 1000 вагонов в сутки.

Таким образом, момент всеобщего напряжения в отстаивании революции от покушений на нее вынудил Комитет выступить из узких рамок союза на путь государственных задач.

В этом направлении и должна была развиваться деятельность Ц. И. К. К сожалению, неблагоприятный состав Комитета столкнул его с намеченного пути на путь политики и докатил до «викжеляния» в гатчинские дни.

«Слишком много политики», — говорят в таких случаях французы.

Итак, калединское выступление лопнуло, как мыльный пузырь. 3 сентября должен был собраться войсковой круг, который и намеревался выяснить роль Каледина в корниловские дни. Повидимому, известие о ликвидации корниловского выступления охладило пыл сторонников Каледина, а его самого заставило до поры до времени куда-то исчезнуть. Что решил войсковой круг, мне неизвестно. Надо думать, что он не подымал открыто вопроса о действиях своего атамана. Вр. Правительство поспешило тоже забыть о Каледине. Таким образом, эта авантюра сама собою сошла на нет.

После бегства из-под ареста Корнилова, которого никак не могли отыскать, и его вторичного выступления в эпоху гражданской войны, выплыл ненадолго и Каледин. Оба закончили свою жизнь трагически.

Корнилов встал во главе белогвардейцев. В один из непрекрасных для него дней снаряд красной артиллерии ворвался в дом, где находился генерал с своим штабом, и от них ничего не осталось, кроме моих воспоминаний.

Каледин на Владикавказской, кажется, дороге заспорил с солдатами, хотевшими сесть в его вагон. Во время спора он ударил солдата. Те открыли огонь из винтовок, изрешетили вагон, Каледина и ехавших с ним офицеров. «Так,—говорили римляне,—проходит слава мира».

VI. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Корнилово-калединское выступление и участие в борьбе с ними железнодорожников выявило ряд практических шагов, которые диктовались самой жизнью.

Ц. И. К. закрыл все свои боевые организации и снова перестроился на профсоюзную деятельность, однако, необходимо было готовиться ко всяким случайностям. Комитет решил установить более тесную связь с Советами как на местах, так и в столицах для получения поддержки, когда потребуется помощь союзу. Необходимо было установить тесный контакт с почтово-телеграфным союзом на случай совместных выступлений и для устранения имевших место трений во время контроля над депешами, подаваемыми корниловскими «молодцами».

Кроме того, практика боевых дней указала союзу на необходимость добиться свободы действий в сфере железнодорожных дел государственного значения. На очередь был поставлен вопрос об урегулировании перевозки хлебных грузов. Была избрана хлебная комиссия, которой поручили в первую очередь собрать в министерстве продовольствия сведения о месте нахождения массовых закупок зерна.

Корнилово-Калединское выступление поставило и перед Керенским ряд задач. После единоличного управления, он пригласил себе в помощь несколько человек, не формируя пока кабинета. Необходимо было прислушаться к голосу рабочих организаций.

Керенский пишет: «Не нужно забывать, что в это время как раз происходил *здоровый* (курсив мой) процесс *ущерба* государственно-политического значения Советов».

Ущерб был действительно здоровый, только в ином смысле, чем думает Керенский. Я отметил его еще в конце июня в разговорах с рабочими. К сентябрю дело «ущерба» зашло так далеко, что я ждал взрыва с минуты на минуту. Еще можно было его оттянуть, если бы Правительство из коалиционно-буржуазного превратилось в коалиционно-социалистическое. На этом настаивал и президиум Совета Р., К. и С. Д. Однако Керенский, не разгадав причины под'ема и сплочения всей демократии во время корниловщины, упорствовал. Есть основания думать, что никто из социалистов и не хотел итти в правительство. Дело было слишком испорчено и слишком много времени ушло на топтание на одном месте. Керенский решился на созыв Демократического совещания, где могла присутствовать черная кость вперемежку с серой.

Совещание было созвано в Питере, если не ошибаюсь, 10 сентрября. Оно представляло из себя всероссийский с'езд представителей социалистических партий, кооперативов, союзов и проч. Рабочий! Ну, что делать рабочему, на государственных совещаниях?..

Описывать Демократическое Совещание я не стану, как сделал это в отношении Учредительного жел. с'езда и Государственного Совещания. Тут нужно кропотливое исследование, основанное на документах, а не беглое изложение личных впечатлений. Я ограничиваюсь некоторыми штрихами, характеризующими разбираемый мною момент.

На Совещание с'ехалось со всех концов России свыше трех тысяч человек, наполнивших сверху до низу обширный Александринский театр. Проскользнул рабочий, но преобладал интеллигент.

От железнодорожного союза были делегированы пятнадцать человек: пять социалистов-революционеров, пять социал-демократов и пять беспартийных. Перед началом совещания нам дали по книжке отрывных талонов, на которых значилось: «Всероссийское Совещание Демократических организаций. Прошу слова. Фамилия. Делегат от.....». Я подсчитал талоны. Двадцать штук. И так я могу говорить двадцать раз. Это хорошо. На Государственном Совещании давали говорить один только раз одному представителю организации и то всего четверть часа! На Демократическом Совещании я могу излагать демократические мысли в течение двадцати, а понатужиться, так и в течение тридцати часов. Это было великолепно. Я решил молчать.

Ораторы всех партй, направлений и демократических организаций начинали и кончали свои речи словами: «Россия на краю гибели». Я насторожил уши. Если в сознание всех органзаций залегло так прочно представление о том, что отечество в опасности, из этого, по моему разумению, должно было непременно выйти дело и притом большое дело: об'единение сил, конкретная планировка государственного строительства и пр. и пр. Оказалось обратное. Вначале еще слушали друг друга, но потом, при выступлении представителя одной партии, представители других устраивали форменную обструкцию, затем роли менялись. Шум, гвалт. Это было настолько дико, что даже Виктор Чернов, не отличающийся терпимостью в среде своей же партии, и тот вышел и вместо программной речи развел руками и сказал: «Товарищи, что же это такое? Ведь мы не на Государственном Совещании. Ведь это же совещание демократических организаций. Разве можно так держать себя в отношении противника?!»...

Покойный *Г. В. Плеханов,* тоже старавшийся успокоить страсти и примирить враждующие стороны, рассказал совещанию о германской сказке, где два кота дерутся так неистово, что от них остаются в конце-концов только хвосты. Но остановить разошедшихся делегатов было трудно. А рабочие в то время, с серьезными, вдумчивыми лицами, тихо стояли, наполняя вестибюль театра, добиваясь впуска в Совещание для изложения своих взглядов на государственное строительство... Их не впустили. Куда прешь!..

Я молчал. Теперь я считаю это преступлением. Пускай меня освистали бы, осмеяли, прогнали бы с кафедры. Я должен был говорить. В кулуарах меня окружили знакомые. Я заговорил о том, что совершенно не понимаю происходящей борьбы. «Одни отстаивают коалиционное правительство (с кадетами, без кадетов, без правых кадетов и т. д.). Но разве мы не имели коалиционного правительства, разве недостаточно произведенного опыта, чтобы решительно отказаться от его повторения? Другие отстаивают социалистическое правительство, куда войдут представители и даже лидеры всех партий. Но разве это не та же коалиция? Представьте кабинет, составленный из товарищей: Керенского, Ленина, Плеханова, Чернова, Церетелли, Троцкого, Чхеидзе... Я утверждаю, что в короткий срок Россия очутится не только без правительства, но даже без государства. Правительство должно быть об'единено единством плана и действия. Какое же единство может получиться от коалиционно-социалистического состава правительства?

«Если это так, то где же искать выхода? Я полагаю, что если все партии считают Россию на краю гибели, то единственно приемлемым решением явится соглашение всех социалистических партий и фракций подчиниться и всемерно содействовать той из них, которая в настоящий критический момент сможет выставить десять-пятнадцать государственных мужей. Если это будут большевики, мы должны принять их программу, если меньше»...

Тут я внезапно остановился, оглянулся вокруг и убедился, что стою в позе Чацкого на балу у Фамусова. Меня оставили все. Последний из них, при слове «большевики», круто повернулся ко мне спиною и, не дослушав конца фразы, ушел... Это был интеллигент, инженер и вовсе не молодой человек.

Выступил перед Совещанием и А. Ф. Керенский. Речи его воспроизводить не буду, но отмечу, что в числе доводов о необходимости твердого (читай—коалиционно-буржуазного) правительства, Керенский указал на то, что в Финляндии тайные революционные организации готовят отпадение Финляндии от России.

Не успел Керенский договорить эти слова, как театр сотрясся от грома аплодисментов. Керенский в ужасе откинулся назад и прокричал: «Германская эскадра движется к финляндским берегам»... Новый взрыв аплодисментов и ужас на лице министра-председателя. Ясно, что в ту минуту глубокая уже пропасть разделяла Керенского от демократических организаций и что он был сроднее коалиционно-буржуазному правительству, с его взглядами на единое и нераздельное, эксплоатирование народов, населяющих «государство российское», чем к коалиционно-социалистическому, при котором происходит разная стрижка населения, кого под длинный волос, кого под гребенку.

К концу совещания произведено было голосование. Результат: тысяча семьсот за коалиционно-буржуазное правительство, тысяча семьсот за коалиционно-социалистическое. Воздержалось двое: Чернов и я. Но если бы мы и голосовали, то все же голоса разделились бы поровну, так как Чернов предлагал ввести левых кадетов и был бы на одной стороне, а я на другой.

На этом и кончилось Совещание. Выбрали, правда, предпарламент, но это был уже совсем пустой шаг.

Когда меня спросили, что дало демократическое совещание, я по чистой совести ответил: головную боль и окурки папирос в коридорах.

Вскоре я оставил Викжель. После провала моей комбинации составления Ц. И. К. и избрания партийно-коалиционного состава, я знал, что будет много политики и мало практического дела. Это не отвечало моим целям Я готовил уход из Комитета. Сперва я ждал приезда всех членов Ц. И. К., потом меня приковало дело Корнилова. В такие минуты уходить с поста нельзя. Затем задержало Демократическое Совещание. После него я уехал в Москву, где пребывал Викжель. Там в течение нескольких дней я вполне добросовестно пытался повести дело так, как его понимал. Увидел, что ничего не выйдет, и только тогда уже подал в отставку.

VII. ДЕВЯТЫЙ МЕСЯЦ БЕРЕМЕННОСТИ ПОЛУРЕСПУБЛИКИ.

Из Москвы я уехал в Саратов, возвращаясь снова в Главный Дорожный Комитет. Предстояла большая организационная работа.

Хотя я и повел дело так, что комитет продолжал поддерживать добрые отношения с управлением дороги, но, несмотря на это, каждый наш шаг к расширению и укреплению значения союза встречал дружный отпор. Наши инженеры явно не понимали происходящего в России и не видели все большего и большего сдвига влево рабочих масс. Примирившись с внешней, по крайней мере, стороны с падением царизма, они боролись всеми силами за сохранение полуреспублики, при которой нет царя, но сохранился весь буржуазно-бюрократический строй царской России.

Борьбу вели и на местах и в центре. А волна надвигалась. Наконец, грянула буря. Несмотря на мороз, Врем. Правительство растаяло, как лед под лучами палящего солнца. Саратов хмурился. Служащие управления собирали сходки. Велась агитация за борьбу с большевиками. Я не принимал участия на сходках. Пускай говорят. Но однажды я проходил мимо лестницы, где собралось человек сто чиновников. Увидав меня, кадет, председатель сходки, ядовито воскликнул: «Вот товарищ Орехов, его просим». Толпа расступилась и я взобрался на эстраду.

— Чем вы интересуетесь, товарищи?

— Мы ставим вопрос: должна ли вестись борьба с большевиками, которые без созыва учредительного собрания захватили силою власть?

— Вы интересуетесь этим как железнодорожники?..

— Да, да...

— На это я вам отвечу следующее: как железнодорожники, вы все принадлежите к союзу. Союз—организация беспартийная. В нее входят лица самых различных политических убеждений. Если вы вступите на путь политики, то вы внесете борьбу в ряды союза и тогда он погиб. Каждый из вас пусть решает вопрос, с кем он. Как частное лицо, вне железной дороги, каждый из нас волен взять ружье и итти по ту, или по другую сторону баррикады. Общего решения тут быть не может. Но, как члены союза, союза беспартийного, вы не имеете права вступать в политическую борьбу [1]). Должно ли

[1]) т. Орехов поддерживает здесь тактику „нейтралитета“ Викжеля, обсуждению которой посвящены следующие 2 статьи сборника. (Прим. ИПТ.)

было созывать учредительное собрание прежде чем брать на себя власть?— я отвечу: а что такое учредительное собрание? Не фикция ли это? И что оно даст?

Тут я должен был остановиться. У моих слушателей от напряжения покраснели лица, щеки раздулись, губы вытянулись в дудку и из них стал исходить оглушительный свист. Я выждал. Когда воздух весь вышел и моя аудитория стала отдыхать, я продолжал:

— Вы торопитесь. Надо сперва дослушать, а потом выражать свои ощущения. Свое мнение об учредительном собрании я основываю на полученном мною опыте на Государственном и Демократическом Совещаниях. На этих Совещаниях были лучшие люди из лучших со всей русской земли. И что же дали эти собрания? Ровным счетом ничего. Можете ли вы прислать новых людей на учредительное собрание? Нет. Что же оно нам даст? В лучшем случае оно распишется в том, что есть. Стоит ли после этого ломать оружие из-за него?

Собрание стихло. Я собрался уходить, и в это время какой-то молодой служащий с искаженным злобою лицом закричал мне: «Вы к какой партии принадлежите? К большевикам?»

Я ответил, что принадлежу к союзу, и отправился дальше по делам Комитета. Через день или два нас пригласили на совещание в городскую управу. Я и еще два товарища (кто именно—не помню) были посланы на это заседание. Там мы застали собрание человек двадцать. О чем они вели речь, я не знаю. Чувствовалась, однако, напряженная атмосфера. В числе собравшихся находился комиссар Врем. Правительства. Он представился нам и сообщил, что вызвал казаков из Балашова, так как, по полученным им сведениям, ожидается в Саратове погром. Комиссар просил содействия Комитета в скорейшей доставке казаков. Я посоветовался с товарищами и мы пришли к решению: в целях недопущения погрома, сообщить нашему революционному бюро о необходимости допустить перевозку балашовских казаков в Саратов. Впоследствии оказалось, что мы, и в том числе я, вызывали казаков для борьбы не с погромом, а с ожидаемым выступлением большевиков. Спохватился я поздно. Казаки уже выехали и были недалеко от Саратова. Остановили их в нескольких верстах от города и надо было ликвидировать это передвижение и возвратить казаков обратно.

Впоследствии говорили, что один из членов бюро, замаскированный, явился в телеграф и послал телеграмму. На самом деле я по телефону из городской управы передал наше решение и бюро привело его в исполнение. Вина падает на нас и главным образом на меня.

Движение большевиков началось выступлением пехотных полков, которые стали занимать квартал за кварталом. К управе были вызваны юнкера. К утру управа была окружена. Юнкера заняли перекрестки и забаррикадировались чем попало. Большевики подвезли орудия и втащили их на окружающие возвышенные кварталы. Ни та, ни другая сторона не желала начинать активных действий. Шли переговоры. Наконец, пронесся слух, что юнкера кладут оружие. Успокоенный, я возвращался на вокзал в вагон, где жил, но не успел я снять пальто, как раздался треск ружейных выстрелов, а затем гул орудий. Оказалось, что переговоры мирно закончились, юнкера выговорили условия пропуска их, как вдруг раздался неизвестно откуда провокаторский выстрел; стороны разбежались за прикрытия, и открылся огонь. Два дня продолжалась стрельба. Потерь не было, но шальными пулями был убит какой-то реалист и ранен юнкер. Наконец, вторично начали вести переговоры и в результате управу сдали.

Оставались казаки. Большевистские силы спешно возводили окопы вокруг города. Казаки, задержанные в Разбойщине, уехали в село, где и заняли выжидательное положение. Прошла неделя или больше. Вдруг из Разбойщины телеграфируют нам, что казаки хотят выслать выборных для переговоров. Послали паровоз и классный вагон и к вечеру прибыла депутация из двух урядников и трех рядовых. Мы вызвали на вокзал представителей новой власти и представили им парадные комнаты для переговоров. В результате казаки просили, чтобы от Саратова выехали к ним наши представители. На другой день должен был состояться от'езд делегации. В нее вошли преимущественно железнодорожники; среди них т. Кавылкин и от комитета т. Воробьев. От военной организации какой-то ростовец и два юных офицерика.

Я провожал делегацию. Но в самый момент отправки какой-то немолодой рабочий из Депо ухватился за Воробьева и завопил, что рабочие не допустят его в качестве делегата. Сколько мы ни уговаривали рабочего, сколько ни говорили, что тов. Воробьев сумеет защитить интересы рабочих, тот твердил свое. Рабочий был трезв. Надо было искать выхода. Протестант сам его указал. Обращаясь ко мне, он говорил: «Вот если бы вы ехали, я бы ни слова не сказал». Тогда я спросил Воробьева, что он имеет против такой комбинации. Воробьев согласился и я очутился среди делегации, а рабочий, удовлетворенный, удалился домой.

В Разбойщине, на станции мы нашли человек шесть казаков, которые уступили нам своих лошадей, дали одного из своих в провожатые и мы затряслись на мелких лошадках. Проехали три версты и показалось большое село. Встречные казаки сказали, что нас ждет командир, и мы, спешившись, прошли к двухэтажному домику, где на верхнем этаже, в квартире полкового командира, собралось все офицерство.

Речь повел разбитной ростовец. Он поставил вопрос от имени саратовских товарищей: зачем оставили Балашов и приехали к Саратову?

Полковой командир об'яснил, что они выехали по требованию комиссара Вр. Правительства, в виду готовившихся в городе беспорядков.

Тогда я вмешался в разговор. Об'яснив, что мы, железнодорожники, являемся нейтральной стороною, я заявил, что в Саратове все спокойно, никаких беспорядков нет и ничто не указывает на их возможность. Т. Ковылкин сразу поставил остро вопрос. Он потребовал, чтобы казаки немедленно уезжали не только из Разбойщины, но дальше из Саратовской губернии к себе, в Оренбург. Полковник спокойно заметил, что они могут вернуться на свою прежнюю стоянку, что он обо всем сообщил командующему войсками Казанского округа и с минуты на минуту ждет распоряжений, которые сообщит немедленно нам в Саратов.

Ковылкин настаивал и, наконец, сказал, что если он не желает добром уехать, то мы созываем сейчас казачий круг, а тогда будет видно. На лице полковника промелькнула тревожная тень; видимо, он ненадеялся на своих казаков. Полковник снова повторил, что ждет распоряжений округа и без него не может ничего предпринять. Но Ковылкин слушать ничего не хотел и направился к кругу у под'езда полковничьей квартиры. Мы поднялись и направились вслед за Ковылкиным, а полковник остался. Вышли с нами и полковые офицеры.

Среди толпы казаков стоял небольшой боченок, опрокинутый дном вверх; назначение его было служить кафедрой для ораторов. На него взобрался ростовец. Он говорил весьма политично, приноравливаясь к психологии казачества. Ростовец рассказал смысл происшедшего переворота. Между

прочим, он сказал, что было время, когда муха ездила на рогах вола и говорила: мы пахали. Теперь это время прошло. Теперь вол будет ездить на мухе. Это сравнение вызвало веселый смех среди казаков и лед, бывший между нами, начал подтаивать. Затем взобрался на боченок Ковылкин. Его речь посвящена была тому же выяснению смысла совершившихся событий. Но вдруг раздался чей-то громкий голос: «Зачем вы арестовали выборное правительство?». Далее я услышал гул голосов: «Старик... Старик...». Я не понял в чем дело. Мне об'яснили, что круг требует, чтобы я высказался.

Пришлось лезть на маленький боченок и изобразить вола, ездящего на мухе. Казакам я сказал то же, что и офицерству. Но закончил иначе. «Вы спрашиваете, почему арестовано выборное правительство. Кто же его выбрал? Я его не выбирал. Может, вы выбирали? Или кто-нибудь другой выбирал? Насколько мне известно, оно само себя выбрало. Поэтому вопрос этот вас не должен беспокоить. На слова тов. Ковылкина я отвечу так. Он говорит, что вам надо ехать домой в Оренбургскую губернию, и на самом деле, что вам делать в Саратовской? Или у вас дома все уже так хорошо, что вам теперь надо порядок заводить у других?

«Я думаю, что у вас самих еще, ох, как много работы; много надо поправить, много изменить». (По лицам некоторых казаков я видел, что попал на слабое место. Глаза у них заблистели и они задвигались, точно сейчас же собирались сесть на коней и двинуться на родину). «Конечно, лучшее, что вы сможете сделать,—это вернуться домой и устроить там свои дела так, как требует этого ваша казачья совесть. Другой вопрос, когда это сделать. Ваш полковой командир совершенно прав, когда говорил, что надо дождаться распоряжения округа. Казак не должен вносить беспорядок в военные дела. Полковник послал донесение; через день—два получится ответ и тогда—с богом».

Какое впечатление получилось от моих слов, я не знаю, но, когда мы собрались домой, казаки не позволили «старику» ехать верхом, а добыли пролетку, запрегли свою лошаденку, посадили на козлы рослого казака и торжественно доставили на вокзал. Думается, что в Разбойщине я загладил свой невольный промах, способствуя г. комиссару экстренно вызвать из Балашова казаков на случай «погрома».

Вскоре казаки уехали, и дальнейшего о них я ничего не знаю.

Саратов пришел опять к мирной жизни и машина заработала без перебоев. Работала попрежнему и наша железнодорожная машина.

И, как ни странно, железнодорожное начальство ничему не научилось в развернувшихся событиях и продолжало свою политику сопротивления вмешательству рабочих и служащих в железнодорожное дело.

У меня сохранился журнал 28-го заседания Совета частных дорог от 31-го октября, т.-е. после совершившегося перворота. В нем читаем:

«Вне очереди слушали: оглашенную Н. Д. Байдаком телеграмму совещания Николаевской ж. д. за подписью Маноса об отношении к назначенному Викжелем Бюро по управлению ведомством М. П. С. (напечатано в № 17 газеты «Единство»).

«Постановили: осведомить все Правления и Управления частных ж. д. о нижеследующем постановлении: Совет частных железных дорог, при отсутствии Министра Путей Сообщения, единогласно постановил

признать для частных ж. д. обязательным лишь распоряжения, исходящие от известных Правлениям и Управлениям дорог старших чинов ведомства, являющихся преемственными представителями законной власти.

«Слушали: сообщение С. В. Тюменева о состоявшемся вчера, 30-го октября, собрании чинов Министерства Путей Сообщения, на котором принято решение, в виду сложившейся политической обстановки, прекратить занятия, за исключением частей, работа коих тесно связана с обороной и продовольствием страны, о чем за подписью Председателя Союза служащих Возницина послана телеграмма ЛН, РН, Н, Викжелю, Утноссу, Центропути за № 191.

«Постановили: принять к сведению и № 191 сообщить всем Правлениям частных ж. дорог». (Так начинался знаменитый «саботаж» обидевшихся граждан. Прим. авт.).

«По повестке Совещания слушали: депешу Председателя Викжеля о заключении договоров с контрагентами на торговлю с произведениями печати за № 106.

«Постановили: отклонить предложения и предложить всем Управлениям частных железных дорог, не исполняя телеграммы № 106, руководствоваться по сему вопросу общим Уставом и Циркулярными раз'яснениями Министерства Путей Сообщения».

Словом,—отпор по всей линии. Между тем, на дорогах рабочие и служащие, претерпевая острую нужду при все возрастающей дороговизне, волновались, и требовались большие усилия для удержания их от эксцессов. Появились грозные симптомы. На одной из станций Р.-Ур. ж. д. общее собрание по предложению одного из служащих захватило дневную выручку и разделило между собою. Комитет отстранил инициатора от службы и раз'яснил, что есть станции на которых выручка или очень мала, либо ее совсем не бывает. При захвате каждой станцией касс одни получают много, а другие ничего. Указывая на это, мы категорически запрещали такие действия, под угрозою отдачи под суд. Это было бы вполне правильное распоряжение, если бы мы могли одновременно распорядиться выдавать заработную плату в размере, достаточном для прожития. Между тем наш прожиточный минимум провалился еще при Керенском, и надежд на его проведение пока у нас не было. Что же касается нашей администрации, она попрежнему действовала неукоснительно.

Я поехал в Петроград и в разговоре с представителем Правления В. П. Шмидтом предложил, как единственный выход из создавшегося положения, произвести смену всей администрации.

Шмидт взглянул на меня пристально и решительно сказал:

— Этого никогда не будет.

— Тогда через месяц волна перейдет через наши головы и захлестнет и вас и нас.

— Вы думаете?—недоверчиво спросил старик.

Я отвечал утвердительно, а через месяц старик барахтался уже в волнах революционного движения на дорогах и вспоминал, вероятно, мои слова. Революция, как водится, нагромоздила первое время обломки на обломки

и наше положение стало еще хуже. Таков закон революции, являющейся ярким выражением шедшей до той поры мелкими вспышками классовой борьбы. Чем больше сопротивляется падающий класс, тем бурнее и ужаснее революционный взрыв.

Так в муках и стонах, в воплях и страданиях рождалась наша республика...

И был год первый.

М. Д. Орехов.

1923 г.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

к статье „Полуреспублика 1917 года“.

I.

ПРИКАЗ

по Николаевской железной дороге, Петроград, июля 10 дня 1917 г.

№ 205.

Мною получено следующее распоряжение Временно-Управляющего Министерством Путей Сообщения:

Всем Н, РН, Могилев, Бобруйск, Вытегра, Тифлис, Казань, Киев, Москва, Петроград, Томск, Благовещенск, Начальникам Округов п. с. и всем железнодорожным Главным Комитетам, копия всем отделам и частям Управления железных дорог.

Сегодня, 7-го июля, Временным Правительством об'явлено нижеследующее постановление, которое приказано об'явить по телеграфу: 1) виновные в публичном призыве к убийству, грабежу, погромам и др. тяжким преступлениям, а также насилию над какой-либо частью населения наказываются заключением в исправительном доме не свыше 3 лет или заключением в крепость на срок не свыше 3 лет; 2) виновные в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти наказываются заключением в крепость на срок не свыше 3 лет или заключением в тюрьму; 3) виновные в призыве во время войны офицеров, солдат и пр. воинских частей к неисполнению действующих при новом демократическом строе армии и согласных с ними распоряжений военной власти наказываются, как за государственную измену. Предлагаю немедленно об'явить таковое по линии с раз'яснением, что такое постановление в полной мере относится к железным дорогам и что всякий призыв к нарушению и неисполнению существующих издаваемых распоряжений власти и призыв к насильственным действиям, нарушающим нормальную спокойную работу железных дорог, будет преследоваться со всей строгостью указанного постановления. Во исполнение сего предлагаю принять меры к тому, чтобы все случаи нарушения и неисполнения распоряжений, а равно призывы к таковым не оставались без предусмотренной законной ответственности, и о всяком попущении и неисполнении немедленно сообщать прокурорскому надзору. № 5438. Временно-Управляющий министерством ЛИВЕРОВСКИЙ».

Об'являя настоящее распоряжение для исполнения, я выражаю твердую уверенность, что на Николаевской ж. д. не встретится надобности в применении указанного постановления, так как считаю, что большинство служащих, мастеровых и рабочих дороги относятся вполне сознательно к переживаемому сейчас страной критическому положению и повлияет на остальных, менее сознательных своих товарищей.

Начальник дороги инженер ЮРЧЕНКО.

ТЕЛЕГРАММА № 4153.

Из Петрограда. Центр.
27 августа 1917 г. 10 ч. 30 м.

По линиям железных дорог: всем начальствующим и дорожным комитетам. Сообщаю для сведения и для широкого оповещения нижеследующее об'явление Министра-Председателя:

«26 сего августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы Владимира Николаевича Львова с требованием передачи Временным Правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти о том, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страною. Действительность полномочий члена Государственной Думы Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу. Усматривая в пред'явлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному Правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное Правительство признало необходимым для спасения родины, свободы и республиканского строя, уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь всякие попытки посягнуть на верховную власть в государстве и на завоеванные революцией права граждан; все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются и о таких мерах население будет своевременно поставлено в известност. Вместе с тем, приказываю: 1) генералу Корнилову сдать должность Верховного Главнокомандующего генералу Клембовскому, главнокомандующему армиями северного фронта, преграждающему пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность Верховного Главнокомандующего, оставаясь в Москве; 2) об'явить город Петроград и Петроградский узел на военном положении и распространить на него действия правил о местностях, об'явленных состоящими на военном положении (св. зак., т. I, общ. учрежд губ., ст. 23, изд. 1892 г. и продолж. 1912 г.). Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга защитить родину от внешнего врага.

Подлинное подписано министром-председателем, военным и морским Керенским».

Временно Управляющий министерством Путей Сообщения ЛИВЕРОВСКИЙ.

*
**

ОБ'ЯВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО.

Телеграмма Министра-Председателя за № 1163[1]) *во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Гос. Думы Владимира Львова к Вр. Правительству, а он приехал ко мне, как посланец Министра-Председателя. Тому свидетель член Гос. Думы Алексей Аладьин.*

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

---

[1]) Надо полагать, что это—ошибка, так как имеется в виду телеграмма № 4153. ИПТ.

Русские люди...

Великая родина наша умирает.

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, ген. Корнилов, заявляю, что Врем. Правительство под давлением большевистского большинства советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережьи, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога, в храмы, молите господа бога об об'явлении величайшего чуда, спасения родной земли. Я, ген. Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом, — до учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Передать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ! В твоих руках жизнь твоей родины...

27 августа 1917 г. *Генерал КОРНИЛОВ.*

*
**

ТЕЛЕГРАММА № 4202.

Из Петрограда. Центр.

28 августа (?) 1917.

Начальствующим по всем линиям железных дорог тыла и фронта и дорожным комитетам.

От имени Временного Правительства приказываю никаких требований и распоряжений бывшего Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова, изменившего и открыто восставшего против Временного Правительства, не исполнять, своевременно озаботиться вызовом революционных частей для охраны и защиты от насилий агентов генерала Корнилова.

Министр-Председатель и Военный-Морской Министр КЕРЕНСКИЙ.

*
**

1) ТЕЛЕГРАММА № 50.

Москва. Сев. 28 августа 1917 г., 5 час. дня.

ЛЦ, всем Н, Ц и министру-председателю Керенскому.

Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского железнодорожного союза, в виду переживаемого момента, в полном единении со всей демократией и Временным Правительством предлагает всем железнодорожникам оставаться на своих постах, в полной готовности по первому приказу Центрального Исполнительного Комитета доказать преданность родине и революции. Все сведения и меры, принимаемые главным комитетом дорог, предлагаем передавать Москва. Северные. Центральному Исполнительному Комитету Всероссийского ж.-д. союза.

Председатель Бюро ОРЕХОВ. Секретарь СУСЛОВ.

**
*

2) СПБ. М.-ПР. КЕРЕНСКОМУ. 28/VIII. 7 ч. вечера. № 52.

Ц. И. К. В. Ж. С. заявляет, что он использует весь свой авторитет и приложит все зависящие меры к подавлению контр-революционных выступлений, действуя в полном единении с Вр. Пр. и демократическими организациями.

Пред. ОРЕХОВ. Секр. КАЗАНОВИЧ.

3) ВСЕМ ЛЦ. 28/VIII. 10 час. веч. № 53.

Ц. И. К. Ж. С. предлагает назначить непрерывное дежурство в телеграфе членов ГЛ. К. и К-ов телеграфа для пересмотра всех телеграмм. Сомнительные телеграммы, а также все шифрованные, кроме адресованных Керенскому, должны задерживаться и направляться Ц. К. С. и Гл. Д. К. Необходимо срочно по телеграфу выяснить количество и направление движения подозрительных войск на линии и немедленно сообщить Ц. К. В. Ж. С.

Пред. ОРЕХОВ. Секр. СУСЛОВ.

**
*

4) 28/VIII. № 57.

Ц. И. К. В. Ж. С. предлагает принять к точному исполнению следующую телеграмму Ц. Ливеровского: (След. телеграмма Ливеровского).

Ц. К. В. Ж. С. во имя спасения родины и революции требует от товарищей принять самые решительные меры к недопущению повсеместно по всей сети передвижения контр-революц. войск, для чего, кроме мер, предложенных телеграммой Лив., предлагается след.: в случае надобности, прекращать движение, при приближении войск угонять все паровозы, снимая с линии весь личный состав. При невозможности убрать все паровозы, снимать с них важнейшие части, разбирать пути и загромождать их составами.

Пред. ОРЕХОВ. Секр. ХОЛЩЕВНИКОВ.

**
*

5) ВСЕМ Н, ЛЦ. КОПИЯ ВСЕМ АРМЕЙСКИМ И ПОЛКОВЫМ КОМИТЕТАМ. 28/VIII.

Воспользовавшись невыносимо тяжелым положением родины, генерал Корнилов поднял руку на свой народ и на его свободу. Вр. Пр. справедливо об'явило Корнилова изменником. Долг всех сознательных граждан свободной России оказать поддержку Вр. Пр. и выдать изменника в руки законной власти. Ц. И. К. Ж. С. предлагает войскам арестовать Корнилова, а впредь до выдачи Корнилова законным властям, предлагает железнодорожным агентам прекратить доставку продовольственных грузов в местности, занятые приверженцами Корнилова.

Нам ясно, что Корнилов действует открыто в пользу Вильгельма, войска которого приостановили наступление, так как на Петроград наступает Корнилов с помощью русских войск.

Пред. ОРЕХОВ. Секр. КАЗАНОВИЧ.

***

ТЕЛЕГРАММА № 4361.

Из Петрограда. Цен.
29 августа 1917 г.

Ко всем рабочим в России. Телеграмма губернским областным комиссарам.

Бывший Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов дерзнул пред'явить мятежные требования Временному Правительству—передать ему власть; в ответ на приказ сложить с себя звание Верховного Главнокомандующего, генерал Корнилов, опираясь на реакционные силы страны, двинул ослепленные его ложными сообщениями части войск на Петроград; близится грозный час тяжких испытаний братоубийственной, вызванной изменой войны; огромное большинство войск остается верным Временному Правительству демократической республики, сберегая завоеванные революцией свободы. Временное Правительство приняло все меры для того, чтобы отразить нового врага. Измена генерала Корнилова в самый трудный момент войны с Германией, когда вражеские войска угрожают столице, должна сплотить все живые силы страны, чтобы спасти от гибели родину и свободу. Временное Правительство предлагает комиссарам принять все необходимые на местах меры к охране завоеваний революции от преступных посягательств на нее в полном согласии с воинскими частями и демократическими организациями; комиссары должны противустоять выступлениям контр-революции, беспорядкам несознательных масс, во имя спасения родины решительными мерами должны быть подавлены все попытки ослабить силы народа в его борьбе за свободу. Защитите родину от измены и внешнего врага.

Министр-Председатель КЕРЕНСКИЙ.
Министр внутренних дел АВКСЕНТЬЕВ.

***

ТЕЛЕГРАММА № 4386.

Из Петрограда. Ц.
29 августа 1917 г.
Всем, всем, всем.

Мятежные попытки генерала Корнилова и собравшаяся вокруг него кучка авантюристов остается совершенно обособленной от всей действующей армии и флота. Главнокомандующие фронтами, за исключением Главнокомандующего Юго-Западным фронтом Деникина, остались верными Временному Правительству, призвав к тому же вверенные им войска. Всюду Главнокомандующие действуют в полном согласии с революционными комиссарами Временного Правительства и фронтовыми комитетами. Генерал Деникин и весь его штаб подвергнуты в его ставке личному задержанию, руководство боевой деятельностью войск в интересах обороны временно оставлено за ними, но строго контролируется делегатами комитетов. Равным образом арестован нарушивший повиновение командующий особой армией генерал Эрдели и некоторые члены его штаба. Балтийский флот вместе с командующим составом единодушно встал на сторону Временного Правительства. Лишь небольшие отряды войск, двинутые генералом Корниловым к Петрограду, путем обмана, остаются в заблуждении, но дальнейшее движение этих эшелонов остановлено. Связь между ними прекращается, от отдельных частей этих войск

в Петроград прибыли делегации с просьбой дать им приказания об аресте изменивших Временному Правительству командиров. Временным Правительством приняты энергичные меры к обороне Петрограда от всякой попытки нападения от него, но есть надежда, что всякое кровопролитие и гражданская война будут избегнуты. Из провинции отовсюду получаются сведения о полной верности войск и населения Временному Правительству, а от всяких общественных организаций—заявления решимости поддержать революционное правительство всеми доступными способами для спасения родины. Необходимо сохранить полное единство действий. Временное Правительство требует полного спокойствия и неограниченного подчинения ему и верным органам его.

Министр-Председатель КЕРЕНСКИЙ.

***

ТЕЛЕГРАММА № 4362.

Из Петрограда. Центр.

29 августа 1917 г.

Ко всем рабочим России.

Товарищи рабочие, в годину тяжелых испытаний для родины и революции генерал Корнилов восстал против Временного Правительства и революционного народа: сняв с фронта отдельные полки, он двинул их на Петроград, чтобы поразить самое сердце революции. Полки эти приближаются к Петрограду, разжигая пожар гражданской войны и губя дело революции. Армии всех фронтов и флот остаются верными Временному Правительству и революции; товарищи рабочие, я уверен, что вы в час смертельной опасности в тесном единении с революцион. армией своею решительной поддержкой Временного Правительства поможете ему справиться с его тяжелой задачей подавления этого мятежа, против народа и его чести, спокойно оставаясь на своем посту за своей работой, исполняя свой долг перед революцией и родиной. Временное Правительство, опираясь на поддержку вашей миллионной пролетарской армии и на верные ему революционные войска, найдет в себе силу, чтобы пресечь в корне поднявшийся преступный бунт, выйти на путь строительства свободной народной жизни и довести страну до учредительного собрания, не отдав ни одного из завоеваний революции врагам революционного народа.

Министр труда СКОБЕЛЕВ.

***

ТЕЛЕГРАММА № 4188.

Из Петрограда. Центр.

30 августа 1917 г.

Всем Н, РН. Копия Главным Дорожным Комитетам, Всероссийский С'езд ж.-д.

На случай перерывов телеграфного действия, возможных в настоящий момент борьбы с контр-революцией, прошу действовать самостоятельно, не ожидая указаний из Министерства Путей Сообщения, руководствуясь бывшими до ее перерыва распоряжениями Временного Правительства и моими, в тесном единении с дорожными комитетами и комиссарами Временного Правительства.

ЛИВЕРОВСКИЙ.

**
*

ТЕЛЕГРАММА № 74.

Из Москвы. I Курск.
30 августа 1917 г.

Министру-Председателю. Копия всем Комитетам по всей сети.

Всероссийский Профессиональный Союз паровозных бригад заявляет, что он примет все зависящие от него меры, если этого потребует Г. Министр-Председатель для предотвращения всяких попыток контр-революционного характера, откуда бы они ни исходили,—сможет это исполнить не словом, а делом.

Председатель паровозсоюза Н. ФЕДОТОВ.
Секретарь ВАРАНОС.

III.

1) ИЗ БЕЛОЙ КАЛИТВЫ. 31/VIII. № 432.

Всем станциям Области войска Донского, во все войсковые части, казачьи и пехотные, Воронеж, Царицын, Петроград, Москва, всем Комитетам Советов солдатских, казачьих, рабочих депутатов, Петроград: 1-му и 14-му казачьим полкам, военному и морскому министру Керенскому, подпоручику Арнаутову.

Доводим до сведения резолюцию 39-го Донского казачьего полка, расположенного при станции Белая Калитва, вынесенную 31 августа: «1) стать на защиту Вр. Пр-ства (с) товарищем А. Ф. Керенским (во главе); 2) Корнилова и его приспешников считать изменниками; 3) запросить войсковое правительство и ген. Каледина, какое они участие принимали и принимают в корниловском заговоре; 4) послать делегацию войсковому правительству и потребовать от него приказать донским казачьим войскам, движущимся с Корниловым, стать на сторону Вр. Пр., исполнять распоряжения не Корнилова, а Керенского; 5) восстановить связь с полками своей дивизии и командировать в 35-й, 36-й и 44-й полки по два делегата; 6) указать войсковому правительству о желательности перенесения созыва войскового круга с 3-го сентября на конец сентября, чтобы возможней было провести на местах агитации и полное переизбрание делегатов круга; 7) обратить внимание офицеров 39-го полка, что в полку определенное выразилось отношение многих офицеров от революции, от нас казаков и младших товарищей, вместе с этим предупреждаем всех чинов полка, что за все их контр-революционные выпады они могут жестоко поплатиться; 8) в отношении агитаторов за ген. Корнилова просить Областной Военный Комитет назначить следствие; 9) настоящую резолюцию довести до сведения широких слоев русского общества и своих казачьих частей.

Председатель полкового собрания, хорунжий Автомонов, тов. председателя поручик Чумаков, секретарь Васильев, представители сотенных команд и комитетов: хорунжий Суханов, Пятинуков, Харченко, Моисеев, Коновалов, урядник Родионов».

После этой резолюции с большей определенностью стало известно, что ген. Каледин тоже изменник революционному правительству и стал на сторону Корнилова, вербует казаков в окрестностях ст. Чир. Просьба, немедленно выяснить во всех воинских частях, на чьей стороне стоят: на стороне революционного правительства или ген. Корнилова и его приспешников.

О своих решениях просят немедленно телеграфировать полковому комитету 3-го полка. Также просят во имя спасения революции и свободы присоединиться к резолюции 39-го полка. Просят все правительственное телеграфирование взять под наблюдение революционных войск.

Член Областного Военного Комитета у ст. Белая Калитва Совета сол. и каз. депут., за председателя Бело-Калитовского ж.-д. Комитета БОРИСОВ.

***

2) ИЗ ЕКАТЕРИНОСЛАВА. 1/IX.

Казаки на Дебальцево не идут, но мобилизуются в районе Луганска и Миллерово и небольшими партиями направляются по грунтовым дорогам в Каменскую. Кроме того, в Миллерово сосредоточены два казацких полка, из которых один 30/VIII уходил куда-то, а вечером возвратился. Мобилизацию казаки об'ясняют обычным первосентябрьским проверочным сбором. Офицеры и командиры казачьего полка заявили, что подчиняются Вр. Пр., генералам Корнилову и Каледину, так как у них официальных распоряжений относительно последних не имеется. В Зверево полное спокойствие, казачье население выражает полную преданность Врем. Прав.

Члены Рев. Штаба И. К. Союза ж.-д. ФОМЕНКО и МЕЛЬНИКОВ.

***

3) ИЗ МОСКВЫ. ШТАБА ОКР. № 100. МОСКВА. ВОРОНЕЖ. КОПИЯ И. К. В. Ж. С.

Казаки, за исключением эшелонов, следующих из Каширы, и тяжелая артиллерия перевозке не подлежат и остаются впредь до распоряжения на станции, где они задержаны; остальные же воинские перевозки восстанавливаются, как по существующим нарядам, так и вновь выдаваемым. Александровская дорога остается закрытой для всякого рода воинского движения. Принять самые энергичные меры к скорейшему продвижению всех разрешенных к продвижению перевозок.

Д. Начвосо МАСТРЮКОВ.

***

4) ИЗ ВОРОНЕЖА. 31/VIII.

Из Чира, по заявлению дежурного офицера, на 1/IX предполагается посадка 1500 казаков второго казачьего пешего батальона при полной боевой готовности. Никаких точных указаний ни у меня ни у ДС нет. Мне заявлено дежурным офицером, что, если вагоны не будут своевременно поданы (а их потребуется 90), может выйти неприятная история. Прошу немедленной помощи и указаний.

Пред. район. К-та ВАСИЛЬЧЕНКО, секретарь ТРОФИМОВ.

***

5) ИЗ ЦАРИЦЫНА.

Ехавшие на выручку ген. Каледина из Новочеркаска от военного штаба два автомобиля с четырьмя военными пассажирами, из которых один— Морозовский станичный атаман Иванов, прапорщик Коппер и его команда, у раз'езда Быстрый задержаны и арестованы в своем поезде. Отправлены в 3 ч. 35 м. в Царицын. В автомобилях оказались винтовки и ящики с бое-

выми патронами. В п. № 3, за которым была погоня, ген. Каледина не оказалось и теперь удостоверено, что он из Обливской утром, за полчаса до прохода п. № 3, выехал на двух тройках с окружным атаманом и конвоем взвода казаков в Чир, Морозовскую, Цимлу или Новочеркаск. Немедленно необходимо дать приказ под'есалу 3-й сотни 4-го Донского казачьего полка Васильеву принять охрану ст. Морозовской и железнодорожной линии—3-й и 5-й сотням этого полка от военного министра Верховского.

В виду того, что арест сторонников Каледина может отразиться на железнодорожниках, необходимо назначить вооруженную команду на ст. Морозовскую. Необходим ответ от полк. Верховского или военного министра о задержке 35-го казачьего полка, передвигающегося в конном строю сухопутьем на Калач-Донской, на имя под'есаула Васильева, командира 3-й сотни 4-го Донского казачьего полка. Означенное срочно необходимо для безопасности железнодорожников в Морозовской и для поимки ген. Каледина.

РЫБАКОВ.

6) ИЗ ЦАРИЦЫНА.

Со ст. Обливская требуют 13 вагонов для погрузки казаков, следующих в Новочеркаск. Просим директив. Нами лично задержана погрузка.

Пред. Цариц. Районного Комитета КРАСИНСКИЙ.

7) ИЗ УПР. СЕВ.-ДОНЕЦКОЙ. 1/IX, № 1881, МОСКВА. СЕВ. Ц. И. К. В. Ж. С.

Получены сведения о мобилизации контр-революционных казачьих полков в районе Миллерово, Зверево, Дебальцево, Чир, Морозовская, о чем поставлены в известность начальник Харьковского гарнизона и революционный штаб. Железнодорожниками Северо-Донецкой и Юго-Восточных принимаются соответственные меры.

Члены Исп. К-та *ГРЯЗНОВ, ЯХОНТОВ, СУДАКОВ.*

8) *ИЗ НОВОЧЕРКАССКА (разговор по проводу).*

От члена И. К. подпоручика Арнаутова получена депеша следующего содержания: «Я, подпоручик Арнаутов, вчера подал телеграмму вам и всем районным и местным комитетам и советам Р. и С. депутатов о том, что на совместном заседании областного К-та с представителями войсковых организаций гор. Новочеркаска и войскового правительства было обнаружено поведение ген. Каледина и принятых уже решениях об его арестовании. Эта телеграмма не воспрещена к передаче. Между тем, это решение собрания ничего, касающегося розыска и беспрепятственного его возвращения Новочеркасск (не принимать), вызвано было единодушным заявлением казачьих представителей, что арестование Каледина будет иметь самые серьезные последствия для Донской области. И у меня осталось впечатление, что эти заявления не пустая угроза и что в их основании лежит чрезвычайно тесная связь казачества со своим правительством. Вопрос об измене Каледина остается открытым не только по недоказанности, но и потому, что казачество считает себя единственным судьей своего атамана. Войсковой круг, созываемый 3-го сен-

тября, имеет специально разобраться с происшедшим кризисом и в частности будет иметь суждение о поведении атамана. Арестование и задержание Каледина было бы предупреждением воли войскового круга. Не исключается возможность, что казачество, и не одно донское, а все русское казачество займет свою особую позицию в Корниловском деле. С этой точки зрения и будет обсуждаться деятельность войскового атамана. Вот по каким соображениям Областной военный Комитет считал необходимым обязательное и беспрепятственное возвращение Каледина в Новочеркаск с тем, чтобы он 3-го сентября на круге мог выступить и дать свои об'яснения». Курбатов. Дополнительно сообщаю, что в настоящий момент идет погоня и разведка по следам Каледина.

Резолюция Верховского на телеграмму Арнаутова:

«Корнилов уже об'явлен изменником и ныне принес повинную. Введенные им в заблуждение части раскаялись и заявили о покорности. Страна нуждается в спокойствии и водворении порядка. Если казачеству дорога родина, то надо скорее покончить со всякими попытками волнений. Судьей же в деле Каледина будет весь русский народ в лице его законного Временного Правительства».

Предложено резолюцию эту широко распространить как среди организаций Новочеркаска, так равно и по всей Области Войска Донского.

***

9) *ИЗ КУРСКА. 2/IX, № 11. Москва. М. С.*

Командир казачьего эшелона № 9970, возвращенного из Кшени, есаул Галицин распоряжением начальника Курского гарнизона за агитацию в пользу Корнилова отстранен и заменен сотником Мемловым. Эшелон отправляется на фронт в 16 часов по требованию начальника Курского гарнизона...»

***

10) *ИЗ УПР. СЕВЕРО-ДОНЕЦКОЙ. 2/IX.*

«...Приняты все меры к охране и безопасности движения узла Лихой. *Приходько, Судаков».*

***

11) Комиссар Гордеенко передает *(разговор по проводу):*

«В Ростове все спокойно. Гарнизон имеет 4 запасных полка, стоят за Вр. Пр. Организуется рабочая жел.-дор. дружина. Что же касается действия Каледина, есть основания предполагать, что он намеревается отрезать север от юга в Донской области, имея целью оставить Москву в критическом положении в смысле продовольствия. Сейчас наблюдается переход казачьих войск пешим строем. Некоторые переходы — для выполнения сконцентрирования своих сил. Вообще казачество не выяснено. Войсковой круг в большинстве на стороне Каледина. За арест Каледина шесть человек настаивают в районе Лихой и Сулина. Казаки пред'явили требования подать перевозочный состав, жел. дор. Комитеты паровозы угнали к Сулину. Сведения эти получили из Новочеркаска, Воронежа и Царицына. Что касается Ростова—настроение бодрое, боевых сил достаточно. В Новочеркаске идет заседание войскового совета, на котором вполне (все) определится. Может выясниться только там.»

**
*

12) *ПЕТРОВСК, 2/IX.*

В Петровске требуется военными властями от Нач. станции подача 47 вагонов для посадки революционных войск, но не имеется формального распоряжения зав. передвижением войск в Москве.

**
*

13) ТЕЛЕГРАММА № 199.

Москва. НИК.

3 сентября, 1917 г.

По всей сети железнодорожникам.

Из Петрограда от Министра-Председателя и из Ставки от Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии сообщают: генерал Алексеев 1-го сентября принял ставку. До прибытия следственной Комиссии им арестованы генерал Корнилов и чины ставки: Лукомский, Романовский, Тлюшевский, Плющик; арестованные пока содержатся в губернаторском доме; охраняются надежным караулом. В ночь на 2 прибыла Чрезвычайно-Следственная Комиссия под председательством прокурора Шабловского и арестовала Кислякова и Аладьина. Производятся обыски и выемки. Осадное положение Могилева снято, войска выражают полную преданность Временному Правительству. Все преступники будут судимы военным революционным судом по всей строгости закона. В Петрограде составлено Времен. Правительство из пяти лиц: Керенского, Никитина, Терещенко, Верховского, Вердеревского. Генерал Верховский выехал в Петроград. Телеграммы широко распространить в войсках и об'яснить всем, почему отменена отправка военных сил на Могилев из Москвы и Орла. Восстание Каледина на Дону, повидимому, постепенно распадается. Все должные меры приняты и войска Московского и Казанского округов готовы раздавить всякую попытку.

Командующий войсками РЯБЦЕВ.

За председателя ЦИК В. ж.-д. союза МАЛИЦКИЙ.

**
*

14) ТЕЛЕГРАММА № 2009 (?).

Из Москвы. Никол. 3 сентября 1917 г.

По всей сети ж. д.

Казаки! Несколько честолюбцев и авантюристов хотят толкнуть наше исстрадавшееся отечество в бездну гибели и мирового позора. Один из них, Корнилов, уже арестован и будет судим революционным судом. Войска, двинутые им на Петроград, сделались жертвой обмана; дикая дивизия и ваши братья-казаки не знали, куда их ведут. Но они прозрели теперь: они все выразили покорность Временному Правительству. Ничья кровь не пролилась, кроме крови мятежника, генерала Крымова, кончившего жизнь самоубийством. Теперь остаетесь вы. Казаки, опомнитесь. Мятежник Каледин восстал против власти Временного Правительства. За Временное Правительство стоит единодушно весь русский народ, и его, несомненно, постигнет та же участь, что и Корнилова. Казаки на фронте всех действующих армий на стороне Временного Правительства. Войска Моск. и Казанск. округов готовы и только ждут приказа раздавить мятеж; верю, что этого приказа отдать не придется,—вы

сами должны арестовать и выдать Каледина и тех, кто с ним. Я требую полного подчинения Временному Правительству и роспуска казачьих частей, сформированных без приказа Временного Правительства. Железнодорожников прошу эту телеграмму распространить казачьим частям.

Командующий войсками Московского Округа РЯБЦЕВ.
За председателя ЦИК В. ж.-д. союза МАЛИЦКИЙ.

***

15) ТЕЛЕГРАММА № 887.

Из Москвы. Сев.
7 сентября 1917 г.

Всем Главным Дорожным Ком. Всей сети: Н и Ц.

В виду наступившего успокоения (в) стране, с 7 сент. прекращает функции Особое Бюро Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского ж.-д. союза, об'явленное телеграммой 29 августа № 65, и Главным Дорожным Комитетам предоставляется право отменить все мероприятия, вызванные обстоятельствами острого момента борьбы с контр-революцией.

216. *За пред. МАЛИЦКИЙ. Секретарь НЕСТЕРЕНКО.*

«НЕЙТРАЛИТЕТ» ВИКЖЕЛЯ
В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

ПО ДОКУМЕНТАМ.

В. К. РАБОВИК.

* * * [1]).

Как оценить позицию «нейтралитета», занятую Викжелем в октябрьские дни? Искренним ли желанием «не допустить, чтобы проливалась ценная кровь и без того уже обескровленного пролетариата», желанием «предотвратить тот ужас, когда, готовясь к перемирию на внешнем фронте, полки сходились для братоубийственных бойнь внутри страны»—как докладывал 12-го декабря 17-го года член Викжеля тов. *Лапьер* на 3-м чрезвычайном делегатском с'езде Северо-Западных железных дорог, или же стремлением членов Викжеля, являвшихся в своем большинстве сторонниками правых партий, до кадетов включительно, об'явлением нейтралитета задержать стихийное движение ж.-д. рабочих в сторону поддержания большевиков и пролетарской революции вообще?

Я склонен об'яснять этот нейтралитет Викжеля скорее второй причиной, чем первой.

Давайте проследим все распоряжения и постановления Викжеля с первого дня Октябрьской революции. Первым документом, «обнародованным» 25-го октября 17 года, т.-е. после совершенного в Петрограде переворота и фактического перехода власти в руки Петроградского Совета, в лице выделенного им Военно-Революционного Комитета, является телеграмма Викжеля, адресованная всей сети, Ц. И. К. С. Р. и С. Д. и Военно-Революционному Комитету следующего содержания:

«23-го числа Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов образовал Революционный Комитет в числе 5-ти лиц: 3-х большевиков и 2-х социалистов-революционеров. Вчера Керенским в Предпарламенте было заявлено о решении Временного Правительства употребить все силы для подавления готовящегося выступления большевиков и всех, кто будет с ними, и отдано было распоряжение об аресте Революционного Комитета, и в связи с этим Временное Правительство вызвало отряд юнкеров, так как части Петроградского гарнизона солидарны с Петроградским Советом. Сего числа по постановлению Революционного Комитета Предпарламент распущен и произведены аресты некоторых членов Временного Правительства: Временное Правительство передало всю полноту власти генералу Багратуни, Кишкину, Пальчинскому, Реттенбергу. Революционный Комитет об'явил Временное Правительство низложенным, и в настоящее время фактически власть находится в его руках. Центральный Исполнительный Ко-

[1]) При составлении статьи материалом служили, главным образом, документы, помещенные в журнале „Жизнь железнодорожника“ № 8 1917 г., стр. 3—7, не сверенные ИПТ с подлинниками. ИПТ.

митет С. Р. и С. Д. и Социалистические партии, за исключением большевиков, относятся отрицательно к лозунгу «вся власть Советам» и свое отношение к создавшемуся конфликту точно не выявили, но в то же время не могут примириться с властью указанных лиц и, приходя почти единодушно к выводу о необходимости народного социалистического Министерства, считают передачу власти в такой момент цензовым элементам неправильным и недопустимым. Всероссийский С'езд Советов еще не вынес своего решения; растет опасность торжества контрреволюции, когда под предлогом подавления большевистского движения, народ и армия могут быть введены в заблуждение, могут быть двинуты войска в Петроград и разгромлены все советские организации. Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского Железнодорожного Союза в своем заседании 25-го числа вынес следующую резолюцию: «Сознавая свою реальную мощь, как орудие активной борьбы, которая может быть таковым лишь в руках большинства и ни в коем случае не может служить какому бы то ни было меньшинству или отдельной политической партии, Викжель постановия поддерживать Центр. И. К. С. Р. и С. Д как в настоящем его составе, так и в том, который будет избран с'ездом советов. Товарищи! Ваш комитет считает недопустимым террор и насилие какой-либо партии над большинством демократии, в то же время является абсолютно недопустимым упразднение советов под флагом борьбы с так-называемым большевизмом. Учитывая все изложенное, находясь в полном единении с большинством социалистических партий, Викжель постановил все передвижения казацких войск на Петроград немедленно приостановить. При передвижении войск и других родов оружия на Петроград их количество, куда, с какой целью и по чьему приказу они направлены немедленно сообщить в главные дорожные комитеты и в Петроград, Викжель, и только в случае получения распоряжения от Викжеля принимать все меры к их задержанию вплоть до разбора путей, угона паровозов и т. п. Стратегическое движение войск ни в коем случае нарушено не должно быть. В сознании всей глубины ответственности товарищи должны руководствоваться во всех сомнительных случаях указаниями Викжеля. Викжелем избрано бюро из 5-ти лиц в Петрограде для разрешения вопросов, связанных с передвижением войск, и для распоряжения в экстренных случаях и для контакта с Военно-Революционным Комитетом и С'ездом С. Р. и С. Д. Члены Бюро: Антоневич, Стамо, Грунин, Кондратьев.»

Как видите из данной телеграммы Викжель, питая надежду, что Всероссийский С'езд Советов станет на сторону старого Ц. И. К. С. Р. и С. Д. и большинства социалистических партий, «отнесшихся отрицательно к лозунгу «вся власть советам», еще не порывает с революционными организациями рабочего класса—советами, и лицемерно призывает железнодорожников поддерживать Ц. И. К. С. Р. и С. Д. «как в настоящем его составе, так и в том, который будет избран С'ездом Советов».

Но вот С'езд Советов, открывшийся поздно вечером 25-го октября, вопреки ожиданиям Викжеля и правых партий, санкционировал переход всей полноты государственной власти в руки Советов.

Решения и действия Петроградского Совета и Военно-Революционного Комитета С'ездом Советов были признаны правильными. Учитывая всю важ-

ность транспорта для пролетарской революции в этот момент, С'езд Советов в первый же день своей работы обратился к железнодорожникам со следующим воззванием:

«В Петрограде победила рабочая и солдатская революция. Министр путей сообщения арестован в числе других министров. Всероссийский С'езд рабочих и солдатских депутатов выражает уверенность, что железнодорожные рабочие и служащие примут меры к сохранению полного порядка на железных дорогах; движение ни на минуту не должно останавливаться, усиленное внимание следует обращать на беспрепятственный пропуск продовольствия в города и фронт. Революционная власть Советов берет на себя заботу об улучшении материального положения железнодорожников. В министерство путей сообщения будут привлечены представители железнодорожников. № 1733. Всероссийский С'езд Рабочих и Солдатских Депутатов.»

Казалось бы, что после этого воззвания С'езда Советов Викжель должен был бы согласно своей первой телеграмме принять все меры к поддержке решений С'езда Советов или, по крайней мере, явно не противодействовать им. Но не тут-то было! Разочарованные решениями С'езда Советов, векжельцы (бюро, находившееся в Петрограде, и члены Викжеля, прибывшие специально для этого из Москвы) устраивают 26 октября в здании Министерства Путей Сообщения, на Фонтанке, заседание по вопросу о происшедшем перевороте. Прибывшему на это заседание, назначенному Ревкомом Народному Комиссару Путей Сообщения тов. *Бубнову* дают высказаться, после чего просят его удалиться «для свободного обмена мнений между собой» и, оставшись одни, выносят решение, что они, дескать, во-первых, не уверены в правомочности заседающего сейчас С'езда Советов, во-вторых, что в данный момент отсутствует власть, авторитетная для всей страны (это власть-то С'езда Советов—Революционного органа Рабочих и Крестьян—для них не авторитетная?!) и в-третьих, что власть должна быть революционно-социалистической и ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии, а посему, мол, назначенного Ревкомом Народного Комиссара Путей Сообщения не признавать и управление транспортом и Министерством Путей Сообщения взять в свои руки.

Результатом данного пленарного заседания Викжеля была разосланная 26-го октября телеграмма следующего содержания:

«Всем Н, ЛН, ЛР, ЛУ, ДС строющихся и эксплоатируемых дорог; всем профессиональным ж.-д. союзам, всем Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов, Москва, Викжель.

Викжель на заседании в Петрограде 26-го октября, в виду отсутствия в настоящий момент уверенности в правильности заседающего сейчас С'езда Советов, отсутствия власти, авторитетной для всей страны, и руководясь необходимостью сохранения единства демократического фронта и самого существования Российской Республики, а также для сохранения транспорта от полной разрухи, постановил: 1) Викжель относится отрицательно к захвату власти одной какой-либо политической партией, 2) власть должна быть революционно-социалистической и ответственною перед полномочным органом всей революционной демократии, 3) впредь до организации такой власти все распоряжения по всему ведомству путей сообщения, в том числе и по всей сети железных дорог, подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от

Викжеля; 4) органы местных железнодорожных союзов обязаны усилить свою деятельность по контролю над действиями администрации, 5) Викжель принимает на себя общее руководство всем ведомством путей сообщения и для фактического управления текущими делами ведомства избрал из своей среды бюро из 5-ти лиц, 6) Главным дорожным комитетам предоставляется в случае надобности назначать особых комиссаров и с доведением до сведения Викжеля, 7) охрана железных дорог и ведение ж.-д. хозяйства в целях сохранения транспорта, который может быть нарушен посторонними для железнодорожников организациями, не знакомыми с техническими условиями железн.-дорожн. дела, принимается железнодорожным союзом всецело на себя, а потому предлагается всем общественным и революционным организациям признавать все выборные должности железнодорожного союза, в том числе и комиссаров милиции, коим одним предоставляется право требовать охраны станций и путей воинскими отрядами, кои должны действовать не иначе, как в согласии с комиссарами милиции. П/1156. Председатель Викжеля Малицкий, Секретарь Нестеренко.»

Итак, этой телеграммой власть Советов на железных дорогах была отклонена и взята в руки нового «правительства»—Викжеля, в лице выделенной им для непосредственного управления Министерством Путей Сообщения пятерки из членов Викжеля.

В Министерстве, пожалуй, эта пятерка еще могла бы «управлять», на линии же было совершенно другое. Вся железнодорожная масса рабочих мастерских и депо, небольшая часть кондукторских бригад и линейных служащих движения и телеграфа, отчасти паровозные бригады были на стороне большевиков. Эти массы еще не отдавали себе ясного отчета, какова же будет власть советов, власть большевикокв, но, разуверившись после недавней железнодорожной забастовки, во временном правительстве и «краснобае» Керенском, они психологически, бессознательно, чувствовали во власти советов свою власть, родную, рабочую, ждали от нее защиты рабочих и, понятно, всеми мерами везде поддерживали большевиков. В самом Петрограде стихийно организовались целые отряды красногвардейцев из железнодорожников, которые захватывали под свой контроль и наблюдение все железнодорожные учреждения. Правда, были единичные случаи выступлений против большевиков старших движенцев—«начальства», и даже забастовка служащих самого Министерства Путей Сообщения, не довольных властью Викжеля и требовавших власти Комитета спасения родины и революции, но это не изменяло общего колорита настроения железнодорожных масс в пользу «большевистского» переворота.

В то же время, уже 28-го октября, определенно выяснилось, что на стороне большевиков стоят все рабочие крупнейших заводов Петрограда и Москвы и что весь Балтийский флот и вся армия Северного фронта, а также значительные части остальных армий, в полной боевой готовности, ожидают распоряжений С'езда Советов.

Учитывая все это, Викжель понял, что при таком положении дела его телеграмма о непризнании власти Советов и взятии управления М. П. С. в свои руки останется пустым звуком и что все железнодорожники, поняв позицию Викжеля, как враждебную пролетарской революции и поддерживающую Временное Правительство, еще решительнее выступят на поддержку большевиков. А посему Викжелю для укрепления своей позиции необхо-

димо было прежде всего рассеять впечатление (что Викжель поддерживает Временное Правительство), созданное его второй телеграммой, и в то же время приостановить революционное движение среди железнодорожных масс, грозящее захлестнуть и самый Викжель (разговоров об аресте членов Викжеля среди железнодорожных рабочих было очень много).

Самым лучшим выходом из данного положения, отвечающим и первому и второму требованию, было, по мнению Викжеля, об'явление так-называемого «нейтралитета» органов союза и самих железнодорожников в этой борьбе.

Я знаю, что многие товарищи из состава Викжеля возразят мне, что у них тогда не было такой строго обдуманной корыстной цели при об'явлении нейтралитета, что сама даже мысль призывать к сохранению нейтралитета в самой ожесточенной классовой борьбе, руководимой политическими партиями (Р. К. П. во главе рабочих, с одной стороны, и эс-эры, меньшевики, кадеты и иже с ними—с другой), членов этих партий, лишь только потому, что они об'единены работой в одном производстве с одним профсоюзом, была нелепой и могла возникнуть у них только в силу царившей в то время в головах не только их, но и многих участников октябрьских событий, неразберихи и идейного сумбура. Но это неправда, в доказательство я приведу следующий факт: 27-го октября, утром, членом Викжеля Гаром, оставшимся в Московском Бюро Викжеля, была дана по тогдашнему обычаю «всем, всем, всем...» телеграмма, которая за день ранее, чем было вынесено Викжелем официальное постановление о нейтралитете (а это было только 28-го октября), призывала всех железнодорожников «забыть партийность и помнить о всей революционной демократии и родине». И не успела еще эта телеграмма облететь всех, всех, всех, как 29-го октября этот самый Гар является в Петроград и Викжель, ругает во все лопатки викжельцев за медлительность, называет их предателями и требует открытого присоединения к Комитету Спасения родины и революции.

Содержание телеграммы Гара следующее:

Всем, всем, всем...

«Товарищи железнодорожники! Началась гражданская война, гибнет революция и родина, помните, что если железнодорожники вступят в эту войну, исход один—бесповоротная гибель. Железнодорожники не могут быть партией, но все они партийные; находясь при исполнении служебных обязанностей, железнодорожники должны забыть о партийности и помнить о всей революционной демократии и родине! Всякое насилие одной из борющихся сторон вызывает отпор другой. Товарищи большевики, помните, что если в разгаре страстей окажете давление на телеграф и паровозный союз и кондукторов, то они покинут немедленно службу. Товарищи машинисты, движенцы, телеграфисты, помните, что, если вы станете на сторону временного правительства, станут мастерские, депо, и в том и в другом случае дороги встанут и наступит анархия, голод и гибель всех наших завоеваний. Викжель верит, что железнодорожники это понимают и не допустят гражданской войны у себя на дорогах и между собой. № М/147. ГАР.»

После этой телеграммы и вышеприведенного обращения Гара к членам Викжеля, находившимся в Петрограде, как прикажете понимать постановление и телеграмму Викжеля о нейтралитете (см. телеграмму на стр. 75).

Стараясь создать впечатление, что они остаются нейтральными во всем, викжельцы в этой телеграмме уже расшифровывают свое первое требование (в предыдущей телеграмме № П/1156) «Революционно-социалистической власти», в добавление «представляющей все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно». Этим требованием викжельцы, как-будто, отдавали должное каждой социалистической партии и такой формулировкой надеялись внести успокоение в ряды железнодорожников. Нате, мол, нам не жалко, составляйте власть из одного большевика и чуть ли не двадцати пяти представителей правых социалистических партий до НС включительно! (Правых социалистических партий и группировок социалистов с разными оттенками было в то время более двадцати пяти).

Все же туманным и непонятным остается еще дальнейшее требование Викжеля ответственности правительства перед «правомочным органом всей революционной демократии, имеющим действовать до учредительного собрания». О каком органе всей революционной демократии, помимо С'езда Советов и учредительного собрания, думали викжельцы в то время—так, к сожалению, нам до сих пор не удалось узнать, но, судя по всему, под этим органом революционной демократии викжельцы, должно быть, подразумевали пресловутый Предпарламент (Совет Республики), в котором Викжель имел пять мест. (Из них 2 эс-эра: Лапьер и Крушинский, один народный социалист Плансон, с.-д. Хрулев, пятый Мамаев, сочувствующий большевикам, покинул Совет Республики вместе с большевиками).

В это время многие промежуточные, шатающиеся элементы, как-то: эсдеки—интернационалисты, не довольные тем, что комитет спасения родины и революции начал открыто выявлять свою буржуазно-монархическую окраску, постарались отмежеваться от комитета спатения и, не имея другого пункта опоры между двумя борющимися лагерями, заявили, что они вполне разделяют и солидаризируются с «политической платформой Викжеля». Одновременно из Москвы по прямому проводу Моск. Бюро Викжеля сообщило, что и в Москве многие «общественные» организации вполне поддерживают позицию Викжеля. Эти партии и общественные организации, не имея за собой никакой реальной силы, все же хотели хоть при помощи Викжеля участвовать в этих исторических событиях.

Окрыленные таким успехом своей политической платформы и возомнив себя силой, могущей диктовать свои условия пролетариату в самый разгар его революционной борьбы, викжельцы 29-го октября обратились к двум борющимся сторонам с ультиматумом [1]).

«...Центральный Исполнительный Комитет (жел.-дор. Союза) заявляет всем гражданам, рабочим и крестьянам свое непреклонное решение и категорическое требование немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционного правительства». Как видите, тон ультиматума вполне достоин организации, управляющей судьбами революции.

Читая этот ультиматум, невольно напрашивается вопрос—искренно ли думали викжельцы, что им удастся поддержать свой ультиматум всеми средствами, включительно до забастовки? Говоря таким не допускающим возражения тоном, были ли они уверены в том, что масса железнодорожного пролетариата в этот момент самой ожесточенной классовой борьбы, обострившей до высших пределов классовое чутье рабочих, поддастся обману полити-

---

[1]) Полный текст ультиматума приведен на стр. 79—81 сборника. ИПТ.

ческой платформы и ультамитуму Викжеля и пойдет за его призывом бастовать, забыв о призыве С'езда Советов сохранять на железных дорогах полный порядок!?

Мне кажется, что, получая целые сотни резолюций собраний железнодорожников, требующих поддержки власти С'езда Советов, Викжель не мог заблуждаться в истинном их настроении. И если этот ультиматум с таким требованием и угрозами был им «обнародован», то лишь потому, что терять Викжелю было нечего, так как авторитет его среди рабочих масс был достаточно подорван, а, пошантажировав, запугав угрозой забастовки Военно-Революционный Комитет и заставив его пойти на соглашение с Керенским, «демократия», интересы которой были так дороги для Викжеля, могла выиграть многое. На самом деле, уже 29-го октября в революционной атмосфере чувствовалось, что победят большевики, что в войсках Керенского после его широковещательных телеграмм о занятии Гатчины происходит разлад, в настроении же рабочих заводов и фронтовых армий сомневаться не приходилось.

При таких условиях, понятно, для «демократии» выгоднее было бы создать социалистическое правительство от большевиков до НС включительно, в котором, в виду большинства представителей соглашательских социалистических партий, по существу ничего бы не изменилось, чем подвергать себя излишнему риску быть разбитыми на голову в боях с революционными рабочими и потерять всякую возможность власти в дальнейшем.

Но как бы там ни было, какими бы мотивами и побуждениями в действительности ни руководствовался Викжель, рассылая приглашения на совещание представителей социалистических партий, ни одна из приглашаемых организаций не сочла возможным отказаться от участия в этом совещании, и вечером того же 29-го октября совместное заседание Викжеля и представителей социалистических партий открылось речью председателя Викжеля тов. Малицкого и чтением ультиматума. Одновременно Викжель, успокоенный самим фактом открытия данного совещания, не ожидает выявления результатов его и спешит дать по всей сети телеграмму об отсрочке назначенной им забастовки. (См. телеграмму на стр. 80).

Совещание же шло своим чередом, представители большевиков принципиально не возражали против перемирия и против образования однородного социалистического правительства и требовали лишь, чтобы условия, на основе которых будет сконструирована новая власть, и сама конструкция этой однородной власти была там же детально намечена. Представители ЦК меньшевиков и эс-эров, Петроградск. гор. думы сначала отказывались от соглашения с большевиками, но после долгих и оживленных прений все же находят возможным приступить к обсуждению конструкции новой власти, по вопросу же перемирия посылают через специальных делегатов запрос Керенскому в Гатчину и Главному Штабу большевиков.

Не успело еще закончиться это затянувшееся до 2-х часов следующего дня (30-е октября) заседание, как вернулись из Гатчины делегаты, посланные к Керенскому по вопросу о перемирии. Керенский, будучи от природы недалеким человеком и работая в Совете Министров все время на поводу своих буржуазных коллег, не сумел сам правильно учесть и оценить данную политическую ситуацию и реальное соотношение сил и прежде, чем решить вопросы о перемирии и создании однородного социалистического правительства, просил дать ему возможность посоветоваться со всеми арестованными и неарестованными министрами его кабинета.

Такой ответ Керенского сразу же подлил масла в огонь и обострил имевшиеся разногласия сторон, и совещание, ни до чего определенного не договорившись, разошлось с тем, чтобы после перерыва, вечером того же дня, собраться снова.

А в это время борьба на железных дорогах между рабочими и сторонниками Временого Правительства все усиливалась. Ж.-д. рабочие сами, по своей инициативе арестовывают жел.-дор. администрацию, отказывающуюся предоставлять отрядам революционных рабочих поезда, паровозы и телеграф. В городе носятся слухи об аресте некоторых членов Комитета Спасения Родины и Революции и предания их Военно-Революционному суду. Викжель, обеспокоенный целостью и неприкосновенностью всех враждебно настроенных пролетариату элементов, решает еще раз выступить в их защиту и от имени Викжеля и соединенного совещания дает 30-го октября вечером следующую телеграмму, по форме как-будто «нейтральную» и защищающую от политического террора с обоих сторон:

«Совещание Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Железнодорожного Союза с представителями враждебных сторон и организаций, стоящих на почве соглашения, категорически отвергая применение политического террора в гражданской войне, особенно между отдельными частями революционной демократии, заявляет, что применение такого террора в какой-либо форме одной из сторон против другой в данный момент противоречит самой сущности и цели переговоров, начатых по инициативе Всероссийского Железнодорожного Союза, и требует от обоих сторон отказа от всяких террористических мер и от исключительных судов. № II/1166. Председатель Викжеля и Соединенного Совещания Малицкий. Секретарь Нестеренко.»

Вечером в этот же день (30-го октября) согласительное совещание снова собралось и после долгих споров и прений о «демократии», политической борьбе и терроре, после новых неоднократных отказов эс-эров и меньшевиков от совместной работы с большевиками общий язык как-будто был найден. Но реального значения этот «общий язык» не имел никакого, поскольку под Гатчиной отряды революционых рабочих принуждены были в ожесточенных боях отражать наступление войск Керенского. И когда 31-го октября в Петрограде были получены сведения о том, что рабочие отразили это наступление и на голову разбили Керенского, Викжель снова (должно быть, для того, чтобы спасти Керенского от окончательного разгрома) пытается призывать к перемирию и своей телеграммой от 31-го октября за № П/1167 «от имени всех партий и организаций, входящих в совещание при Викжеле», говорит—«совещание по прекращению вооруженных столкновений между частями войск и рабочих приняло положение об окончательном соглашении о форме и конструкции новой государственной власти и признало необходимым установить немедленное перемирие и обратиться к враждующим сторонам с предложением о прекращении кровопролития и вооруженных столкновений».

Но было уже поздно говорить о перемирии. Революционные рабочие Петрограда, под руководством партии большевиков победили и твердо держали государственную власть в своих руках в лице избраных ими советов. Теперь могло быть одно лишь только соглашение с другими социалистическими партиями—это соглашение на основе «вся власть Советам Р. С. Деп.», и те партии, кои искренно желали укрепления этой власти рабочих, были

призваны сотрудничать с большевиками. Меньшевики и эс-эры, конечно, с властью Советов помириться не могли, им нужна была коалиция с буржуазией и поэтому, когда 3-го ноября собралось при Викжеле последнее соглашательное совещание, то оно ни до чего путного договориться не могло и после нескольких бесплодно проведенных в прениях часов разошлось.

Викжель, увидя, что никакие угрозы и ультиматуы его в дальнейшем не спасут буржуазию и не вернут ее к власти, решил 5-го ноября вечером выехать в Москву.

Прошло несколько дней. Бои в Петрограде и Москве закончились победой рабочих. Власть по всей стране перешла в руки Советов. Жизнь стала постепенно входить в нормальную колею. Лишь только на железных дорогах, являющихся экстерриториальными, царил хаос и полный беспорядок: одна дорога признавала власть Викжеля, другая управлялась железнодорожными Военно-Революционными Комитетами, а управление третьей дороги просто саботировало и ждало распоряжений своего «настоящего начальства»—Тахтамышевых и др. Совет Народных Комиссаров решил положить конец этой неразберихе: постановил об'единить управление железнодоржным транспортом в Народном Комиссариате Путей Сообщения и назначил на пост Народного Комиссара путей сообщения тов. *Елизарова*. Теперь уже Викжель не посмел противоречить постановлению Совнаркома, но все же, давая по линии телеграмму об отказе от управления Центральным Ведомством Путей Сообщения, счел необходимым еще раз подчеркнуть свое непризнание «власти большевиков»; телеграмма гласила следующее:

«В виду того, что власть остается в руках одной партии большевиков, назначившей своего Комиссара Министерства Путей Сообщения, что такая власть не признается Викжелем и что под влиянием комитета спасения Родины и Революции служащие Министерства Путей Сообщения об'явили забастовку и не пожелали поддержать Викжель в его решении сохранить нейтралитет министерства и для этого оставить его в руках союза, Викжель признал необходимым отстраниться от управления Центральным ведомством Путей сообщения. Председатель Викжеля Малицкий.»

Эта телеграмма Викжеля была заключительным аккордом его пресловутого нейтралитета. Железнодорожная масса тогда же с первых дней октябрьской революции правильно оценила нейтралитет Викжеля и назначенную им на 29-е октября забастовку, как предательство рабочего класса. Для характеристики настроения железнодорожных рабочих, приведу только две резолюции, принятые на общих собраниях железнодорожников: одна из них вынесена в виде протеста против действий Главного Дорожного Комитета Северо-Западных ж. д.—сторонника Викжеля; гласит:

«Общее собрание мастеровых и рабочих 1-го и 12-го участков службы тяги Сев. Зап. ж. д. 31-го октября с. г. вынесло следующую резолюцию: за пассивное отношение Главного Железнодорожного Комитета к местному Исполнительному Комитету названных участков, а тем самым ко всем массам служащих, которые идут с Военно-Революционным Комитетом, поддерживая его на жел. дор., протестуем и в случае непринятия активных мер для борьбы против нашествия контрреволюционеров в лице Керенского и его соучастников требуем ареста названного комитета и одновременно протестуем против действий Глав-

ного Дорожного и Районного Комитетов, которые принимают распоряжения Викжеля по организации стачечных комитетов. Мы не допускаем никакой забастовки в данное время, исходящей от Викжеля, помимо желания пролетариата всей России. Председатель ТРОЙНИКОВ, Секретарь БАРАНОВ.»

И вторая резолюция, выявляющая свое отношение к происшедшему перевороту и к деятельности Викжеля:

«Общее собрание железнодорожников станции Петроград, Балтийской линии Северо-Западных ж.-д., выслушав доклад комиссара Военно-Революционного Комитета матроса тов. Любицкого, приняло следующую резолюцию единогласно: 1) приветствовать Балтийский флот, как стойкого борца за свободу, 2) приветствовать Военно-Революционный Комитет и Совет Народных Комиссаров, 3) строго осуждаем и протестуем против деятельности Викжеля, как не отражающего мнение железнодорожного пролетариата, и 4) строго протестуем и всеми силами, имеющимися в нашем распоряжении, воспрепятствуем железнодорожной забастовке, от какой бы она службы ни исходила. 1-го ноября 1917 г., станция Петроград, Балтийск. Председатель собрания Остряков. Секретарь А. Мюрсен.»

Подобное отношение рабочих к Викжелю было повсеместно. Потеряв среди рядов железнодорожников всякий авторитет, Викжель пытался искать поддержки и оправданий его позиций на собранном им в середине ноября 17-го года совещании Главных Дорожных Комитетов Европейской России. Но и это ему не помогло. Не чувствуя под собой никакой почвы, Викжель принужден был ускорить созыв Чрезвычайного Всероссийского Железнодорожного С'езда, где рабочие дали достойную оценку его деятельности.

В. РАБОВИК.

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИКЖЕЛЯ

И ЕГО

МОСКОВСКОГО БЮРО

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

(ДОКУМЕНТЫ).

П. СТЕФАНОВСКИЙ.

ВВЕДЕНИЕ.

Печатаемые документы состоят: 1) из разговоров по телеграфному аппарату между Викжелем, его Московским Бюро и некоторыми иногородними органами союза; 2) протоколов совещаний, происходивших в Бюро; 3) телеграмм, отчасти собранных мною, отчасти полученных мною от т. Рязанова, и 4) моих записок, которые я вел в то время «по часам» там же, на месте, имея в виду уже тогда зафиксировать некоторые подробности переживавшегося исторического момента.

Собранные мною документы начинаются с 28 октября 1917 года (счет везде по старому стилю). Ни писать связную историю, ни обрабатывать имеющиеся у меня материалы я не имею пока в виду, но просто хочу зафиксировать имеющиеся документы, расположив их по возможности хронологически, дабы они не пропали для будущего историка из-за ветхости и влияния времени. И то уже некоторые документы становятся трудно читаемыми. Поэтому документы перепечатываются *текстуально*, лишь с постановкою знаков препинания (ибо разговоры по аппарату и многие телеграммы отличаются нередко полным их отсутствием), да с нелегким иной раз распределением переговоров в последовательном порядке, так как нередко — в зависимости от технических телеграфных условий — все, что говорил Викжель, напечатано сплошь, подряд, на одном листе, а что говорило Бюро — на другом; в действительности же разговор происходил попеременно. Всякие добавления сокращенных слов или редкие исправления текста везде взяты мною в прямые скобы [ ]. А все то, что в подлинниках включалось в скобки, имеет здесь круглые скобки. Кроме того, текст документов напечатан курсивом, а все прочее — обычным шрифтом. Таким образом, будущему историку оперировать с изданным материалом не будет затруднительно.

Хотя впервые я приступил к обработке этих материалов еще в первой половине 1918 года и тогда же успел снабдить их примечаниями и воспоминаниями вплоть до разрыва перемирия, однако, здесь эти примечания и воспоминания не помещаются, дабы не нарушать цельности задачи—приведения лишь документальных данных; но зато эти последние помещаются полностью, без сокращений и из'ятий.

«Викжель», т.-е. «Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного союза» помещался в то время в Москве, в бывшей квартире жандармского полковника Николаевской дороги — в конце пассажирской платформы Южного поста (у Каланчевской площади); рядом с ним — в бывшем

царском павильоне — помещался так - называемый «10-й район» (Районный железнодорожный Совет, большевистский), который нередко упоминается в документах.

Помещение Викжеля через телефонную станцию Северных дорог (на Ярославском вокзале) было соединено прямым телефонным проводом со служебным кабинетом в Петербурге Ливеровского, тогдашнего управляющего министерством путей сообщения. В этом-то кабинете, захватным путем, помещался чуть ли не с корниловских дней дежурный член Петербургского Бюро Викжеля (Фонтанка, 117 и 119). В том же здании находилась центральная станция железнодорожного телеграфа, из которой один из прямых телеграфных проводов оканчивался на телеграфе Николаевского вокзала в Москве — рядом с помещением Викжеля. При этом телеграфные аппараты работали не черточками и точками, а буквами русской азбуки, которые отпечатывались телеграфным аппаратом на ленте; лента эта последовательно отрывалась и наклеивалась на бланк. С этих-то подлинников разговоры наши *немедленно же* перепечатывались в помещении Викжеля на пишущей машинке в нескольких экземплярах, либо мною самим, либо под моим наблюдением нашими машинистками. Экземпляры эти расходились разрозненно по рукам различных товарищей, железнодорожников и нежелезнодорожников, постоянно приходивших и уходивших; по одному же экземпляру я оставлял у себя, и, таким образом, у меня собралась, пожалуй, наиболее полная их коллекция, хотя все же некоторых разговоров нет. Так как переговоры по телефону, хотя и были возможны, но были очень плохо слышны, то нашим телефоном между Москвой и Петербургом мы пользовались крайне редко и предпочитали разговоры «по аппарату».

Ценность с исторической точки зрения этих разговоров ясна сама по себе, ибо они являлись совершенно откровенными, искренними товарищескими разговорами между членами Викжеля, жившими и работавшими дружно и тесно, не взирая на разнородную их партийность; тут совершенно отсутствовала какая бы то ни было дипломатия и внутренняя политика. В этих разговорах передавались под свежим впечатлением события, только-что происшедшие. Таким образом, эти разговоры вполне равноценны текущим записям очевидцев.

Иногда на перепечатанных копиях этих разговоров мною *тогда же* были делаемы мои собственные замечания, являющиеся, таким образом, также первичными документами. Подлинные телеграфные ленты, наклеенные на бланки, быть-может, сохранились в делах Викжеля (поскольку эти самые дела не уничтожены); но в этом я не уверен, ибо мы тогда жили моментом и многое по прочтении и по утрате своего значения для текущего момента бросали в корзину.

В одно из двадцатых чисел октября, днем, происходило одно из обычных бесчисленных заседаний Викжеля, на котором он усердно «прел», по выражению самих же викжельцев (т.-е. занимался бесконечными прениями и голосованиями). Среди заседания вызывает Петербургское Бюро (кажется, т. Лапьер) и сообщает сенсационную новость: временное правительство частью арестовано, частью осаждено в Зимнем Дворце; власть взята «каким-то советом народных комиссаров» с Лениным во главе и с Троцким в качестве министра иностранных дел. Петербургское Бюро требует немедленного приезда в Петербург всего Викжеля, в противном же случае оно

угрожает захватить себе его власть. Викжель решил уехать в тот же день вечером экстренным поездом и оставил в Москве Бюро в составе товарищей: Шеханова, Гара, Добытина, Платонова, Эндимионова и Федотова; временно, до окончания каких-то текущих конфликтных дел, был еще оставлен т. Бальбатов, а через день явился в Бюро из отпуска полубольной т. Кравец. Я с тов. Смирновым (Центр. Ревиз. Комиссия Союза) решили было оба ехать в Питер, оставив в Москве для наблюдения за деятельностью Бюро тов. Климина (в то время ревиз. комиссия обязана была иметь наблюдение не только за финансами, но и за всей деятельностью Викжеля), но запротестовал (частным образом, по-товарищески) т. Гар. Мы с Смирновым тогда кинули жребий, и ему выпало ехать с Климиным в Питер, а мне оставаться в Москве.

В Бюро мы уже и застряли до конца Октябрьских событий: спали на диванах и столах или в вагоне, поставленном специально для нас, при чем приходилось по несколько суток под-ряд совершенно не спать.

Происходили постоянные разговоры по телефону с нашими представителями в Комитете Общественного Спасения, с нашими профсоюзными органами, почти непрерывно заседали и совещались, получали отовсюду телеграфные и телефонные запросы, непрерывно вели телеграфные разговоры с разными дорогами, распоряжаясь задержкою и продвижением разных эшелонов, грузов и т. д. и т. д.

8/VIII—1923 г.

П. СТЕФАНОВСКИЙ.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ.

28 октября в 18 часов доставлено в Бюро по аппарату из Петербурга следующее:

«Резолюция принята единогласно.

Постановление Центр. Исп. Комитета от 28 октября 1917 г. 18 часов. 1) Железнодорожный Союз, включая в себя представителей всевозможных политический партий и течений, не может принимать активного участия в борьбе между социалистическими партиями; 2) Органы Союза должны соблюдать нейтральное положение, ибо только при условии нейтральности железные дороги могут выполнять задачи транспорта; 3) Органы Союза должны принимать все доступные им меры против передвижения войск, идущих друг против друга в борьбе социалистических партий между собою; 4) вместе с тем, союз и его органы должны принимать решительные меры против войск, направляемых на подкрепление одной какой-либо из борющихся партий; 5) равным образом, союз должен принимать самые решительные меры против войск, направляемых для разгрома социалистических партий и демократических организаций; 6) все представители органов союза должны немедленно выйти из всех организаций, проводящих в жизнь вооруженную политическую борьбу социалистических партий; 7) железнодорожный союз может предоставить весь свой технический аппарат и силы только той организации, которая обязуется образовать однородное социалистическое правительство, представляющее все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно и ответственное перед правомочным органом всей революционной демократии, имеющим действовать до Учредительного Собрания, созыв коего ни в коем случае не должен быть отсрочен; 8) союз высказывается самым решительным образом и примет самые решительные меры, вплоть до полной остановки движения, против насилий над железнодорожниками и органами союза, откуда бы таковые ни исходили; 9) Викжель принимает все меры к ослаблению и предотвращению кровопролития в борьбе социалистических партий между собою и предлагает всем органам союза немедленно принять все зависящие от них меры к прекращению междуусобицы и вооруженной борьбы и к спасению Революции. Подписал Председатель Викжеля Малицкий.»

Немедленно, вслед за передачей этого постановления, передававший его член Викжеля сказал по аппарату следующее:

«У нас сейчас был тов. Рязанов, которому вручили копию резолюции, и составлена комиссия для переговоров о создании однородной со-

циалистической власти, согласно принятой нами резолюции. Это касается как всего управления Министерства Путей Сообщения в целом, точно так же и сети жел. дор. в частности. Сегодня на Виндавской красногвардейцы арестовали председателя Главного Комитета и двух товарищей председателя, желая привести в исполнение свою угрозу расстрелять их публично (они отказались дать поезд с красногвардейцами в Царское Село); Викжель тотчас же принял все решительные меры и военно-революционный комитет обязался, раз'яснив дело, выпустить наших товарищей. Они были с площади отвезены в военно-революционный комитет. У нас в Петрограде тихо. На улицах образцовый порядок, по вечерам народу очень мало. Под Гатчиной идет перестрелка, войска Комитета отступили к Красному Селу, отряды казаков обнаруж[ены] [1]) в Дудергофе в трех-четырех верстах от Красного Села. Отряды казаков значительные.» . . . .

28 октября в 21 час произошел следующий разговор по аппарату:

«—Я—член Викжеля Федотов. Прошу подробно об'яснить все происходящее в Петрограде и дать ответы на ряд предложенных мною вопросов, а затем в свою очередь скажу все, что делается в Москве.— Я — Антоневич. Сообщаю нижеследующее. Принятая Викжелем позиция остается неизменной. Как вы знаете, согласно переданной нами резолюции, весь Петроградский узел и другие дороги находят совершенно правильной занятую нами позицию. Комитет Спасения Революции в Петрограде стоял за коалицию с цензовыми элементами; после наших заявлений принял другое постановление: коалицию социалистических партий без большевиков. Сегодня был у нас Скобелев и другие представители, которые старались убедить нас в необходимости активно выступить на стороне Комитета Спасения Революции на этих условиях. После их заявления нами был предложен ряд вопросов, а именно: как их отношение к Керенскому? На это Скобелев ответил, что они считают необходимым дискредитировать в глазах массы идею преторианства и совершения переворотов с помощью штыка, а не помощью соотношения политических сил в стране; что они именно и считают одною из своих основных задач и для этой цели, между прочим, необходимо, чтобы Керенский прибыл в Петроград и указом передал власть другим министрам; этим бы сохранилась преемственность власти. На наш вопрос, что они думают сделать, если Керенский с этим положением не согласится, получен ответ: если Керенский придет, как белый генерал, то Комитет Спасения Революции всеми доступными средствами будет бороться с ним так же, как он борется с большевиками: то-есть силою всего морального авторитета и изоляции самого Керенского, а также и другими способами. Между прочим, Скобелев употребил такую фразу: во всяком случае, Керенский нами выключен из состава всех комбинаций министерства и в правительстве участвовать не будет. Скобелев заявил, что, может быть, он ответствен за прошедшее, так как до сих пор стоял за коалицию, и теперь пришел к убеждению, что страну поведет до учредительного собрания только социалистическое однородное правительство; но участие в нем большевиков, как организации, опирающейся сейчас на силу, недопустимо как по тактическим мотивам,

---

[1]) В документе *обнаружили.* ИПТ.

так и по причинам морального воздействия на массы. По словам Скобелева, Ленин сейчас находится на крейсере «Аврора» со своим штабом, [и] [2]) часть броневого дивизиона уже перешла на сторону их. После ряда дополнительного обмена мнений, нами, большинством против одного, решено вопроса о нашей позиции не пересматривать и остаться при нашей последней резолюции, считая последнюю единственным выходом из создавшегося положения. При этом были спрошены представители дорожных комитетов, как дорог Петроградского узла, так и некоторых других дорог. Представители комитетов в Петрограде и все эти представители подтвердили правильность занятой позиции. За полчаса до приезда Скобелева был Рязанов, который, явившись к нам, заявил, что он прибыл к нам не как представитель-комиссар и представитель нового правительства, а как представитель известного партийного течения, партийной организации с полномочиями вести с нами переговоры, как он заявил, относительно управления нашего ведомства; но при дальнейшем обмене мнений оказалось, что вопрос идет о конструкции власти вообще и нашей позиции. Ему было сообщено наше уже состоявшееся постановление и заявлено, что это наше последнее слово. Рязанов, ознакомившись с ним, сказал, что многие положения ему не ясны, — вообще необходимо что-то сделать, — и наше участие неизбежно. Он просил прибыть наших представителей в Смольный к 20 часам. Мы с этим согласились, избрали по признакам партийности семь человек, они уже в Смольном. Вот фактическая сторона. Теперь ставлю вас в известность относительно положения дел вне нас. Керенский активных шагов к прямому выступлению на Петроград не принимал. Есть ряд слухов, точно не проверенных, о взятии, напр., Царского Села. Большевики укрепились верстах в 25 от Петрограда, расставили артиллерию и соорудили полевые укрепления. Местные организации, согласно наших постановлений и указаний, препятствуют движению войск [как] на Петроград, так и от Петрограда: так, например, на М.-В.-Рыбинской жел. дор. 800 красногвардейцев с 8 час. утра и до 15 час. не могли уехать из Петрограда, несмотря на наличие вагонов и паровозов. По указанию Дорожного Комитета машинисты заявляли больными паровозы, смазчики — вагоны, стрелочники не могли переводить стрелок, как будто из-за порчи, и т. п. Комиссар военно-революционного комитета не мог и не может ничего сделать. Еще заблаговременно, вчера, часть Главного Дорожного Комитета выехала в Дно, откуда руководит всеми операциями: например, задержали 10 эшелонов казаков за 350 верст от Петрограда. . . . . Узнав об акте насилия и произвола, мы немедленно приняли решительные шаги; арестованные были освобождены и указано, что такие насилия встретят единодушный отпор (вплоть до остановки движения) от организованных железнодорожников. Рязанов заявляет, что все это — недоразумение; но ясно, что они чувствуют за нами реальную силу и считаются с ней в более значительной степени, чем с Керенским. В некоторых местах города была, по слухам, перестрелка, что для Петрограда в данном конфликте явление в первый раз замечающееся, за исключением взятия Зимнего дворца; это доказывает, что в частях гарнизона начался распад. Характеризуя в общем создавшееся положение, могу сказать, что власть, создан-

---

[2]) В документе стоит вместо [и] *что*. ИПТ.

ная большевиками, встречает отпор среди значительной массы населения трудящихся; в разных учреждениях, где служащие, при появлении вновь испеченных министров, которых Ленин назвал «народными комиссарами», не исполняют распоряжений и заявляют, что, если таковые останутся в Управлениях, то они, служащие, бросают работу и уходят. Правители на это, обыкновенно, отвечают своим уходом и фактически ничего не могут сделать. Замечательно, что служащие Управления Министерства Путей Сообщения под влиянием некоторых лиц, которые пользуются всеми нечистоплотными приемами, вплоть до обвинения Викжеля в шпионстве, провокаторстве и большевизме, сделали сегодня попытку не подчиниться решению Викжеля, говоря, что Викжель должен считаться с ними, так как их тысячи две, при чем, как видно, Ландсберги, Ванифатьевы и другие играют немаловажную роль. Но попытки их потерпели полное фиаско: нами твердо и определенно, при диком вое и шуме, была об'явлена наша точка зрения и дано соответствующее раз'яснение. Но и здесь реакционеры также считаются с нами.

ФЕДОТОВ. Что же Рязанов: входит ли он в Министерство Путей Сообщения и дает ли какие распоряжения?

АНТОНЕВИЧ. Нет, Викжель решительно не примет комиссаров ни от какой из существующих организаций, и пост комиссара М. П. С. никем не занят. Пока все. О ходе событий будем информировать по возможности немедленно.

ФЕДОТОВ. Сообщаю о событиях в Москве: полная гражданская война, об'явлено военное положение, образовался Комитет Общественной Безопасности, в состав которого вошли представители: Исполнительного Комитета Крестьянских и Солдатских Депутатов, Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза, Викжеля, фракций городского и земского самоуправления и штаба. Так как первая телеграмма Викжеля о его позиции давала возможность посылки туда своих представителей, то были посланы Федотов и Платонов, где и приняли участие в заседании. Вчера выяснилось, что, несмотря на принимаемые Комитетом Общественной Безопасности меры, достигнуть соглашения с большевиками, выступившими на путь активного действия, не удалось: на переговоры командвойска с представителем Сов. Раб. Деп. Ногиным, предложившего распустить военно-революционный комитет и вступить в переговоры об образовании однородного социалистического правительства, последний не дал прямого ответа; поэтому полк. Рябцев пред'явил ультиматум, заявив, что, если через 30 минут (это было в 19 часов) не откроются ворота Кремля, не очистится почтамт и другие занятые учреждения, не распустится революционный комитет, то он приступит к штурму Кремля. Я и Платонов, во избежание кровопролития, предложили использовать все возможное путем переговоров с представителями других фракций. Командвойск заявил, что, хотя он поставил ультиматум, но по техническим соображениям ранее как через два часа начать не может. В это время прибыли представители фракций с.-р. и с.-д. меньшевиков с предложением выработать платформу могущего быть соглашения. Командвойск заявил, что он отменить ультиматума не может, но ничего не имеет, если будут достигнуты такие результаты, которые дадут возможность избежать кровопролития. Найти общую точку зрения со взглядом большевиков не удалось, и Комитет Обще-

ственной безопасности поручил командвойску продолжать начатое действие. Как представители железнодорожного союза, мы с т. Платоновым заявили о нашей точке зрения, что наша миссия — изыскать такой способ борьбы, при котором можно было бы избежать кровопролития, ибо жел.-дор. союз берет на себя охрану порядка и спокойствия на жел. дор. вне зависимости от борьбы политических партий. О ходе действий вне Кремля сообщить ничего не могу. Около 19 ч. получено сообщение, что Кремль сдался, а в 20 часов прибыл командвойск и доложил о взятии Кремля и об условиях сдачи: выдано 20 человек зачинщиков, арестованных и приведенных в думу; сдано оружие—винтовки, пулеметы, бомбометы и т. п., выведена часть солдат бывших там около 8 рот, вывезены 8 броневиков. Во время этого доклада явился командующий юнкерами, поручик, и доложил, что после входа в Кремль двух рот юнкеров, из засады последовал залп, результатом коего оказалось 15 убитых и 20 раненых; немедленно предложено было начать оперативные действия против губернаторского дома, где находится военно-революционный комитет. Перед этим Рябцев пред'явил этому комитету ультиматум о сдаче комитета, всякого оружия и очищения помещения, дав сроку 15 минут. Конечно, это исполнено не было, и началась стрельба уже по Тверской, Театральной и другим пунктам. Нас в 22 часа заменил Гар, так что сведений о дальнейшем ходе событий в думе не имеем. Сейчас идет сильная орудийная и оружейная перестрелка. Гар по телефону сообщает, что события принимают чрезвычайный характер, о подробностях коих сообщит лично, если только ему удастся благополучно вернуться из думы. Последнюю нашу телеграмму относительно позиции Викжеля мы получили и передали по телефону находящемуся в Комитете Общественной Безопасности Гару, чтобы он об'явил Комитету и вышел из его состава. Должен сказать, что вы этой телеграммой поставили нас в неловкое и двусмысленное положение, ибо Гар и мы заявляли, что мы будем обсуждать не о политике или о борьбе с политическими партиями [?], а только об изыскании мер для предотвращения кровопролития и водворения порядка и законности. Вот как обстоит дело и никакой другой продуктивной работы не производится. Наше дежурство здесь бессменное: не спим по несколько ночей. По мере поступления новых известий будем сообщать вам, но только не по телефону, который плохо работает, а по аппарату. Надо бы вам остаться на первом принятом решении, т.-е. на образовании временного правительства — однородного состава из всех социалистических партий, но без большевиков: этим Викжель заслужил бы общественные симпатии громаднейшей массы всего населения, общественных организаций и социалистических партий. До свидания, всего хорошего.»

ТЕЛЕГРАММА ВИКЖЕЛЯ 29-ГО ОКТЯБРЯ 1917 Г. В 17 ЧАС. 20 МИН.

«Ц, всем Н, ЛН, ЛР, ЛЧ, ДС, всем начальствующим строющихся и эксплоатируемых дорог, правлениям всех профессиональных ж.-д. союзов, всем советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Москва, Викжель, Петроград, Совет Народных Комиссаров, Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Центрофлот, Центробалт, всем Центральным Комитетам всех политических партий, Центральному Комитету Почтово-телеграф-

ного союза, Центральному Совету Всероссийских профессиональных союзов, всем военно-революционным Комитетам, всем фронтовым армейским организациям и комитетам и всем, всем, всем!

«В стране нет власти и идет ожесточенная борьба за власть. Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силою, идет братоубийственная война. В то время, как внешний враг угрожает свободе народа, демократия решает свои внутренние споры кровью и железом. Временное Правительство, возглавляемое Керенским, оказалось не в силах удержать власть. Образовавшийся в Петрограде Совет Народных Комиссаров, как опирающийся на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране. Необходимо создать такое правительство, которое пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральною силою удержать эту власть в своих руках до созыва Учредительного Собрания. Такую власть можно создать только путем разумного соглашения всей демократии, но никоим образом не силою оружия. Братоубийственная война никогда не создавала и никогда не может создать власть, авторитетную для всей страны. Народ, отвергающий смертную казнь, как форму правомерного воздействия, и войну, как способ разрешния международных споров, не может признать гражданскую войну за способ разрешения своих внутренних споров. Всякая гражданская война ведет явно к контр-революции и бывает выгодна только врагам самого народа. В видах сохранения свободы страны и спасения революции, Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского железнодорожного союза с самого начала настоящей междоусобицы признал для себя обязательным строгий нейтралитет и об'явил, что единственным средством достижения мира внутри страны он признает однородное правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков включительно до народных социалистов включительно. К этому призыву союза присоединились многие общественные организации и партии Петрограда и Москвы. Центральный Исполнительный Комитет В. Ж. С. заявил и заявляет, что весь железнодорожный аппарат он предоставит только тем, кто разделяет эту платформу. Центральный Исполнительный Комитет заявляет всем гражданам, рабочим, солдатам и крестьянам свое непреклонное решение и категорическое требование: немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционно-социалистического правительства. Железнодорожный союз заявляет, что к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами—вплоть до прекращения всякого движения на дорогах. Остановка движения наступит в 12 часов ночи сегодня, 29-го на 30-е октября, если к тому времени боевые действия в Петрограде и Москве не будут прекращены. Всем ж.-д. организациям предлагается немедленно принять все меры к проведению таковой забастовки в жизнь и сейчас организовать стачечные комитеты. Ж.-д. союз об'являет всех, кто будет продолжать споры внутри страны силою оружия, врагами демократии и предателями Родины. Город Петроград 29-го октября. Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского железнодорожного Союза. № 1163. Председатель *Малицкий, секретарь Нестеренко.»*

«Д о п о л н и т е л ь н а я д е п е ш а. Всей сети, всем главным, районным и местным Комитетам, профессиональным организациям, всем

начальствующим. Москва. Бюро Викжель, всем стачечным комитетам. План и время фактического начала забастовки будут об'явлены особо. Член Центрального Стачечного Комитета АНТОНЕВИЧ.»

Разговор т. *Шеханова* с Викжелем после перадчи депеши с об'явлением забастовки 29/Х 1917 г. в 20 час.

«Я —Шеханов. Только-что получил вашу депешу с об'явлением забастовки. Прежде всего раз'ясните: что забастовка будет итти по плану, или начнется сразу полной остановкой работ? Верите ли вы в то, что разбушевавшееся море остановится под влиянием угрозы железнодорожной забастовки?

ТОВАРИЩ ИЗ ВИКЖЕЛЯ. Да, верим, план забастовки будет вам об'явлен, сейчас разрабатывается. В настоящее время здесь у нас происходит собрание представителей всех партий для выяснения заявленной нами платформы.

ШЕХАНОВ. *До 12 часов осталось времени немного; телеграмма по сети еще не распространена, тем более не знают, кому вы ее ультимативно адресуете. Таким образом, забастовка, очевидно, сразу будет анархической. Москва в панике, наше об'явление забастовки не утишит страстей, а еще больше их углубит, что послужит началом конца; но спорить не стоит.*

ТОВАРИЩ ИЗ ВИКЖЕЛЯ. Сейчас наши представители пред'явили ультиматум революционному Комитету и с тем же поехали к Керенскому; ответ будем знать скоро. Иного исхода мы не находили, думаем, что это послужит спасением.

ШЕХАНОВ. *Послать ли вашу телеграмму по сети или ждать выяснения результатов пред'явленных ультиматумов? Мы тоже пред'явили ультиматум и с минуты на минуту ждем окончательного ответа.*

ТОВАРИЩ ИЗ ВИКЖЕЛЯ. Сейчас выясню, спрошу у Стаммо, он здесь находится, подойдет к аппарату и продолжит мой разговор: сию минуту.

СТАММО. *Дополнительно дана телеграмма, что забастовка должна начаться лишь по особому плану и каждый раз по особому распоряжению. С этим дополнением, таким образом, это не значит, что забастовка начнется сразу и всюду. Поняли?*

ШЕХАНОВ. *Текст дополнительной телеграммы должен исчерпывающим образом опровергнуть категоричность вашего указания на начало забастовки с 12 часов ночи сегодня. Ваша телеграмма еще не разослана, разрешите ее исправить и послать не с дополнением, а с исправлением. Текст исправления мы вам дадим, получив от Вас план забастовки. Так как на дорогах положительно нет сильной охраны, то ваше постановление здесь...*

СТАММО. *Пожалуйста, исправьте. Я лично протестовал и говорил, что именно так и поймут, но остался в одиночестве. Товарищ Шеханов! Сообщите, пожалуйста, ваши соображения относительно того, как нужно начать забастовку? Мы думаем здесь, если уже придется выйти на этот путь, начать сегодня с остановки Петроградского узла, при чем весь узел остановить, кроме телеграфа; завтра думали остановить Мо-*

сковский узел дорог, пропуская через него лишь воинские грузы; потом далее об'являть лишь забастовку тех дорог, в районе коих вспыхивает анархия.

ШЕХАНОВ. *Оригинальный мотод борьбы с анархией, история таких примеров не знала, но на то мы и русские, чтобы удивлять всех своими методами укрепления революции и спасения родины. В частности, ваше указание на пропуск только воинских грузов и поездов—пустой звук, ибо местность, находящаяся в состоянии анархии, будет—озлобленная—бить железнодорожников и забирать воинские грузы, если таковые попадутся под руку, а Викжель с высоты своего величия будет наблюдать результаты применения своего метода.*

СТАММО. *Конечно, все связано. Движение нужно будет прекращать в последнем случае, я прошу вас обсудить детально этот вопрос. Во всяком случае, эта мера, диктуемая, конечно, только отчаянием, может в конечном результате сыграть лишь на руку анархии. При более спокойном и деловом обсуждении в стачечном комитете мы видим лишь настоятельную необходимость остановки Петроградского узла, дабы, с одной стороны, предотвратить опасность для наших товарищей железнодорожников, какой они подверглись на Виндавском вокзале, и воздействовать на безумцев, которые подчас из-за личных интересов не желают остановиться на компромиссном решении. Я ставил вопрос так, чтобы передать все руководство забастовкой в Москву, но Викжель не согласился со мной и образовал здесь специальный Стачечный Комитет, которому вы и должны подчиняться. Тем не менее, входя в состав этого Комитета, я нахожу невозможным принимать какие-либо меры, не посоветовавшись с Вами. Посему я и прошу сообщить все свои соображения; но распоряжения для единства действий должны уже исходить от нас вплоть до нашего ареста*[1]*), когда руководство делом должно перейти к Вам.*

ШЕХАНОВ. *Я это вижу, но страх и отчаяние—отвратительные советчики. Право об'явления забастовки в Московском узле предоставьте нам.*

СТАММО. *Жду ответа на заданные вопросы, сейчас ухожу от аппарата, ибо очень занят. Буду через некоторое время.*

ШЕХАНОВ. *Хорошо.*»

***

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕПЕША ВИКЖЕЛЯ 29-го ОКТЯБРЯ ОБ ОТМЕНЕ ЗАБАСТОВКИ.

«Всей сети, Главным, районным и местным Комитетам, всем стачечным, всем начальствующим. Москва, Бюро Викжеля. В виду происходящего в настоящий момент по инициативе Викжеля совещания представителей враждующих сторон по вопросу примирения и образования нового Правительства, начало забастовки отсрочивается до особого об'явления стачечного Комитета. Стачечные Комитеты остаются на местах в полной готовности. Всякое передвижение войск для участия во внутренней борьбе должно быть немедленно приостановлено всеми мерами. Стра-

[1]) Т.-е. до момента ареста Викжеля.. ИПТ.

тегическое же передвижение войск и группировки для внешнего фронта ни в коем случае не должны прекращаться. Председатель Викжеля Малицкий, Центростач—Грунин, Антоневич, Стаммо, Вомпе и Досев.»

**
*

ТЕЛЕГРАММА ОТ ОБЩЕАРМЕЙСКОГО КОМИТЕТА ИЗ СТАВКИ ВИКЖЕЛЮ 30/X.

«Мы, представители армий, сорганизовавшиеся при ставке в Общеармейском Комитете, без колебаний с оружием в руках выступили против попытки большевиков силою навязать стране свою волю. На силу мы ответим силою. Войска, руководимые своею правотою, идут на Петроград. Все перевозки войск, все командные места, все меры, предпринимаемые ставкою, проводятся под нашим контролем. Мы не хотим крови в тот момент, когда большевики сложат оружие; в тот момент, когда они подчинятся решению полномочного органа демократии, Всероссийск. Комит. Спасения родины и революции—мы отзовем войска. Ни одна капля крови не прольется даром. Если же справа будет попытка использовать это восстание в целях контр-революции, всею своею мощью мы встанем против нее. Мы просим вашего доверия: не препятствуйте движению войск, идущему по нашему указанию. С радостью мы примем в наш руководящий орган вашего представителя для совместной деятельности по спасению Родины, борьбы с анархией и контр-революцией: пусть встанет он в центре, пусть руководит сам отсюда дорогами, перевозками: это будет порукою чистоты нашей политической линии. По уполномочию товарищей Перекрестов, Нехамкин, Никольский.»

ПОСЛЕ ТОГО, КАК ВИКЖЕЛЬ КРАТКО СООБЩИЛ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ, ПОЛУЧЕН ОТВЕТ: *«Мы с радостью встретим образование единого фронта демократии; думаем, что предпринимаемые нами меры всецело этому способствуют.»*

**
*

СООБЩЕНИЕ ПО АППАРАТУ ТОВ. КРУШИНСКОГО ИЗ ПЕТЕРБУРГА (ОКОЛО 2 ЧАСОВ НОЧИ 30-го ОКТЯБРЯ.)

«Сейчас экстренным поездом выезжают в ставку уполномоченные от Викжеля Антоневич, Лапьер и Сенюшкин. У Керенского были товарищи: Сенюшкин, Плансон и Крушинский. Керенский заявил, что остающийся до 12 часов срок для ответа слишком незначителен для того, чтобы он мог дать какой-либо определенный ответ на предложение Викжеля. Он находит для себя, безусловно, необходимыми предварительные переговоры с Комитетом Спасения и с Общеармейским Комитетом при ставке, а также с представителями политических партий, и просил предоставить ему возможность проехать в Ставку. Он туда, вероятно, поедет. Наши товарищи согласно первой телеграммы выезжают сейчас. Забастовка отложена. (Примечание переписчика тов. Стефановского: *«Об отложении забастовки мы знаем уже несколько часов от Викжеля же. Очевидно, велика радость у них там, как и у нас, что призрак гражданской войны и забастовки испаряется и из этой борьбы демократия выйдет окрепшей, более сплоченной и сорганизованной и понявшей, что нельзя быть врагом самой себе. Как и всегда, русская самобытность со-*

вершенно неожиданно принесет неприятный сюрприз Вилюсю [1]). Извиняюсь, но ликование в душе вызывает болтливость»). У нас в Петрограде определенного решения между борющимися сторонами пока недостигнуто. Сейчас заседает Комиссия представителей Комитета спасения, органов самоуправления и отдельных политических партий, Центрального Комитета большевиков, Центрального Комитета Советов второго созыва и совета народных комиссаров. Соглашение предвидится и, когда оно начнет выливаться в какие-либо конкретные формы, Вам будет сообщено. Сегодня в Петрограде были выступления юнкеров, каковые подавлены Красной гвардией сурово.» Товарищ из Москвы. *«Если нет ничего нового, кроме того, что сказано Вами, то разговор пока прерывается.»*

**
*

ВЫДЕРЖКА ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ЧЛЕНА ВИКЖЕЛЯ ТОВ. ПЛАНСОНА В СОВЕТ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ ОКРУГА ПЕТРОГРАДСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ, ПОДАННОГО 29 НОЯБРЯ 1917 ГОДА.

... *«Комитет* (партии Н. С.) *обвиняет меня в том, что я в заседании Викжеля дал характеристику общего положения и настроения на фронте А. Ф. Керенского и этим сыграл для большевиков роль лазутчика. Чтобы Совет мог судить об основательности этого обвинения, приведу следующие данные.*

Поездка к Керенскому была поручена мне и двум другим членам Викжеля тт: Крушинскому и Сенюшкину по постановлению Викжеля. При этом Викжель не имел никаких других целей, кроме прекращения кровопролития и предотвращения обстрела и разгрома Петрограда и его населения.

Выехали мы на автомобиле в седьмом часу вечера по направлению к Царскому Селу. За Московской заставой мы очутились в абсолютной темноте. Шел дождь. Мы пробирались с трудом по шоссе, загруженном снарядными ящиками, грузовиками, эшелонами солдат и красногвардейцев. Так мы доехали до какой-то заставы, где нас остановили красногвардейцы и заставили вернуться в их штаб. Там нас окружила большая толпа солдат и красногвардейцев. Нас провели к офицерам, которым мы об'яснили цель нашей поездки, и нас отпустили.

Проехав заставу, на которой нас остановили, мы свободно без задержки доехали до Царского Села. Было абсолютно темно. В Царском мы спросили, где Керенский. Нам сказали, где он остановился, и мы свободно проехали туда. Там было много офицеров разного рода оружия. Мы заявили им, что нам нужно переговорить с Керенским; нам ответили, что Керенский в Гатчине. Никаких разговоров о расположении войск, ни о настроении их мы, конечно, не вели и не могли вести по той обстановке [2]), в которой мы находились.

Мы очень торопились, так как было поздно, и, пробыв минут 15, выехали в Гатчину.

Ехали мы с большой быстротой, было темно, шел дождь. У ворот Гатчинского дворца, где жил Керенский, нас остановила стража и провела в канцелярию коменданта, где мы об'яснили цель нашего приезда.

---

[1]) Вильгельму. ИПТ.

[2]) Т. е по условиям обстановки. ИПТ.

В канцелярии было много офицеров разного рода оружия. Никаких разговоров здесь мы ни с кем не вели и минут через 15—20 нас попросили наверх к Керенскому. У него мы пробыли часа два в непрерывном разговоре о возможности приостановления вооруженных столкновений. Он нам положительного ответа не дал и мы около часа ночи уехали от него обратно в Петроград.

Никаких разговоров с Керенским о количестве, расположении или настроении его войск мы не вели. Обратно мы ехали с громадной быстротой в абсолютной темноте под дождем и часа через два вернулись в Петроград»...

***

ПРОТОКОЛ

Согласительной Комиссии представителей Военно-Революционного Комитета, Комитета Общественной Безопасности, Викжеля и других организаций, состоявшейся в Москве в помещении Викжеля, 30-го октября 1917 года.

Начало заседания в 14 часов.

Присутствовали:

От Военно-Революционного Комитета Кушнер (Кнышев, П. И.).
» » » » Смидович.
» » » » Муралов.
» Комитета Обществ. Безопасн. Руднев.
» Комитета Обществ. Безопасн. Филатьев.
» Штаба Московского Воен. Округа Кобезский.
» Штаба Московского Военн. Округа Шер.
» Викжеля: Добытин, Платонов, Федотов, Беляков, Гар, Стефановский (Центральная Ревиз. Комиссия) [1].
» Меньшевистских организаций Хинчук, Кибрик.
» Совета Солдатских Депутатов Урнов.
» Совета Почтово-Телеграфных организаций Войцехович [2].

Председатель Согласительной Комиссии, товарищ Платонов, открыв заседание, обратился к представителям Военно-Революционного Комитета и представителям Комитета Общественной Безопасности с предложением в спешном порядке притти к обоюдному соглашению, дабы предотвратить гражданскую войну, продолжавшуюся вопреки перемирию, и продолжить перемирие еще на 12 часов. После обмена мнений было оглашено принятое условие перемирия, принятого 29-го октября с. г.

1. Для выработки определенного соглашения с определенного часа устанавливается перемирие на 24 часа.

2. С момента об'явления перемирия все боевые действия прекращаются и стороны остаются на своих местах. В течение этого срока вырабатывается окончательное соглашение, по заключении которого:

3. Сводные части как солдатские, так и офицерские распускаются.

---

[1]) И тов. Кравец, согласно его личного утверждения. ИПТ.

[2]) Очевидно. Войцеховский. который упоминается в разговоре от 31.XI. См. стр. 92. ИПТ.

4. Обе стороны издают постановление о сдаче захваченного оружия для организации боевых дружин в период боевых действий.

5. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается Комиссия, состоящая из представителей обоих сторон на паритетных началах и Викжеля.

6. Эта Комиссия принимает все меры для водворения революционного порядка и борьбы с контр-революцией.

7. По заключении соглашения войска обоих сторон разводятся под контролем этой Комиссии по своим частям и поступают в распоряжение Рябцева, действующего с ведома и соглашения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Полковых Комитетов.

По обсуждении вышеизложенного условия перемирия, Согласительная Комиссия пришла к соглашению внести некоторые изменения и поправки в тексте проекта соглашения, в результате чего этот проект вылился в следующей форме.

1. Образованные специально в связи с вооруженным столкновением сводные части как солдатские, так и офицерские распускаются (пункт третий соглашения 29/X). Пункт первый принят обоими сторонами.

2. Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий (пункт четвертый соглашения 29/X). Пункт второй принят Комитетом Общественной Безопасности, представители же Военно-Революционного Комитета воздержались от принятия того или иного решения.

3. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обоих сторон на паритетных началах и представителей Викжеля (пункт 6-й соглашения 29/X отпадает). Означенный пункт принят обоими сторонами.

4. В Москве создается орган, об'единяющий и руководящий обычною деятельностью всех органов власти и обладающий чрезвычайными полномочиями; этот орган сохраняется впредь до решения Центральным Правительством вопроса об организации власти на местах.

Состав его: от Городского Управления—семь представителей, от Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов—семь, от Губернского Земства—два, от Губернских Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов—по одному, от Центрального Совета Профессиональных Союзов, от Почтово-Телеграфного союза и от Викжеля—по одному. При этом Военно-Революционный Комитет и Комитет Общественной Безопасности упраздняются. Настоящий пункт принят обоими сторонами, причем абзац второй по составу означенного органа принят после пред'явления Викжелем и остальными представителями нейтральных организаций ультиматума о принятии этого абзаца.

5. Временным Комитетом (т.-е. органом, предусмотренным предыдущим 4-м пунктом) создается специальная следственная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций. (Настоящий пункт принят Комитетом Общественной Безопасности, представители же Военно-Революционного Комитета воздержались от принятия того или иного решения).

6. По заключении соглашения войска обоих сторон разводятся по своим частям и поступают в распоряжение командующего Московским Военным Округом, действующего по уполномочию Временного Комитета. (Этот пункт принят обоими сторонами).

Представители обоих сторон заявили требование к Викжелю и остальным представителям нейтральных организаций высказать в ультимативной форме свое отношение к пунктам второму и пятому вышеуказанного проекта соглашения.

В виду приближения окончания срока перемирия (21 ч. 33 м.) и недостижения полного соглашения, обе стороны (В. Р. К. и К. О. Б.) приняли решение продлить срок перемирия до 12 часов дня 31-го октября с тем, чтобы: 1) немедленно обоим сторонам с представителями Викжеля выехать в свои штабы для оповещения продления срока перемирия, 2) встретиться обоим сторонам для обмена приказами о продлении перемирия у Большого Театра в 23 ч. 30/X и 3) заседание же Согласительной Комиссии возобновить в помещении Викжеля с 2-х часов 31-го октября.

Председатель *Платонов.*

Секретарь *Беляков.*

Москва 30-го октября 1917 года.

С подлинным верно. За секретаря Викжеля Горбунов».

[Протокол этот составляли во время перерыва заседания т. Беляков со мной, а печатал его я; а по прочтении его на заседании вторую часть его—проект соглашения—печатал т. Кушнер, которому диктовал Руднев.]

***

[Разговор по аппарату БАЛЬБАТОВА из Москвы сперва с ВОМПЕ, а затем с МАЛИЦКИМ в Петербурге. Разговор этот происходил *30 октября* вечером, как раз в самый разгар работы вышеупомянутой Согласительной Комиссии.]

«Я—БАЛЬБАТОВ. *Позовите Вомпе или Стаммо. Ответьте на вопрос, каков состав власти, его программа, настроение среди большевиков, где Керенский, каковы его действия, идет ли у вас бой? Вообще осветите все положение.*

«Я—ВОМПЕ. *В настоящий момент продолжается то совещание представителей всех политических партий и организаций, которых пришлось вчера Викжелю собрать. Соглашение между сторонами и отдельными партиями как-будто намечается, хотя правая сторона совещания и очень туго идет на компромиссы. Принят первый пункт резолюции, который гласит о немедленном прекращении террористических актов гражданской войны; этот пункт резолюции разослан по аппарату и передан вам в Москву, сообщен также Революционному Комитету и Керенскому. Второй пункт резолюции об органе, перед которым будет ответственно будущее революционное правительство, приходит к концу обсуждения, и согласны на том, что ядром такого органа должен быть совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В этом органе принимают участие представители петроградской городской думы и всероссийских профессиональных организаций, в том числе и Викжеля. Сегодня же будет разрешен, я полагаю, и вопрос о конструкции власти.*

В Петрограде более или менее спокойно, встречаются лишь отдельные случаи арестов и самосудов. Не можете ли сообщить по пункту соглашения между сторонами, а равно сообщите, что вам еще угодно знать.

«Я—МАЛИЦКИЙ. *Скажите, не обсуждался ли в Москве вопрос о конструкции власти и о составе правительства? Не намечались ли вами персонально кандидаты в министерство?*».

БАЛЬБАТОВ. *«Нет, не обсуждался, так как еще не сконструировался. У нас сейчас в Викжеле заседает Комиссия для выработки условий для создания правомочного революционного органа. Для Москвы намечается представительство: семь человек от города, семь от совета рабоких и крестьянских депутатов, один от бюро профессионального союза. Вот состав того Комитета, которому должна быть передана власть временная в Москве. Комиссия еще работает и после ее соглашения вам сообщим. До 12 часов ночи она должна кончить, так как истекает срок перемирия».*

МАЛИЦКИЙ. *«Решающее заседание еще не началось, ожидаем прибытия Каменева и Рязанова. Есть надежда на соглашение, но весьма слабая. Центральные Комитеты с.-д. и с.-р. против включения в состав правительства большевиков. Предстоит борьба. Нет ли у вас чего-либо реального для подкрепления нашего требования включения большевиков? Большевики приняли платформу Викжеля. В городе пока спокойно. О повторении вчерашних ужасов пока не слышно. Керенский в Гатчине. Вчера наши делегаты лично свезли ему нашу резолюцию — телеграмму № 1163. До свидания».*

***

РАЗГОВОР С ПЕТРОГРАДОМ 31 ОКТЯБРЯ, НОЧЬЮ.

...—Экстренно пригласите к аппарату члена Викжеля по весьма спешному делу, как можно скорее. Спешно бегите и зовите. Положение внезапно изменилось и грозит катастрофа. Зовите к аппарату старшего наблюдающего или кого хотите, но во что бы то ни стало члена Викжеля к аппарату должны пригласить.

ПЕТЕРБУРГ. *Хорошо, пошли.*

МОСКВА. *Я—Стефановский. Говорю по полномочию Бюро. Только что сообщено в Бюро командующим войсками следующее официальное сообщение, полученное им из Военно-Революционного Комитета, которое подтверждено приехавшим из этого Комитета Гаром: «Признавая, «что пункты, которые были формулированы на общем совещании с Вик- «желем и другими организациями, оказались для Военно-Революцион- «ного Комитета неприемлемыми, он прекращает перемирие, признавая, «однако, возможным в ближайшем будущем по взаимному уговору на- «чать переговоры о мире на платформе советских резолюций». Это заявление сообщено нам в 12час. 10 мин. ночи. Должен информировать, что вчера при помощи бюро Викжеля было заключено на 30/X перемирие между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом Общественной Безопасности, и сегодня с 14 час. происходило в помещении Викжеля заседание согласительной комиссии, на котором были формулированы 6 пунктов проекта соглашения о мире. Из них четвертый пункт был принят обоими сторонами под влиянием ультимативного пред-*

ложения Викжеля, о численной конструкции Временного Комитета, заменяющего собою оба указанных выше спорящих комитета. Пункты второй и пятый приняты Комитетом Спасения, а Военно-Революционный пока воздержался от решения, а остальные пункты приняты обоими сторонами, при чем у обоих замечалось стремление достичь соглашения. И так как уже был 21 с половиною час, то обе стороны пришли к соглашению продлить перемирие до 12 час. 31/Х, с тем, чтобы в 2 часа ночи сегодня возобновить заседание Согласительной Комиссии и чтобы представители обоих сторон, бывшие у Викжеля, немедленно отправились бы на автомобиле совместно с представителями Викжеля для оповещения о продолжении перемирия с тем, чтобы в 23 часа встретиться у Большого театра и обменяться приказами об этом продлении перемирия. Между тем оказалась иная позиция. Сейчас было несколько орудийных выстрелов. Должен сказать, что члены Главных Дорожных Комитетов Московского узла, взятых по соглашению с обоими сторонами в виде посредников для разрешения разных недоразумений при продлении перемирия, оказались теперь внезапно брошенными на улицах Москвы, и не знаю, сумеет ли Бюро вывести[1] *их, так как автомобили-то есть, но шоферов нет. Сейчас Бюро совещается; к каким решениям придет, не знаю. Чем вы порадуете нас? Должен сказать свое личное мнение, что для меня все это явилось полнейшей неожиданностью, и я был уверен в достижении сегодня ночью соглашения. Все пункты соглашения сообщу через несколько времени, пойду и захвачу их, так через полчаса. Мне хотелось бы знать, чем вы могли бы помочь Москве для прекращения братоубийственной гражданской войны, имея в виду, что сегодня уже выдавали по четверти фунта хлеба, а, может быть, через день или через два, его совсем не будет, так как три дня в Московском узле не разгружаются вагоны из-за гражданской войны, и, пожалуй, близок тот час, когда станет из-за перегруженности узла транспорт на всей сети. Ваше сообщение сейчас же передам в Бюро и затем приду говорить к вам, если пошлет Бюро, уже с мнением Бюро. Пока до свидания.* [Упомянутого сообщения не имеется].

***

РАЗГОВОР С ПЕТРОГРАДОМ В 5 ЧАС. НОЧИ 31 ОКТЯБРЯ.

— Я—Москва. Товарищи, не спите, экстренно просим к аппарату членов Викжеля и не одного, а несколько, как можно скорее. Пожалуйста, как можно скорее.

ПЕТЕРБУРГ. *Я—Гурьевич. Обождите, я приглашу остальных. Здесь Стаммо и товарищ Гурьевич. Кто говорит?*

МОСКВА. *Шеханов, Федотов и Стефановский. Дело очень важное. Передаем вам следующее постановление Бюро Викжеля: «Согласно телеграммы Викжель 29/Х № 1163, Московское Бюро с согласия Викжеля пред'явило 29/Х Военно-Революционному Комитету и Комитету Общественной Безопасности немедленно прекратить гражданскую войну и образовать при посредничестве Бюро Викжеля Согласительную Комиссию из враждующих сторон для достижения мирного соглашения, указав при этом на постановление Викжеля о предоставлении всего техни-*

[1]) Надо понимать не иначе, как вывезти ИПТ, кур. 3.

«ческого аппарата железнодорожного союза тем организациям, кото-«рые примут ультиматум. Обе стороны ультиматум приняли и с 12 часов «ночи 30/X заключили при посредничестве Бюро перемирие на одни «сутки для выработки окончательного соглашения, при чем по взаимному «соглашению враждебных сторон обязанности посредникв в пределах «города Москвы были возложены на членов Главных Дорожных Комите-«тов Московского узла. Днем 30-го октября враждебные стороны при «посредничестве Бюро Викжеля и представителя Почтово-Телеграфного «Союза вырабтали проект соглашения, который, однако, к концу суток «принят еще не был, почему представителями означенных сторон было «принято постановление продлить перемирие до 12 часов дня 31/X «для продолжения переговоров по проекту соглашения. Однако, около «полуночи Военно-Революционным Комитетом заявлено, что про-«ект соглашения для Военно-Революционного Комитета не приемлем «и перемирие нарушается. Принимая во внимание, что Военно-Револю-«ционный Комитет, нарушив принятое Согласительной Комиссией реше-«ние о перемирии, в недопустимой и вызывающей форме отклонил тре-«бование Викжеля, ведущее к прекращению гражданской междуусобицы, «Бюро Викжеля, ссылаясь на депешу Викжеля 29/X № 1163, постанови-«ло: требовать защиты Викжелем чести и нравственного авторитета «Всероссийского Железнодорожного Союза, попранных действиями Мо-«сковского Революционного Комитета, нарушившего перемирие и не «подчинившегося ультимативной депеше Викжеля № 1163 о немедлен-«ном прекращении гражданской междуусобицы, при чем последствием «внезапного нарушения перемирия возникла опаснсть для членов Глав-«ных Дорожных Комитетов Московского узла, находившихся на улицах «для исполнения посреднических обязанностей, при этом Бюро Викжеля «считает единственым выходом передать себя, как технический аппарат, «в полное распоряжение Комитета Общественного Спасения и решитель-«но заявляет, что отныне в вопросах борьбы оно ждет распоряжений «этого Комитета. Означенное постановление принято единоглсано, но «при одном воздержавшемся товарище Кравце и в отсутствие товарища «Бальбатова[1]). Просим немедленно решения и действий. Там ли члены «Викжеля?.

ПЕТЕРБУРГ. *Мы здесь, Стаммо и Гурьевич. Благоволите сообщить дополнительно еще следующие сведения. Первое: пункты расхождения, по которым Революционный Комитет не счел для себя возможным перейти в соглашение? Второе: достаточно ли точно вы информированы о результатах нашей Питерской Комиссии, которая прервала свои заседания до двух часов дня? Третье: вполне ли точно соответствует платформа, принятая Московским Комитетом Общественного Спасения позиции вышеуказанного соглашения? Четвертое: отложить ли решение этого вопроса до утра, или же немедленно принять меры к собиранию Комитета? Может быть, то, что я могу вам сообщить, достаточно подтвердит вашу позицию? Отвечайте возможно точнее и подробнее. Пятое: кто находится сейчас у аппарата и фамилии лиц, уча-*

---

[1]) Повидимому, в документе ошибка. По раз'яснению участников т. т. Кравца и Платонова, голосовал „против" т. Кравц, воздержался от голосования т. Платонов, отсутствовал т. Бальбатов. ИПТ.

ствующих в совещании Бюро? Шестое: каковые активные действия вы предполагаете принять в случае выступления вместе с Комитетом Общественного Спасения? Седьмое: какими войсками будет пользоваться Комитет Спасения, не призовет ли он казаков?

МОСКВА. *Мы настаиваем на немедленном решении, так как в городе идет бойня и Комитет Общественной Безопасности нуждается в нашей помощи. Вспомните также о мирных жителях. По ПУНКТУ ПЕРВОМУ—Согласно протокола заседания 30/X Согласительной Комиссии из представителей враждующих сторон при посредничестве Викжеля, представителя Почтово-Телеграфного ведомства и представителя фракции меньшевиков Совета Рабочих Депутатов общими усилиями выработан был следующий проект соглашения: 1) сводные части, образованные специально в связи с вооруженным столкновением, как солдатские, так и офицерские, распускаются. Этот пункт принят всеми враждебными сторонами. 2) Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий. Этот пункт принят Комитетом Общественного Спасения и представителями Командующего войсками, представители же Военно-Революционного Комитета от принятия решения воздержались. 3) Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обоих сторон на паритетных началах и представителя Викжеля. Этот пункт принят обоими сторонами. 4) В Москве создается орган, об'единяющий и руководящий обычною деятельностью всех органов власти в Москве и обладающий чрезвычайными полномочиями. Этот орган действует до разрешения Центральным Правительством вопроса о местной власти. В состав его входят: от городского самоуправления семь представителей, от Московского Совета рабочих и солдатских депутатов семь, от губернского земства два, губернских советов рабочих и крестьянских депутатов по одному, от центрального совета профессиональных союзов, от Почтово-Телеграфного Союза и от Викжеля по одному, при чем Временный Революционный Комитет и Комитет Общественной Безопасности упраздняются. Этот пункт принят обоими сторонами, при чем численный состав[1]) его принят под давлением ультимативного требования всех посреднических организаций, участвовавших в заседании, в виду бесконечных споров о количестве лиц. 5) Временным Комитетом (т.-е. органом, указанным в предыдущем четвертом пункте) создается специальная Комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций. Этот пункт принят Комитетом Общественной Безопасности, а Военно-Революционный Комитет от принятия решения воздержался. 6) По заключении соглашения войска обоих сторон разводятся по своим частям и поступают в распоряжение Командующего Московским Военным Округом, действующего по полномочию Временного Комитета. Этот пункт принят обоими сторонами. Раз'яснение—представители командующего войсками входят в Комитет спасения общественной безопасности.* ПО ВТОРОМУ ВОПРОСУ. *Мы не знаем, про какие результаты и про какую Комиссию Вы говорите.* ПО ВОПРОСУ ТРЕТЬЕМУ. *Платформа Московского Обще-*

---

[1]) Речь идет о числе лиц полномочного органа. ИПТ.

ственного К-та—это прекращение гражданской войны и забота о жителях, при чем этот Комитет целиком принял сообщенный ему пункт седьмой Вашего постановления от 28/X, а равно и платформу, заявленную депешей № 1163. Состав этого Комитета перечислял Вам Федотов в своем разговоре с товарищами Антоневичем 28/X, а именно: представители Исполнительного Комитета Крестьянских и Солдатских депутатов, Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза, Фракции городского и земского самоуправления и штаба. ЧЕТВЕРТОЕ—*как сказано: требуем немедленного решения вопроса и действий.* ПЯТОЕ. *Вам сказано: Шеханов, Федотов и Стефановский. Фамилии лиц, участвующих в сегодняшнем заседании Бюро: от Комитета Общественной Безопасности — Руднев, Филатьев, Шер; от Военно-Революционного Комитета—Кушнер, Смидович, Муралов; от Почтово-Телеграфного Союза—Войцеховский; от меньшевистской фракции Совета рабочих депутатов—Хиньчук и Кибрик и от Совета солдатских депутатов—Урнов, и все Бюро.* ШЕСТОЕ. *Как можно сказать это заранее? О казаках: может ли быть речь, раз Викжель идет вместе, да и состав Комитета гарантирует? Ждем, ждем, ждем. В городе орудийная пальба и выстрелы: обстреливают Городскую Думу, телефонную станцию, где несколько телефонисток сегодня были ранены в чем лично убедился т. Горбунов, бывший там от Викжеля Комиссаром. Расставленные нами посредники, члены Главных Дорожных Комитетов в количестве 50 человек, расставленных на разных улицах Москвы, неизвестно, смогут ли вернуться невредимыми. Вот пока и все.*

* * *

РАЗГОВОР [по аппарату между тт.: Стаммо в Петербурге и Шехановым в Москве] *в 6 ч. 30 м.* [утра] *31-го октября.*

СТАММО. *Товарищ Шеханов! Я вам передам сейчас те решения, на которых остановилось совещание, созванное нами здесь из представителей враждующих партий. В результате долгих споров и обмена мнений выяснилось, что соглашение вполне возможно достигнуть, почему Совещание и обратилось ко всей России с призывом немедленного перемирия и осуждения политического террора. (Наша телеграмма № 1166 и № 1167, которые и переданы Вам). Сегодня, в 2 часа дня должна заседать специальная техническая Комиссия по разработке этого соглашения. Как базис, Совещанием принято: должен быть создан орган из социалистических течений, центром которого должен служить ЦИК С. Р. и С. Д. как нового, так и старого созыва, представительство от крупных профессиональных организаций, Петроградской Городской думы, перед которым, или, вероятнее, которая формирует временное правительство, или Совет Комиссаров, ответственный перед ним, при чем Правительство может состоять от большевиков до народных социалистов. Эс-эры-оборонцы, соглашаясь на участие большевиков в Правительстве, заявили, что считают наиболее правильным избрание вышеуказанного органа правительства персонально. Социал-демократы-оборонцы заявили, что они не войдут в состав правительства, если там будут большевики, но окажут ему свое содействие и поддержку. Пункты программы: первое—активная внешняя политика, второе—передача земли земельным Комитетам, третье—немедленный созыв Учредительного Собрания. Товарищи! Обсудите сейчас вопрос, насколько возможно в на-*

стоящий момент при вышеуказанной кон'юнктуре становиться на одну из сторон и активно ввязываться в борьбу, не попробовав еще раз, имея на руках такое готовое соглашение, принятое всеми центральными организациями, не попробовать обратиться снова к Военно-Революционному Комитету Москвы, который ведь, главным образом, составлен из большевиков, а, следовательно, постановление ЦК партии большевиков для них обязательно.

ШЕХАНОВ. *Мы сами знаем, из кого он состоит: там остались одни большевики и сегодняшняя выходка с перерывом перемирия непонятна. Сноситься нам с ними совершенно бесполезно да и недостойно и вряд-ли может на него подействовать наше обращение. Ему нужно пред'явить категорическое требование от всего вашего совещания через Центральный Исполнительный Комитет Большевистской Фракции с требованием немедленного прекращения гражданской войны. Все. Довольно говорить. Действуйте. До свидания.*

СТАММО. *Ваше мнение? Сообщите, что Вы находите: что мне нужно сейчас предпринять? Созывать ли Комитет для решения этого частного вопроса, или же сами вы его решите в связи с переданным мною общим освещением вопроса, и созывать ли Викжель?*

ШЕХАНОВ. *Мы уже Вам говорили, что решение должно исходить от Викжеля, а не от Бюро, и решение должно быть срочно. Сейчас же созывайте Викжель. Неужели Вы не видите, что, кроме вопроса о гражданской войне, здесь затронут авторитет Всероссийского жел.-дорож. Союза?*

СТАММО. *Когда соберется, сообщу. Скажите, пожалуйста: передана ли Вам телеграмма № 1166 и скажите, какие части города больше пострадали и сколько приблизительно человеческих жертв?*

ШЕХАНОВ. *Телеграмма получена. До свидания, некогда, уходим. Мы Вам говорили, с утра ожидаем обстрела Кремля. Кроме тех местностей, о которых мы говорили, стрельба идет по Тверской, Мясницкой, Никитской, вообще по всему городу. Мы сидим в Бюро безвыходно четвертые сутки. Имейте в виду, у большевиков имеется до десятка тяжелых орудий, вам там не представляется, что здесь происходит.*

СТАММО. *До свидания.*

***

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ПЕТРОГРАДА. Центр. № 519 подана 30-го октября, в 20 ч. 40 м.

«Москва. Бюро Викжель. Совещание о конструкции правительства продолжается. Предполагаем сегодня ночью достигнуть соглашения. Примите все меры к продолжению перемирия и к прекращению сепаратных его нарушений. № 1166. Малицкий».

***

[Разговор из Бюро Шеханова и Гара с Дементьемым и Циглярским в Викжеле.]

— Я—Шеханов и Гар. Кто говорит с нами?

— Я—член Викжеля:—Дементьев и Циглярский.

— Товарищи, Дементьев и Циглярский. Вам известно наше постановление, принятое сегодня ночью в связи с уклонением большевиков в

самой недопустимой форме [от] нашего предложения о перемирии и мире, отклонение такового?

— Сейчас по этому поводу заседание, ответ через несколько [минут]. Сообщите, если что у Вас есть нового; вокзалы и вообще остальное?

— В дополнение [к] принятому ночью решению Бюро уполномочило нас заявить следующее: поступок большевиков поставил нас перед вопросом об отказе от состояния нейтральности и предоставления себя, как технического аппарата, в распоряжение Комитета Общественного Спасения. Для нас это вопрос чести всей организации, и всякое промедление в его разрешении абсолютно недопустимо и многими понимается, как нежелание с нашей стороны взять на себя, при пред'явлении ультиматума, обязательство. Позднейшим сроком, когда мы должны получить от Вас ответ на вопросы, поддерживаем ли мы Комитет Общественного Спасения,—три часа сегодня. У нас этот вопрос решен положительно, и, не скроем, Ваше перерешение его ставит перед нами диллему: или неподчинение Вашему постановлению, или сложение с себя полномочий Бюро и предоставление дорогам Московского узла самоопределения позиции в развитии[1]) ужасной катастрофы.

— Сейчас несу ленту в заседание.

— Хорошо несите.

— В каком положении вокзал?

— Вокзалы пока не трогаются, но Красная гвардия производит насилия по перевозке. Сегодня [на] Московско-Киево-Воронежской вопреки нашему категорическому распоряжению они захватили 21 вагон со снарядами и перевезли на Николаевский вокзал. При голосовании нашего последнего постановления, воздержались Бальбатов и Платонов, остальные были за [2]).

[Приписка Стефановского карандашом на том же бланке]:

«С утра 31-го октября телефонное сообщение Бюро Викжеля по городским проводам прервалось, около 11 утра 1-го ноября приходила в Бюро Викжеля депутация от телефонной станции Городской, с указанием, что ст. обстреливается большевиками, ибо засевшие там юнкера не хотят уйти. Телефон. союз желает работать нейтрально, обслуживая всех, и уговаривал юнкеров прекратить борьбу и уйти, но те отказались, заявив, что взорвут станцию. Бюро В. помочь ничем не может и послало телефонисток в В.-Рев. К-т. для того, чтобы устроить свободный выход всего служебного персонала станции».

* * *

РАЗГОВОР 31-го ОКТЯБРЯ. [Текст Петербурга—по документу из моего собрания, и по переданному мне т. Рязановым. Текст Москвы—только по документу, полученному от т. Рязанова].

— Я—Гар. Кто спрашивает? Я—Гар, да я—Гар, у аппарата. Член. Кто говорит?

— Я—Вомпе. Со мною Троцкий и Рязанов. Вызывайте скорее, Троцкий долго ждать не будет.

---

[1]) Вероятно *и развитие.*

[2]) См. предыдущее примечание на стр. 91. ИПТ.

ГАР. *Сейчас вызываю члена Рев. Комитета, он в Викжеле, сию [минуту] придет. Он на царском павильоне, сейчас будет, пять минут обождите. Сейчас придут. Сообщите, обсудили наше требование высказаться Викжелю? Это для Вомпе.*

ПЕТЕРБУРГ. *Хорошо, хорошо, сию Вомпе идет, здесь нет, да сейчас вышел, а вот здесь Вомпе.*

ВОМПЕ. *Я—Вомпе. Что обсудили?*

ГАР. *Повторяю вопрос: обсудили ли вопрос Бюро о том, каковая дальнейшая политика Викжеля, так как Бюро Викжеля поставило вопрос о своих полномочиях? Неужели Вы этого не знаете?*

ВОМПЕ. *Я только что ездил в Смольный, а потому не в курсе дела.*

ГАР. *Разговор был с Дементьевым.*

ВОМПЕ. *Могу позвать к аппарату Дементьева, если хотите.*

ГАР. *Позовите.*

ВОМПЕ. *Сию пойду.*

ГАР. *Зовите Троцкого и Рязанова.*

ПЕТЕРБУРГ. *Кто у аппарата? Я—Троцкий и Рязанов.*

МОСКВА. *Подойдите к телефону из Викжеля. Позвоните в Москву, Комитета Владимирский.*

ПЕТЕРБУРГ. *У аппарата Троцкий и Рязанов и члены Викжеля. Говорите.*

МОСКВА. *Подойдите к телефону из Викжеля. Позвоните в Москву. Вас проверят по голосу Пятницкий и Кисельштейн*[1]*). Мы хотим проверить Вас по голосу, поговорите, там Вас прослушают, а потом будем говорить.*

ПЕТЕРБУРГ. *Телефон не работает. Задайте несколько вопросов для проверки, на которые может ответить товарищ Троцкий.*

МОСКВА. *Где он последний раз встретил Мостовенко?*

ПЕТЕРБУРГ. *Не припоминает. Ставьте другой вопрос.*

МОСКВА. *Вы были в комиссии по отсрочкам и ругались; с кем были и ругались по какому поводу?*

ПЕТЕРБУРГ. *Задайте какой-нибудь другой вопрос, так как Рязанов часто ругался, [так] что не помнит, с кем.*

МОСКВА. *Передаю: как себе представляет ЦК создание Центральной Власти на местах?*

ПЕТЕРБУРГ. *Задайте еще несколько вопросов.*

МОСКВА. *Каких? Это уже переговоры, больше проверочных вопросов задавать не будут, поэтому прошу отвечать мне по существу. Достигнуто ли соглашение и сделан ли Вами вместе с другими партиями и организациями призыв к перемирию повсюду в стране, как гласит телеграмма Викжеля 3 ч. 45 м.? Известна ли Вам телеграмма Викжеля, извещающая от имени целого ряда организаций, в том числе от имени нашего ЦК, об установлении немедленного перемирия и обращении к враждующим сторонам о прекращении кровопролития, вооруженных столкновений? Телеграмма № П/1167.*

---

[1]) В документе в конце разговора эта же фамилия передается так: Кизильштейн. ИПТ.

ПЕТЕРБУРГ. *После низвержения правительства Керенского, ЦК нашей партии предложил власть Всероссийскому С'езду Советов, куда входили все социалистические партии от большевиков до сторонников Дана. Таким образом, наш ЦК отнюдь не исключал социалистической коалиции на основе определенной программы. Коалиция была отвергнута справа. После того мы предлагали коалицию левым эсерам, железнодорожникам, почтово-телеграфному союзу и остаемся на этой позиции целиком и сейчас. Но считаем, что ход переговоров не может парализовать нашу борьбу против контр-революционных войск Керенского. Всякая нерешительность в этой области погубила бы все дело демократии. Переговоры с демократическими организациями и партиями ведутся, но никаких переговоров с корниловцами мы не допускаем. Прошу Вас не уходить и подождать минут пять. Сию минуту ответим...—Я—Рязанов. Совещание, созданное по инициативе Викжеля, занималось вопросом о конструкции власти. В ответ на предложение Викжеля ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, в согласии с ЦК, заявил, что считает приемлемым пункт седьмой резолюции Викжеля об организации однородного социалистического министерства от энесов до большевиков включительно с ответственностью Министерства перед уполномоченным органом революционной демократии ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. С этим решением и готовностью прекратить военные действия, в случае принятия другой стороной ультиматума Викжеля, представители ЦИК'а и ЦК пошли в совещание. К сожалению, представители энесов и Кр. депутатов, Центр. Комитета меньшевиков и ЦК эсеров заявили, что для них коалиция с большевиками недопустима и согласились только на образование Министерства без цензовиков. Голосами всех остальных организаций была принята резолюция Викжеля об образовании однородного социалистического министерства с большевиками. Вчера в 6 час. вечера возобновилось заседание. ЦК эсеров заявил, что соглашается на вступление большевиков, но с тем, чтобы Министерство было организовано по персональному принципу. Дан от имени меньшевиков заявил, что без энесов и кр. деп. в министерство не войдет, но будет деятельно [лойяльно] поддерживать новое правительство; что же касается вопроса о перемирии, то ЦИК, к которому присоединился и ЦК, заявил, что представляет совещанию обратиться к воюющим сторонам предложить перемирие, но не может взять на себя никакого обязательства прекратить военные действия, пока другая воюющая сторона не даст гарантии, что Керенский и его казаки отказались от всяких военных действий. Сегодня все предложения совещания будут обсуждаться в ЦК и в ЦИК. Мы надеемся дать Вам окончательный ответ о том, достигнуто ли соглашение и заключено ли перемирие через два часа. Пока вместе с товарищем Троцким предлагаем, если желаете, задавать вопросы отдельно, можете...—Товарищ Рязанов кончил, говорит Троцкий, задавайте вопросы.*

МОСКВА. *Наше военное положение хорошо, мы прочно укрепились в Совете на Скобелевской площади. Можем ли мы согласиться на образование центрального органа в Москве? Что делается в Гатчине? Этот вопрос отменить [1]). Что делается в Гатчине? Где Керенский? Этот вопрос отменяет[ся][1]). Каково Ваше положение в военном отношении и каковы вести с фронта?*

---

[1]) Вопросы отменялись по указанию наблюдающего члена Викжеля. П. Стефановский.

ПЕТЕРБУРГ. *Какого органа? Где Керенский, не знаю. Вопрос о создании органа мне не ясен?*

МОСКВА. *Мы отвергли продолжение перемирия и условия мира, предложенные нам в шести пунктах. Пункт 4-й, ультимативный, такой: в Москве создается орган, об'единяющий и руководящий обычною деятельностью всех органов власти в Москве и обладающий чрезвычайными полномочиями. В состав его должны были входить: от городского самоуправления 7 представителей, от Московского Совета рабочих и солдатских депутатов 7, от губернского земства—2, от губернского совета рабочих и крестьянских депутатов по одному, от Центрального Совета Профессиональных Союзов, от почтово-телеграфного союза и от Викжеля по одному, при чем Военно-Революционный Комитет и Комитет общественной безопасности должны были упраздниться. Мы согласились на предложение переговоров при продолжающихся военных действия* [ниях] *на основе всей власти советам; переговоры прерваны.*

ПЕТЕРБУРГ. *Соглашение с революционными организациями, желающими и способными бороться с корниловцами, безотлагательно и необходимо; но соглашение с корниловцами не допустимо: так смотрит ЦК нашей партии.*

МОСКВА. *В этом органе мы были* [бы] *в меньшинстве. Одобряете ли наше поведение?*

ПЕТЕРБУРГ. *Мне не дано возможности ответить на этот вопрос* [под] *контролем Викжеля. Что отвергли? Кончите вопросы Троцкому, так* [как] *ему нужно уходить.*

МОСКВА. *Пятницкий просит Рязанова вспомнить, с кем он был два дня назад вечером в Петербурге. Вопросов Троцкому нет.*

ПЕТЕРБУРГ. *Говорит товарищ Рязанов. Я был с тем самым, которого я отвез к Рыкову. Рыков должен был ему передать все, что он хотел, Ногину и другим.*

МОСКВА. *Вопросы кончены. Мостовенко, Камский, Пятницкий и Кизильштейн.*

ПЕТЕРБУРГ. *Ушли.*

***

Карандашные заметки тов. Рязанова на телеграфном бланке Министерства Путей Сообщения, сделанные им на совещании, созванном по инициативе Викжеля, на заседании 1/XI

На прилагаемой иллюстрации Истпрофтран приводит фотографию подлинного документа, в виду его исключительной исторической ценности.

(В левой верхней части бланка):

Состав (очевидно, полномочного «органа демократии»).

С. Р. и С. Д. $\frac{}{150}$ 100 (50 и 50)

С. Кр. Д.—$\frac{}{75}$—75 + 25

Петр. Дума } 50 } 100

Моск. Дума }

Армия и флот $-_{60}$80
Викжель — 15
П-тель — 5
Сов. Проф. Союзов $-^{40}$20

420=130 бк. + 50 м.

[В правой верхней части бланка]: «*Невозможна коалиция, если в парламенте надо гарантировать б*[ольшин]*ство б*[ольшеви]*кам. Ядро в правительстве.*

[Сбоку, слева, на узкой полоске бланка]: «*Пилецкий*». *Вн. дел, труда иностр. 135 бк. 135... 40 ин... 175... 220.*

[В нижней половине бланка]:

Состав кабинета: Авксентьев [зачеркнуто]—*Чернов. Министр Иностр. дел—Авксентьев, Покровский, Троцкий* [зачеркнуто].
Внутр. д. [зачеркнуто].
Военный — Верховский.
Морского — Вердеревский.
Внутреннее — Салтыков, Рыков, Исаев.
Н. Просвещ. — Луначарский, Покровский, Салазкин.
Юстиция — Соколов, Малянтович, Плансон.
Финансы — Скворцов, Кузовкин, Рожков.
Земледелия—Чернов, Маслов, Вихляев.
П. Сообщ. — Крушинский [зачеркнуто].
Продов. — Пешехонов, Теодорович, Милютин.
Торг.-Пром. — Красин.
Труда—Гвоздев, Шляпников.

Записка карандашная на телеграфном бланке Николаевской жел. дор. (рукою тов. Крушинского).

***

Члену Ц. И. К. Сов. Раб. и Солд. депутатов Б. Д. Рязанову.

По поручению ЦИК Всер. ж. д. Союза обращаюсь с просьбой сделать распоряжение об освобождении из-под ареста тов. Мин. П. С., инж. Тахтамышева. № Бб. М. Крушинский. Р. Дементьев. 1/XI—17.

***

Соолщение в Петербург члена союза телеграфистов [1/XI]).

[Из числа документов, переданных мне т. Рязановым.]

— Я—Березовский. Чем могу служить? В Москве с 12 час. ночи идет беспрерывная усиленная канонада, были большие пожары. По сведениям, выгорела Никитская улица, разбит Успенский собор, сожжена церковь Василия Блаженного, разбита Городская Дума, сейчас беспрерывные залпы орудий. Телеграф пока никто не занимал.

М. П. С.

Центр. тел. ст.

191 г.

Телеграмма №

Изъ ... чис. сл.

Центр. ... ч. ... м.

Принялъ

***

ТЕЛЕГРАММА МАЛИЦКОГО.

«ПЕТРОГРАД; от 1/XI 1917 г.

Всем главным, район. мест. комит. всей сети, всем ДС, всем Н, копия Ц, Керенскому, всем комит. спасения родины и революции, всем совет. рабочих и крестьянских и солдатских депутатов. Москва. Викжель.

Подтверждая, что в происходящей гражданской войне железнодорожники обязаны сохранить самый строгий нейтралитет и не допускать передвижения враждующих между собою войск, Викжель постановил в случае угроз и насилий над железнодорожниками и в целях сохранения их жизни, признать за ж. д. право покидать места работ, каковое постановление передать дорожным комитетам для инструктирования ж. д. № 1170. Председатель Викжеля Малицкий».

***

«Всем ж.-д. Комитетам [с] передачей советам раб. солд., копия крестьянск. губ.: Московской, Владимирской, Курской, Тамбовской, Тульской, Тверской, Калужской, Орловской, Смол., Ниж., Костр. Рязан., Ярославск., Воронежск., Харьк., 5 сообщение. Пятое сообщение Мебюса. В Петрограде состоялось соглашение между ЦИК город. и советом комиссаров большевиков об организации однородного социалистического министерства и прекращений [ия] [по] всей России гражданской войны. В Москве пока соглашения не достигнуто. 4 день длится кровавая война. Настойчиво предлагаем сохранить выдержку, спокойствием сохранять революционный порядок [1]) мобилизации всех сил в борьбе возможными выступлениями погромщиков,... налаживайте продовольствие. Телеграфируйте немедленно к нам положение ваших дел, тоже в вашем районе оповещайте провинцию. Мебюс-Эледан».

***

«Вне всякой очереди. Москва, Петроград, Харьков, Екатеринослав, Ц, всем Н, всем Главн. район. мест комитет., всем ДС, всем Ком. спас. родины и революции, всем советам раб., солд., крестьянск. депутатов, всем армейским ком. Только что получены Петроград. телеграмм. Первая Петроградскому Комитету спасения революции и Викжель. Согласно предложения Комитета Спасения и всех демократических организаций, об'единившихся вокруг него, мною приостачовлены действия против повстанческих войск и послан представитель, комиссар. при верховном Главнокомандующем Станкевич, для вступления в переговоры. Примите меры к прекращению возможности напрасного кровопролития. Керенский. Передал ад'ютант Штаба Верхглавка прапорщик Миллер».

***

«Вторая. Петроград. Ком. Спасения родины и революции. В ответ на вашу телеграмму об установлении немедленного перемирия верх. главнок., не желая проливать братскую кровь, согласился на перего-

---

[1]) Смысл тот, что нужно мобилизовать все силы для борьбы и т. д. ИПТ.

воры [для] установления естественных отношений между войсками правительства и мятежниками, почему предлагает Штабу отряда мятежников отозвать свои войска в Петроград, установить линию Лигово — Пулково — Колпино нейтральной и допустить беспрепятствен. для обеспечения спокойствия в Царском Селе конные авангарды правительственных войск. На это предложение передать с посланными парламентерами не позже 8 часов утра завтра [1]*). Командир 3 кон. корпуса Генер.-Майор Краснов. Капитан Козьмин. Председатель Комитета под'есаул Ожогин. Передал ад'ютант штаба верх. глав. прапорщик Миллер».*

***

«Центральный Исполнительный Комитет Всероссийского ж.-д. союза призывает враждующие стороны, оружием решающие спор о своих правах, [к] скорейшему установлению мира и тесного единения для защиты родины и революции и к поддержке вновь образуемого правительства, ответственного перед народным представительством на основании вырабатываемой в настоящее время новой реформы правления страны, удовлетворяющего требования демократии с принятием программы осуществления переговоров о скорейшем заключении мира: действительная передача земли земельным комитетам и скорейший созыв учредительного собрания. П/1171. Председатель Викжеля Малицкий, Секретарь Нестеренко».

***

РАЗГОВОР МОСКВЫ С ПЕТРОГРАДОМ утром 1/XI. (Текста ответов и вопросов Петербурга не имеется).

— Мы—члены Викжеля: Гар и Кравец, что вам угодно? Кто говорит? Скажите точно и определенно, когда кончатся ваши словопрения? У нас положение ужасное. Все время орудийная стрельба, войска комитета безопасности стягиваются к Кремлю. По заявлению представителя революционного штаба, революционный штаб не остановится перед разрушением его орудийным огнем. Орудийный огонь беспрерывный. К Москве подтягиваются войска обоих сторон. Казаки следуют в конном строю или заставляют себя вести силою; то же самое и с другой стороны. Конца бойни не видно. Ваши телеграммы штабам считаются недостаточными, они находят, что прекращать боя они не могут до полной победы. Все меры нами принимавшиеся и принимаемые недействительны. Транспорт совершенно разрушен, подвоза нет, продуктов продовольствия нет, положение на наш взгляд безвыходное. Ваше сообщение положения не спасает, его окончание[м] будет полное разложение в Москве из-за голода и из-за остановки транспорта. Это признает и Революционный Штаб, но все-таки продолжает борьбу. Могу ответить на утренний разговор с Малицким [разговора этого не имеется]*, что, хотя Викжель и стоит в центре и об'единяет все партии и организации, но положение России он не спасет; сегодня это стало очевидно для всех. Конец боя можно предвидеть дня через три, но это будет обоюдное поражение, так как разбиты будут войска Комитета безопасности, но* [войска] *революцинного Штаба уже голодают. Это*

---

[1]) То-есть передать ответ. ИПТ.

сознает штаб и сознает тоже, что голодных войск ему не удержать от самоуничтожения и разгрома города. [Далее неизвестный вопрос Петербурга, на который ответ]:*Совершенно отрицательно: мы это выразим в своем требовании ответа к 3 часам. Перерешили мы этот вопрос вследствие вашего обещания дать сегодня окончательно текст соглашения, кроме того, мы считаем, что нарушаем соглашение с Комитетом Безопасности и не выполняем своего обязательства. Мы уже покончили, с нами никого нет, так как обе стороны считают, что мы их предаем. Это официально заявил Комитет спасения и неофициально—революционный штаб. Отношение масс—двух родов: мастеровые и рабочие в боевом состоянии за штаб, остальные рвутся в бои за комитет спасения, и та и другая сторона к Викжелю относятся больше, чем отрцательно. [Очевидно, опять отсутствующий вопрос Петербурга]. Да его нет, единства нет. Присоединение к одной стороне,—это раскол союза явный и определенный. Настоящее положение—это тоже раскол, но еще не перешедший в военное действие. Вы лучше мне ответьте, когда вы кончите разговор*[ы]: *ведь, кровь льется беспрерывно, город разрушается то же самое. Как вы не поймете, что, углубившись воссозданием неосуществимой власти, вы этим как бы санкционируете самоуничтожение как людей, так и Москвы? Когда вы кончите совещание? Это нас интересует больше всего* [очевидно, неудовлетворительный ответ Петербурга]. *Зачем же вы нам сказали, что вопрос будет решен сегодня ночью? Незачем говорить, не зная точно; мы бы давно решили сами, что нам делать. Ваша оттяжка и уверения «в ближайшие сутки» продолжаются. 4-е сутки и 4-е сутки мы находимся в беспрерывной орудийной стрельбе. Если бы вы ультимативно поставили вопрос обоим сторонам, то он давно бы был закончен. Но что у вас происходит, я вас не понимаю. Итак, нам с вами и говорить нечего, господа генералы от масс. До свидания.*

Вскоре после этого тов. Гар, дошедший до крайних пределов, истеричного настроения и нервозности, уехал с отдельным паровозом и вагоном в Петербург, в Викжель.

***

РАЗГОВОР (МОСКВЫ) С ПЕТРОГРАДОМ 1/XI В 10 ЧАС. 00 МИН.

ПЕТЕРБУРГ. *Я—член Викжеля. Кто спрашивает, Алихашкин?*

МОСКВА. *Я—Москва. К аппарату, пожалуйста, члена Викжеля пригласите, ни минуты ждать не можем. Нельзя ли, по возможности, Малицкого к аппарату?*

ПЕТЕРБУРГ. *Ваши фамилии?*

МОСКВА. *Платонов и Добытин. Нельзя ли Малицкого к аппарату, или передайте Викжелю следующее: затяжка окончательного соглашения путем отсрочек с ночи на 1-е ноября до 1-го ноября ведет к окончательному распаду Бюро Викжеля. У вас положение иное; войска Керенского придерживаются политики перемирия, у вас все спокойно, здесь же путем насилия над железнодорожниками та и другая сторона стягивает войска, и психологически всякий здравый смысл теряется, пассивное состояние делается абсолютно невозможным, каждая минута сознательной или несознательной оттяжки берет в Москве все*

новые и новые человеческие жизни, в том числе и железнодорожника. Быть-может, через час едущие в телегах, на лошадях и по шоссе войска той или иной стороны вступят в Москву, и тогда Москва станет ареной страшного кровопролития. Железнодорожники в массах также требуют более определенных директив. Ваша телеграмма о нейтралитете становится все менее и менее убедительна. В зависимости от сообщенного, если вы не желаете дальнейшего братского избиения, необходимо сейчас же решить следующие вопросы: что будет сделано, если Бюро Викжеля сложит свои полномочия, а за ним и все главные дорожные комитеты? 2-е, что делается Викжелем для прекращения подвозок войск посредством насилия над железнодорожниками, и этим фактически нейтралитет нарушается? [1]*. К этому могу добавить, что провозоспособность дорог Московского узла сокращается до 75%, разгрузки продовольствия нет. В Викжель* [т.-е. в Московское Бюро его] *население обращается за хлебом, голод неизбежен, а за ним и полная анархия. Каждый час промедления есть преступление. Большевиками заняты вокзалы: Киево-Воронежский, Александр., Курский, казачьи войска и кавалерия также двигаются к Москве. Победа какой-либо из сторон на сегодняшний день вызывает на завтра мобилизацию новых сил другой стороны. Выход из положения путем разрешения вопроса оружием едва ли возможен, так как соотношения сил не поддаются учету. Например, получается известие о движении войск с фронта, но настроение войск различное, добавляет представитель телеграфной секции Афанасьев. Если Бюро Викжеля в Москве сложит свои полномочия, а Викжель Петрограда будет находиться еще в неопределенной позиции,* [то] *телеграф Николаевской центральной станции прерывает всякую связь с Викжелем Петрограда, а за ним и весь Московский узел. Дайте ответ на все вам переданное через час.*

ПЕТЕРБУРГ. *Пригласите Афанасьева. Вот даю депешу, которую передайте Афанасьеву сейчас. Т.т. телеграфисты, передайте в Бюро Викжеля: сейчас у нас все собираются, мы обсудим положение. Викжель в тех случаях, когда творится насилие над железнодорожниками* [предлагает]*:по указанию главных ж.-д. Комитетов* [железнодорожники] *могут покидать станцию. Обсудите положение, не следует ли объявить забастовку Московского узла, поставив ультимативное прекращение кровопролития. Передайте сейчас ваше мнение, а также техническое осуществление.*

***

РАЗГОВОР МОСКВА—ПЕТРОГРАД, 11 ЧАС. 20 МИН. 1/XI.

МОСКВА. *Немедленно пригласите к аппарату члена Викжеля; вызывали по телефону: что угодно? Так как телефон не работает, вызывал Грунин, так и сообщено ранее, посмотрите, пожалуйста, ленту; обращайте внимание на ленту как следует, давал; только сию минуту сказано: кто у аппарата? Что же вы совершенно не желаете следить за аппаратом даже в такое исключительно серьезное время* [реплик Петербурга не имеется]. *Федотов и Бальбатов, повторяю. Кто у аппарата из членов Викжеля? Прошу выслушать следующее... что же это*

[1] Надо бы: „так как этим фактически нейтралитет нарушается“. ИПТ.

за безобразие, значит, вы тормозите сообщение членов Викжеля? Сообщаю следующее. По направлению от Вязьмы к Калуге, к Москве и Ржеву находится в пути 20 эшелонов казаков. От Вязьмы разбираются рельсы. Второе. Только что получены известия, что Московский почтамт занят большевиками. 3. Вокзалы постепенно переходят в руки большевиков, нет совершенно гарантии спокойной работы служащих. Получено известие, что сегодня в 6 час. вечера со ст. Подольск, Курской дороги, с заводов Зингера отправятся в Москву 3.000 красногвардейцев, кроме того, эшелоны казаков со стороны Вязьмы к Москве принимают все меры тем или иным способом дойти до места назначения. Орудийный и ружейный обстрел производится сильнее, чем когда-либо. Ваше предложение о том, чтобы на насилие над железнодорожниками отвечать забастовкой, не выдерживает никакой критики. Призыв к забастовке должен исходить из центра, так как [иначе] это будет уже не забастовка, а отдельное сепаратное выступление, ничего, кроме вреда, не приносящее. Настроение у всех железнодорожников и у нас в Бюро крайне напряженное и нервное. При совместном обсуждении Главн. ж.-д. Комитетов жел. дорог Москвы, мы просим вас и даже требуем, чтобы вы решительно пред'явили на совещании, которое у вас происходит, ультиматум о немедленном прекращении этой бойни. [В] такие минуты, которые переживаются, не должно быть таких долгих совещаний. Не делайте парламента из слова, говорильню [текстуально]. Мы, члены Бюро, заявляем, что, если это продолжится [еще] несколько часов и не будет принято экстренных и решительных мер, то мы сложим с себя полномочия членов Бюро. На нас лежит непосильная работа: Шеханов занят продовольственным с'ездом, Гар уехал в Петроград. Остались: Добытин, Бальбатов, Федотов. Эндимионов заложником в штабе. Еще раз просим, принимайте решительные меры, не заставляйте нас выступать не согласованно, а это к тому идет. Вот все, что мы можем сообщить. Сообщаю дополнительно, сию минуту получено известие, что из Коврова на Москву отправлены поезда красногвардейцев с прицепкой на промежуточных станциях. Что же делать? Разбирать рельсы? Так дайте приказ: нарушение на промежуточных станциях нейтралитета полное и одностороннее.

— Я — Малицкий. Скажите, чем грозит Эндимионову то, что он заложник?

МОСКВА. Он был в военном штабе, как комиссар от Бюро Викжеля во время перемирия, и до сего времени не имеет возможности возвратиться к своему месту. Ранее мы с ним сообщались по телефону, а теперь телефоны ни в Революционном Комитете, ни в Комитете общественной безопасности, ни в других учреждениях не работают. Так как ранее они были выключены, теперь же станция [неразборчиво] разгромлена и находится в руках большевиков.

МАЛИЦКИЙ. Так, вероятно, он не заложник в буквальном смысле, а только не может выйти на улицу в виду стрельбы. Может быть, ему в помещении штаба безопаснее, чем итти по улице домой?

МОСКВА. Да, в буквальном смысле не заложником, но выбраться оттуда не может, хотя мы и не знаем, как на это смотрит штаб. Прошу дать ответы на волнующие нас вопросы, которые мы передали.

МАЛИЦКИЙ. *Сейчас мы требуем от Революционного Штаба в Петрограде немедленного распоряжения красногвардейцам прекратить всякое приближение по железным дорогам и разрешаем вам сделать распоряжение всеми мерами, не исключая разбора рельс, угона паровозов и подвижного состава, препятствовать передвижению войск к Москве и красногвардейцев. Но, может-быть, по обстоятельствам места железнодорожники на местах сочтут возможным, чтобы не нарушать транспорта разрушением полотна снятием рельс, ограничиться просто уходом с мест работы. Такие инструкции дайте Курской, Александровской и прочим дорогам, где имеются движущиеся к Москве войска как революционные, так и противные им.*

МОСКВА. *Просьба о настоящей инструкции, которую вы предлагаете* [о] *снятии рельс, угона паровозов и прочее, дать от вашего имени. Не забудьте, что часть вокзалов находится в руках большевиков, не забудьте и того, что наше помещение рядом со штабом большевиков.*

МАЛИЦКИЙ. *Где находится революционный штаб? Раз штаб находится рядом с вами, то нельзя ли вам справиться, где Эндимионов, и почему он не может из штаба уйти, а также не можете ли вы пригласить к аппарату кого-нибудь из членов революционного штаба?*

МОСКВА. *Мы просим вас принять самые решительные меры к прекращению этого положения, так как вдали от Москвы вы не можете нарисовать ту картину, которая здесь происходит: дороги парализованы, подвоз прекращается, на некоторых дорогах, в частности, на Курской, не производится уплаты жалованья служащим. Мы в состоянии полной анархии. Когда же кончится то совещание под вашим председательством? Я вам говорил про 10-й район рабочих депутатов, котрый находится рядом с нами, где живут более тысячи человек красногвардейцев и солдат; всякие действия с нашей стороны могут быть парализованы и мы* [можем быть] *арестованы. Штаб находится в губернаторском доме, вам говорят, что рядом—часть штаба: справлялись, справок никаких не могли* [получить]. *Революционный Комитет также не доступен для нас, так как туда не дойдешь, ни доедешь. Мы просим ответ на ряд предложенных вопросов.*

МАЛИЦКИЙ. *В таком случае вы должны руководиться телеграммой один один семь нуль, т.-е. с целью прекращения передвижения войск обоих враждующих сторон, Главные Дорожные Комитеты предлагают служащим, не могущим воспротивиться передвижению войск, оставить места работы. Вместе с тем сообщите эту депешу один один семь нуль сидящему рядом с вами Штабу, сказав ему, что таково постановление Викжеля, которое для вас, как и для всех железнодорожников, обязательно. Вместе с тем во всех случаях насилий над железнодорожниками и их арестах сообщайте нам, так как Военно-Революционный Штаб заявил, что при соблюдении железнодорожниками в силу предписания Викжеля строгого нейтралитета никакие аресты производимы не будут. Поэтому такие аресты будут рассматриваться, как самочинные действия, и поэтому к ним надо относиться спокойно.*

МОСКВА. *Товарищ Малицкий. Прочли* [ли] *вы то, что мы вам сейчас передали? Сообщить не представляется возможным, так как всякая связь потеряна.*

МАЛИЦКИЙ. *Сообщаю ход работ соглашения. ЦК партий СД и СР отказались от непримиримой позиции и признали возможным вхождение большевиков в правительство, признав принцип ответственности правительства перед парламентом, центр и даже половина которого состоит из Советов, к которому присоединяются представители профессиональных организаций и войсковых комитетов. Намечен персональный состав нового правительства. Керенский не будет ни премьером, ни министром вообще. В парламенте предполагается дать 15 мест* [нам]. *Сейчас началось заседание Особого Совещания в малом составе для технической разработки проведения и установления нового закона.*

МОСКВА. *Дайте же нам ответ, когда же будет установлено всеобщее перемирие вне вопроса о конструкции правительства.*

МАЛИЦКИЙ. *Рано утром сегодня вам, по моему предложению, были сообщены две депеши Керенского и Краснова, его генерала, о перемирии. Сообщили ли вы ее революционному штабу и комитету безопасности? Примите немедленно все меры к широкому оповещению этих депеш во что бы то ни стало, а также к доставлению этих депеш Штабу и Комитету Спасения.*

МОСКВА. *Когда депеши эти посланы? Предложенные вами меры будут приняты, но еще раз подтверждаю, что у нас нет связи ни с революционным комитетом, ни с Комитетом Спасения, и нет возможности получить пропуски от той или другой организации на беспрепятственное хождение. Мы уже вам передавали, что почтовая станция занята, что вокзалы заняты, что разгром полнейший. Вот в каком положении дело.*

МАЛИЦКИЙ. *Разве вы не понимаете, что один факт получения этих депеш сам по себе равносилен прекращению кровопролития и насилия над железнодорожниками? Печатайте на машинке и перепишите от руки в самом срочном порядке возможно большее число копий этих депеш и развесьте их на столбах платформы Южного Поста.* [Посланы эти депеши] *в 4 часа утра, проверьте и сообщите сейчас, получены ли по аппарату эти депеши. Что касается связи, то передайте 10-му району копии этих депеш и скажите им, что теперь уже Штаб или его отделения на Южном Посту должны немедленно сами озаботиться передачей этих депеш.*

МОСКВА. *Затем просьба сообщить нумера посланных Вами депеш, какие нумера, сообщите, пожалуйста.*

МАЛИЦКИЙ. *Это было передано в виде разговора, почто-телеграммой, но все равно: вот вам и текст* [далее следует текст помещенных выше двух депеш: Керенского и Краснова, почему тут не повторяется).

МОСКВА. *Не дадите ли Вы нам еще какую либо инструкцию, или сделайте сообщение. Нам больше говорить пока нечего.*

МАЛИЦКИЙ. *У меня больше ничего нет. В Петрограде спокойно, как у Вас?*

МОСКВА. *Только что сейчас* [на]*передано*[й] *вам ленте описаны ужасы Москвы, повторяем, что положение ужаснейшее. Все подвергается разгрому, а подробности в ленте. Если будет возможность, сообщим: голубиной почты у нас нет.*

МАЛИЦКИЙ. *Так вот, для прекращения этих ужасов сообщите эти депеши Комитету Спасения и Революц. Штабу в самом срочном порядке. Действуйте энергично, не падайте духом, имейте спокойствие, как мы его сохраняем. Только благодаря тому, что мы об'явили нейтралитет, и мы полагаем, что с вашей стороны была допущена грандиозная ошибка, если вы выступили на защиту одной из враждующих сторон. До свидания.*

МОСКВА. *До свидания.*

Вслед за этим разговором сообщение из Москвы Афанасьева в Петербург.

— Я—Афанасьев. По Николаевской дороге с поездом № 25 из Твери и Москвы следуют вооруженные большевики, в количестве 350 человек. Остановить служащие бессильны. При первом насилии со стороны большевистских войск служащие разбегаются. На Нижегородской дороге станция Ковров занята большевиками и все движение происходит по распоряжению большевиков. Служащие, быть-может, последний раз обращаются к Викжелю в Петроград, указать, когда же кончится насилие над железнодорожниками, находившимися в нейтралитете, а мы, Бюро Викжеля, боимся, что уже ваше распоряжение будет запоздалое. Примите какие-либо шаги по адресу Военно-Революционного Комитета в Петрограде, о прекращении насилия, или же служащие будут разрешать всякие вопросы самостоятельно, то-есть, кто куда хочет. Получили ли ответ на записку СТАММО?

Из Москвы в М. П. С. 1/XI в 12 часов.

— Даю записку,—ответ на записку СТАММО. Сейчас получено сообщение. По Александровской дороге идут 20 эшелонов казаков с броневиками и орудиями и на станцию Вязьма, два эшелона уже прибыли на станцию, и в городе кровопролитие. Остановить этого движения железнодорожники не могут. На станции Вязьма служащие разбегаются, а потому требуем от вас какого-либо распоряжения. Такие же сведения получены и от других дорог. Поэтому какого-либо мнения от нас о забастовке нечего и спрашивать: теперь все зависит от вас, как хотите, так и делайте. [Реплик Петербурга не имеется. Очевидно, на вопрос его, кто говорит]. *Добытин. Пожалуйста, передайте это поскорее Гару. С экстренным поездом выезжает в Петроград, дайте ответ.*

* * *

РАЗГОВОР МСК. 1/XI В 1 ЧАС. 40 МИН. С ПГР. [Очевидно, дня].

— Вам известно ли, что Гар выехал в Петроград с экстренным поездом? Если только со стороны большевистских войск будет какое-либо насилие [над] *служащи*[ми] *телеграфа центральной станции Москва, то все телеграфное действие прекращается, а также и связь с вами; за ним следует прекращение телеграфного действия всего Московского узла, в Самаре, Харькове и Воронеже, в этом мы поддерживаем друг друга. Опаздываете с вашими решениями. Что же*

вы будете делать, когда с вами не будет никакой связи, никакого телеграфа? [Опять реплик Петербурга не имеется]. *Хорошо, по возможности будем руководствоваться вашими указаниями.*

⁂

РАЗГОВОР ПГР. С МСК. 1/XI В 1 ЧАС. 50 МИН. [дня].

— Я — член Викжеля Чухманенко. Соглашение должно состояться через несколько часов. Вслед за этим по сети будет разослано распоряжение за подписью борющихся сторон о перемирии, и с этого момента ни одна из сторон насилий чинить не станет. Как ни тяжело, но необходимо продержаться в состоянии нейтралитета еще несколько часов. Вчера было принято постановление Викжеля, что в случае насилий [над] *железнодорожников*[ками] *какой-либо стороной, они могут оставлять работы. Сообразуйтесь с этими указаниями. Больше сообщить нечего.*

⁂

РАЗГОВОР [МОСКВЫ] *С КОВРОВОМ (НИЖ*[ЕГОРОДСК.] *Ж. Д.). 1/XI.*

КОВРОВ. *Я представитель революционных войск—Губляр.*

МОСКВА. *Вот что, товарищи. По постановлению Викжеля вы воздержитесь от всякого насилия над агентами дороги: они исполняют наше постановление; если вы будете производить давление, то имейте в виду, будете иметь дело со всеми дорогами, в частности, со всею дорогою Нижегородской немедленно: принимаете ли вы это во внимание?*

КОВРОВ. *А вы кто?*

МОСКВА. *Тов. председателя Викжеля Добытин.*

КОВРОВ. *Принимая все к сведению, опираясь на распоряжение Петроградского и Московского, Влод. Ковр.* [очевидно, Владимирского, Ковровского] *Комитет* [ов] *от их имени я обещаю не производить никакого насилия, призываю тов. железнодорожников оказать содействие победившему Петроградскому Совету, оказывать, что революционные Комитеты стоим за полнейший порядок*[1]*. Вам напоминаю, что ЛН комитет принял ваш ультиматум, но жалкая кучка корниловских приверженцев его нарушила; для всякой пролетарской организации бездействовать постыдно. Примите на себя вместе с другими организациями святую обязанность передать власть...*

МОСКВА. *Товарищ,* [прекратите] *читать мне лекцию по аппарату. Вы, ведь, прекрасно знать должны постановление Викжеля соблюдать во избежание большего кровопролития нейтралитет, и все железнодорожники это постановление свято должны исполнять, и всякое давление на них немедленно встретит протест всей сети дорог. Предупреждая вас об этом, прошу вас это иметь в виду и не делать никакого давления на агентов дороги; даете ли вы слово в этом и будете ли настаивать на отправлении поездов?*

КОВРОВ. *Я вам тогда дам ответ минут через 25, схожу в Комитет и переговорю с Комитетом.*

---

[1]) Подлинный оборот речи по документу. ИПТ.

Из Коврова [1/XI] *3 час. 20 мин.* [дня].

КОВРОВ. *Я—представитель Московского, Петроградского и Владимирского революционного Комитета. Исполняю волю постановления по Ковровскому Революционному Комитету и отправляю войска в Москву.*

МОСКВА. *Значит, вы отправляете поезд в Москву № 27?*

КОВРОВ. *Сейчас отправляется состав 9 вагонов от нас, Новки прицепка и Владимир тоже, 89-й полк* [продолжает телеграф]. *Он убежал,* поезд уходит.

МОСКВА. *Сообщено т. Добытину, который просил передать это в МПС для Викжеля, что и исполнено.*

***

«Запись о событиях Председателя Центральной Рев. Ком. В. Ж. С.—П. Стефановского» [в дальнейшем я буду обозначать кратко: «из дневника»].

«Начато в 15 час. 30 мин., в среду 1/XI.

«Пошли сейчас в аппаратную говорить с Петроградом ФЕДОТОВ *и БАЛЬБАТОВ, сообщить, что Вязьма занята казаками и что рельсы от Вязьмы по всем трем направлениям разобраны большевиками, а также высказать мнение Бюро, что раз ведутся в Питере переговоры между центрами всех партий о создании новой власти и выясняется возможность достижения соглашения, то нужно Викжелю немедленно и категорически поставить всем сторонам требование: центры должны ясно и определенно и категорически предписать в Москве своим партиям прекратить бойню и быть в состоянии перемирия до решения Совещанием вопроса о создании власти. 15 ч. 35 мин. Пришел из 10-го района (царск. пав.) КРАВЕЦ и сказал, что полковника из штаба (остававшийся два дня у нас после совещания из-за реквизиции их автомобиля) поручили патрулю большевиков с пропуском провести его до квартиры. Сегодня было первое частное заседание ж.-д. Продовольственного С'езда, под председ. ШЕХАНОВА; решено первое заседание собрать 5/XI и ежедневно собираться комиссиям. А ПЛАТОНОВ* сейчас *заседает с представителями полковых комитетов.*

. . . . МАНЕВИЧ и ЧЕРЕПАНОВ говорили, что телефонная станция уже взята большевиками и взорвана снарядом. Около 14 час. приходила телефонистка оттуда с просьбой оказать содействие к свободному выходу служащих, их семейств и телефонисток из станции, которая обстреливается. Дали ей мандат и пропуск в Военно-Революционный Комитет с просьбой [оказать содействие]. *Больше ничего сделать нельзя.*

«15 ч. 55 мин. Сообщено КРАВЦУ из района, что п. № 25 едут по Николаевской 350 юнкеров, и здесь уже готово 600 солдат, пулемет и госпиталь для сражения. По телефону же выяснилось, что это едут большевики-красногвардейцы. Кравец пошел с этим известием в район.

«Мое мнение, текущее (16 ч. 00 м.), что надо продолжать Викжелю и ж. д. политику нейтралитета, ибо первая обязанность союза в этой междуусобной борьбе — сохранение в целости всего аппарата железных дорог и по возможности работы для возможности начать работу по-

сле окончания междуусобицы, ибо транспорт для России — ВСЕ, важнее всего, даже армий и проч., а разрушение его — голод и гибель. Поэтому и средство — забастовка — разрушит транспорт и вызовет голод, так что невозможно кровопролитие и гражданскую войну прекращать голодом и гибелью России. Кроме того, устроить забастовку — это отдать железнодорожников на растерзание. В 16, 21 постановлено созвать на сегодня в 19 ч. председателей Главных Дорожных Комитетов Московского узла для принятия конкретного решения о конкретных мерах против продвижения войск обоих направлений. Поручено это ВЕРЕВЕТЧЕНКО. Да, около 13 ч. ГАР уехал поездом на правах вспомогательного в Питер. Он дошел до истерического состояния.

«В 16 ч. 50 мин. разговор ДОБЫТИНА с председателем местного Комитета МКВ об очистке большевиками занятого ими Брянского вокзала.

«В 17 ч. 15 мин. пришел ЭНДИМИОНОВ, вырвавшийся из штаба, и тогда же пришли из телеграфа ФЕДОТОВ и БАЛЬБАТОВ, говорившие с МАЛИЦКИМ.

«*ЭНДИМИОНОВ* [записано в дневнике «ПЛАТОНОВ», но это явная описка] *рассказал, что ему пришлось сегодня утром уйти тайком из Штаба при помощи помощника Командвойска РОВНОГО и МАСТРЮКОВА, ибо его хотела арестовать реакционная партия. Там две партии — реакционная во главе с ШЕРОМ и др., и демократическая, во главе с РОВНЫМ. Реакционная партия хотела арестовать РЯБЦЕВА, и он (после того) резко переменился (в сторону реакции). Обе партии винят Викжель за свое бессилие, они считают, что, м.-б., продержатся еще с неделю и не подвозом их войск...* [очевидно, обязаны Викжелю и проиграют... не кончено, ибо я не поспевал записывать за рассказом тов. ЭНДИМИОНОВА]. *Грозят за это* [Викжелю] *не только судом истории, но и персонально. Реакционная партия говорит, что, если германцы войдут в Москву, то они присоединятся к Вильгельму. Это говорил не РЯБЦЕВ и не Шер. 31/X, когда получил вечером наше письмо* [переданное ему при посредстве 10-го района через одного разведчика, бывавшего в белом штабе], *то переговорил с РОВНЫМ и МАСТРЮКОВЫМ. ПРОКОПОВИЧ, министр продовольствия, в кабинете у РЯБЦЕВА просил ЭНДИМИОНОВА отправиться на их автомобиле спасти БРУСИЛОВА, дом коего подвергается опасности, и требовали решиться через 3 мин. ЭНДИМИОНОВ ск*[азал], *что может тогда уехать, когда будет другой представитель Викжеля. А случайно пришел посредник—член Гл. Дор. К-та, но он отказался ехать за БРУСИЛ*[ОВЫМ], *имея в виду свои особые обязанности. Тогда Э*[НДИМИОНОВ] *потребовал переговорить с Бюро и тогда запросил Бюро. Тогда ПРОКОПОВИЧ ск*[азал] *тайком Э*[НДИМИОНОВУ]—*«Вы отвезете его его не в Думу, это пусть думает штаб, а в частную квартиру». У Э*[НДИМИОНОВА] *подозрение, и т. к. есть предлог ждать ответа Викжеля, то он стал ждать. ПРОКОПОВИЧ, узнав, что* [ЭНДИМИОНОВ] *не уехал, ск*[азал] *ему: «Опять политика Викжеля»; потребовал фамилию Э. и сказал: «Вы можете персонально ответить». А РОВНЫЙ сказал* [по секрету ЭНДИМИОНОВУ], *что замысел был у реакционеров такой: Брусилова из Думы отвезти в Штаб, в Александровское училище, и об'явить его диктатором. Часов около 12 ночи явился РУДНЕВ и заявил* [ЭНДИМИОНОВУ], *чтобы мы, после*

нарушения перемирия, должны определить свою позицию, с кем мы? Ибо нейтралитет немыслим, и, если мы сегодня, 1/XI, не дадим ответа, то они будут считать нас с большевиками, что мы только прикрываемся нейтралитетом. И представители юнкеров и РОВНЫЙ просили [ЭНДИМИОНОВА] *сообщить* [им] *(и РУДНЕВУ) решение совещания в Петрограде, ибо они готовы признать себя побежденными и вовсе не желают быть на стороне реакционеров.*

«Из броневиков они вчера расстреливали дом Генерал-Губернатора. По получении нашего письма Э. хотел уйти и спрашивал РОВНОГО, являться ли к РЯБЦЕВУ, но тот [т.-е. РОВНЫЙ] *ск*[азал]*: нет, а утром уходить. Э. утром пошел искать проводника, который приносил* [ему] *письмо* [от Бюро]. *Но было ясно, что хотели задержать.*

«Приходили тайком к Э[НДИМИОНОВУ] *от Комитета* [юнкеров], *говорили, что они сами не знают, за кого они сражаются, что там, в Штабе, шушукаются, и просили их поставить в известность.*

В 19,00 закрытое заседание Бюро. (Совершенно плохая информация нас — Бюро — Петроградом). Кроме того, с 15 час. происходит заседание [в помещении же Бюро] *представителей всех политических партий.*

«В 22,00 прибыли из Петрограда КРИВОШЕИН и ДОСЕВ, едущие в Харьков [конечно, по поручению Викжеля].

«В 23,25 тов. РАЗОРЕНОВ отнес передать Викжелю 2 вопроса [не сохранились] *и постановление Бюро с депешей о мерах к активному поддержанию нейтралитета* [депеша эта приводится ниже]. *Тогда же поехали по 2 делегата от Совещания нейтральных Социалистических партий и организаций при Викжеле в Военно-Революц. Комитет и в Комитет Общ. Спасения доложить результаты Совещания и вести переговоры о перемирии, а у нас продолжается Совещание их по разработке условий перемирия. Сейчас получено известие, что горит Большая Никитская. Впечатление очень плохое. Но настроение у Бюро* [т.-е. у всех его членов] *бодрое и даже шутим! Смеемся! И несмотря на сознание* [происходящего] *— искренне смеемся. Ибо ужас* [событий] *настолько велик, что уже не задевает сознания, да и мы уже перенервничались».*

***

[Возвращаясь к другим документам. Заявление без указания числа месяца, но, повидимому, относящееся или к утру 1/XII или к вечеру 31/X].

«Исполнительный Комитет Полкового Комитета 1-го Запасного Телеграфного Прожекторского полка обращается к вам, товарищи, с просьбой немедленно дать ответ на нижеследующие вопросы:

«1. Каково отношение центральных организаций ваших партий к текущим событиям и чем вы это мотивируете. 2. Считаете ли вы возможным рассматривать, как факт, то предположение, что под фирмой Комитета Общественной Безопасности и за спиной Керенского в настоящий момент выступают и тем более в скором будущем могут выступить контр-революционные силы с целью беспощадной борьбы не только с большевиками, но и с социалистами прочих партийных исключений [вероятно, направлений] *и оттенков, т-е. признаете ли вы, что*

сейчас идет борьба между народом и контр-революционными верхами общества? Если да, то что вы предпримите для того, чтобы ваше имя социалистов не было использовано, как ширма, Каледиными и прочими? А если нет, то чем вы об'ясняете то странное положение, что за Комитет Общественной Безопасности не борются ни солдаты, ни рабочие? 3. Что вами сделано и что намерены вы предпринять для решительного создания социалистического блока, готового бороться за общие социалистические цели? 4. Что вы предпринимаете для проведения резкой границы между вашей партией и той контр-революционной кликой, которая, прикрываясь якобы солидарностью с социалистической частью, вошедшей в кабинет [конечно, Комитет] *Общественной Безопасности, на самом же деле, согласно нашего предположения, ставит своею целью уничтожение всех завоеваний революции? 5. Не намерены ли вы немедленно призвать членов партии и всех, кто с вами, для активной борьбы с контр-революцией, если наше предположение окажется верным? Мы ждем, наше положение мучительно, мы ждем вашего немедленного ответа револ...».*

[Не кончено, на этом обрывается. Повидимому, это заявление и беседа Бюро с принесшим его и послужили поводом для организации совещания представителей полковых комитетов, о которых упомянуто выше в моем «дневнике»].

«Эта депеша передана по аппарату Викжелю 1/XI для распубликования по сети» [упомянутое выше в «дневнике» постановление Бюро о мерах к активному поддержанию нейтралитета, разработанное мною, т.т. ДОБЫТИНЫМ и ФЕДОТОВЫМ].

«Передать вне всякой очереди и схемы по железнодорожным проводам. По всей сети дорог всем ЛН, ЛМ, ЛЧ и ЛЗ, профессиональным союзам, Н, ДС и адрес сто одиннадцать. Копия всем Военно-Революционным Комитетам и Комитетам Спасения Революции и Общественной Безопасности и Исполнительным Комитетам Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза.

«В целях сохранения железных дорог и транспорта, необходимых для спасения Родины и Революции, и для пресечения кровавой братоубийственной войны, ВИКЖЕЛЬ об'явил нейтралитет Всероссийского Железнодорожного Союза. Необходимо активное проведение, путем пресечения передвижения войск обеих враждующих сторон. Для выполнения этого всем железнодорожникам предлагается принять[1] *под руководством органов союза принимать следующие меры: ПЕРВОЕ, не допускать без разрешения Викжеля или Московского Бюро Викжеля никакой посадки войсковых частей и всяких иных вооруженных организаций, кроме отпускных, а также эшелонов, назначенных на фронт. Чтоб внезапно явившиеся части не занимали на станциях вагоны самочинно и угрожая железнодорожникам, предлагается со станций, расположенных вблизи городов и населенных пунктов, убрать на промежуточные станции все приспособленные людские вагоны и теплушки и при возможности также и обыкновенные порожние крытые. ВТОРОЕ, при появлении на станции войск или организаций для посадки и при попытке занять вагоны самовольно и насильно, принимать все меры к наиболь-*

---

[1] Оборот сохраняется по документу. ИПТ.

шему промедлению в подаче вагонов, подготовке состава поездов и их отправлению, прибегая к возможным решительным средствам. ТРЕТЬЕ. Если все-таки посадка и отправление состоялись, то направлять такие поезда отнюдь не по месту требуемого назначения, а через ближайшие узлы в обход и кружить. Обо всем незамедлительно уведомлять по аппарату Главные Дорожные Комитеты. ЧЕТВЕРТОЕ. Так как обе враждующие стороны нарушают уже самочинно нейтралитет Всероссийского Железнодорожного Союза, а также в целях предотвращения проезда в пассажирских поездах, как первая ступень всеобщей забастовки, отменяются в 12 часов в ночь со второго на третье ноября все без исключения поезда пассажирского движения, кроме дачных и пригородных, движение которых сохраняется в районе на расстоянии около пятидесяти верст от Москвы, Петрограда, Киева, Харькова и других подобных крупных городов. Поезда, начавшие свое движение до этого срока, доводятся до пункта назначения. ПЯТОЕ. По мере накопления на станциях отпускных солдат, следующих с фронта домой, так и из отпусков на фронт, предоставлять им для посадки вагоны и поезда по разрешению Главных Дорожных Комитетов. ШЕСТОЕ. Для посадки эшелонов и частей войск, следующих на фронт, вагоны подавать немедленно и отправлять поезда без задержки по назначению. СЕДЬМОЕ. Отпускных солдат по пункту пятому, а также эшелоны по пункту шестому направлять, минуя Москву и Петроград, и не допускать ближе ста верст, направляя кружностью через передаточные пункты, лежащие далее 100 верст от Москвы и Петрограда. ВОСЬМОЕ. Главные Дорожн. Комитеты о всех передвижениях по настоящей телеграмме беззамедлительно сообщают Московскому Бюро Викжеля. ДЕВЯТОЕ. Правления профессиональных железнодорожных союзов укажут немедленно конкретные подробные меры по пункту второму. ДЕСЯТОЕ. Дальнейшие указания к осуществлению нейтралитета и принятию мер поручаются Московскому Бюро Викжеля. Товарищи железнодорожники. Спасение Родины и Свободы зависит от строгого соблюдения нами нейтралитета. Вопрос о создании нового правительства решается мирными переговорами в Петрограде на Совещании полномочных представителей всех социалистических партий и организаций и уже близок к концу. Поэтому Викжель требует от всех железнодорожников неуклонного исполнения настоящей телеграммы. Те же, кто нарушит в пределах полосы отчуждения нейтралитет, способствуя тем продлению братоубийства и замедлению создания новой власти, понесут должные кары вплоть до исключения из железнодорожного союза по решению дисциплинарного суда, а это повлечет за собой увольнение от службы и уведомление всех прочих профессиональных союзов, как о членах, нарушивших дисциплину. Несостоящие в союзе железнодорожники, при нарушении ими нейтралитета, увольняются от службы».

[Далее, из документов, полученных мною от т. РЯЗАНОВА, без даты и указания, кто с кем говорит,—повидимому, разговор одного из восточных городов с Московским Бюро:

— Известно ли вам, что Челябинск занят оренбургскими казаками, которые пытаются провести свою диктатуру, и, если известно, то не откажите сообщить, что в этом отношении принимает Викжель.

Также не откажите сообщить, какое положение [в] *Петрограде. Верны ли слухи, что большевиками арестованы некоторые члены Викжеля?*

— О диктатуре казаков в Челябинске ничего неизвестно. В чем она выражается? Что же касается арестов, то членов Викжеля пока не встречалось, арестовыв. лишь членов Гл. Дорожн. Комитетов, которые немедленно же по требованию Викжеля выпускаются. В Петрограде пока спокойно, в пригородах происходят сражения. [В] *раз'яснение о диктатуре* [в Челябинске], *а равно о положении дел в Перми получена следующая телеграмма: «Самара, Екатеринбург, Челябинск, Омск, Викжель. Об'явите представителям казачества, в случае применения ими насилия над железнодорожниками, Челяб. со стороны Омска и Екатеринбурга будет изолирован. На Сам.-Злат. дороге просим изолировать Челябу со стороны Уфы по первому требованию. При применении насилия об'явите Челябе полную стачку.* [На этом обрывается].

[ИЗ МОЕГО «ДНЕВНИКА»].

«2/XI. В 3 ч. [ночи] *кончилось заседание об'единенного Совещания (при Бюро) до утра. Слышны выстрелы тяжелой артиллерии.*

«В 7 час. разговор с Малицким [у меня не имеется]. *Сообщает, что Керенский разбит и бежал, большевики отказались от соглашения и требуют подчинения; требуют также от Викжеля определить свою физиономию, отказавшись от нейтралитета, и требуют выйти из здания М. П. С. Мы (т.-е. Бюро) потребовали их приезда в Москву. Заявил Малицкий, что с Николаевского вокзала им поезда не дают. Лента (т.-е. разговор) уничтожена (сказал, что ждут ареста). В 6 ч. ФЕДОТОВ ездил в В.-Рев. Комитет передать заявление К-та Общ. Спасения о полной сдаче. Это принято».*

Возвращаюсь к прочим документам.

«Заявление Комитета Общественной Безопасности, доставленное в Викжель 2 ноября в 7 ч. 15 м. после передачи такового Военно-Революционному Комитету.

«Артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, а разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. Уже возникают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населения Москвы Комитет Общественной Безопасности ставит Военно-Революционному Комитету вопрос: на каких конкретных условиях Военно-Революционный Комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия? С своей стороны Комитет Общественной Безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-Революционным Комитетом, перейдя к методам борьбы политической и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах».

***

«ПРОЕКТ ДОГОВОРА МЕЖДУ КОМИТЕТОМ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ и ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ С. Р. и С. Д. 2/XI с. г., в 9 ч. 30 мин. утра». [Сверху химическим карандашем тогда же мною было написано]: («это условия К. О. Б.»).

«1. Комитет Общественной Безопасности прекращает свое существование.

«2. Юнкера и белая гвардия разоружаются. Офицеры остаются при присвоенном им оружии, при чем Военно-Революционный Комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности.

«3. Для вопроса о способе осуществления сдачи организуется Комиссия из представителей Военно-Революционного Комитета и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

«4. В случае принятия сторонами вышеуказанных пунктов Военно-Революционный Комитет немедленно отдает приказ о прекращении артиллерийской стрельбы».

***

«КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

«Военно-Революционный Комитет ставит необходимым условием прекращения боевых действий (мира) следующее:

«1. Вся власть в Москве переходит в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые образуют полновластный орган из [от слова «рабочих» и до слова «из» зачеркнуто мною тогда же карандашем и надписано]: *«которые выдвигают полновластный орган в составе» 7 (семи) представителей от Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (пропорционально фракциям) и по одному представителю: от Совета Крестьянских Депутатов, Губернского Совета Рабочих Депутатов, Московской Городской Думы, Земства, Совета Районных Дум, Центрального Бюро Профессиональных Союзов, Союза Городских Рабочих и Служащих, Красной Гвардии, Всероссийского железнодорожного Союза и Почтово-Телеграфного Союза, — всего 17 (семнадцать).*

«Этот орган утверждается на первом пленарном собрании С. Р. и С. Д. и существует впредь до организации власти учредительным собранием.

«Разоружение юнкеров и белой гвардии, при чем Военно-Революционный Комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности.

«(Принято единогласно).»

[Внизу же обоих боков страницы тогда же было написано мною химическим карандашем: *«(Вольский), Об'единенное Совещан. предс. нейтральн. политич. партий, с.-д.—меньш., интернац., правой, больш., бунд, польская партия соц., евр. парт. соц. (поалейцион), прав. с.-р., лев. с.-р., предст. Испол. К-та Обл. Сов. Р. С. и Кр. Деп., 2 предст. от Городск. самоупр., представит. Полк. Комитета прожектор. полка.»* [Очевидно, перечислены все «нейтральные» представители, пожелавшие приложить руку на подлинном историческом документе].

***

ПЕРЕГОВОРЫ С ВИКЖЕЛЕМ 2-го НОЯБРЯ В 7 ЧАС. 45 МИН. [Кто именно говорил от обеих сторон, неизвестно].

— Забастовка когда наша будет об'явлена?

— Этот вопрос еще обсуждается, но не решен.

— Так чего же вы ждете? Когда всех арестуют, или головы оторвут?

— А что вы думаете с нами будет, если мы все забастуем?

— С нами ничего не будет! Бросим и уйдем домой; кто хочет властвовать, так и пусть работает, а страну в анархии держать нельзя.

— А анархию голодом уничтожить тоже нельзя.

— Скорее сдадутся, а работать под штыками тоже нельзя.

— Вопрос обсуждается, возможно и она будет, а каково у вас положение?

— Большевики властвуют. Казаки собираются приехать и подавить большевиков, вместе с ними, может, ни за что ни про что и нам всыпят!

— Говорит Викжель. Оказать всякое препятствие продвижению казаков, всеми мерами, которые вы найдете подходящими: путем ли направления казачьих войск в другую ли сторону, путем ли задержания на одном месте, хотя бы [по] *нескольку часов, или даже разборкой рельс с соответственным предупреждением о могущем быть крушении. Задержка войск хотя бы на несколько часов необходима, потому что бой в Москве через час или два прекратится совершенно, так как войска Общественной Безопасности капитулируют перед войсками Революционного Комитета большевиков. Больше ничего.*

— Опасная игрушка, товарищ, разбирать рельсы [в] *такое время. Вы знаете, что казаки могут оторвать головы не только нам, но и нашим семьям, особенно на линии, и вы хотите заставить подвергаться такой опасности своих товарищей, уже лучше было бы, об'являли всеобщую забастовку, по крайней мере, с нас бы снималась этим вся ответственность. Кроме* [того, в] *Донской области установлено дежурство казачьих офицеров, знающих телеграфное дело, следовательно, делать распоряжение от нашего имени по противодействию казакам уже опасно. Вот вы и посоветуйте, что нам делать и скажите, какие жертвы в Москве?*

— Кто это говорит?

— Это говорит член Главкома Шутов [повидимому, из Воронежа].

— Товарищ, если вы находите, что разборка рельс повлечет за собой неприятные эксцессы, то задержите их всеми способами, которые вы находите самыми подходящими для данного момента, чтобы выиграть хотя несколько часов до об'явления о прекращении всяких военных операций в Москве. Военные операции в Москве, как я уже вам сказал, окончатся через 2—3 часа.

— Как же, может быть, через 2—3 часа, когда вы сами сказали, что еще идет большой бой, и разве может [в] *такое время (2—3 часа) быстро окончиться?*

— Вам я уже определенно сказал, что войска Комитета Общественной Безопасности капитулируют, то-есть сдаются на капитуляцию войскам Революционного Комитета большевиков, поняли? И это вопрос нескольких часов.

— Все-таки единственной мерой предотвращения продвижения казаков считаем всеобщую забастовку, об'явленную от имени Викжеля, а не отдельной дорогой. Этим слагается ответственность с местных жителей и вопрос становится общим для всех.

— Я не понимаю, о какой забастовке вы говорите? Ничего я вам относительно забастовки не говорил. Если эта забастовка должна быть об'явлена только ради задержания тех казаков, которые идут распра-

виться с большевиками? Наконец, направьте казаков в другую сторону или задержите на каких-либо станциях, где только можно, на несколько часов.

— Но они как направят в другую сторону, то у каждого на затылок перескочат глаза; неужели вы думаете, они настолько глупы, что не поймут, куда их направляют?

— Какие же в таком случае, вы предполагаете, меры для задержания казаков будут наиболее подходящими, и сколько казаков?

— Сколько, нам неизвестно, но посадки предполагаются на всех станциях Донской области, и вам предлагали лучшие меры: единственная вся мера—обязательно от имени Викжеля забастовки[1]*), если вы так говорите, что через 2—3 часа все кончится, то на один час забастовка не страшна, и продовольствие вряд ли пострадает при настоящем движении, когда все узлы забиты тысячами вагонов с продовольствием. Очевидно, Москва не в силах принять то, что для нее погружено, и достаточно того, что имеется в Московском узле. Другие же центры не так сильно страдают; надо заботиться о безопасности своих железнодорожников в такой исключительный момент.*

— Товарищ! Определенно вам заявляю, что никакие разговоры между нами сейчас быть не могут, так как Викжель сегодня определенно высказался за то, что забастовка в данный момент совершенно несвоевременна. Если у вас будет передвижение казаков по направлению к городам, в которых казаки предполагают расправиться с большевиками, тогда сообщите точно количество войск, их направление и вы получите соответственное указание от Викжеля вполне определенного характера.

— Мы вам тоже определенно сказали, что проследить за посадкой казаков и продвижением их нет возможности, так как на станциях Донской области дежурят казачьи офицеры и казаки, знающие телеграфное дело. Конечно, они скрывают свои передвижения. При внезапном появлении казаков вряд ли будет своевременно получать указания от Викжеля. Просим вас в экстренном порядке обсудить создавшееся положение и дать действительное указание, не отговариваясь словами.

— Все, что я сказал, примите к сведению и в случае надобности к проведению в жизнь. Вопрос о вашей просьбе рассмотрен будет, о чем вам будет сообщено.

— Ожидаем ответа сегодня не позже двенадцати дня, иначе не ручаемся за линию, которая прекратит движение и получится сепаратное выступление, ответственность за которое ляжет всецело на Викжель. Скажите, сколько жертв в Москве, разгромлены ли магазины и частные дома?

— Бой длился день и ночь и орудийный и артиллерийский, и сегодня с 12 часов дня и до сих пор происходят пожары. В Кремле от артиллерийских снарядов пострадало два собора: Казанский и Успенский, дворец и библиотека. Теперь, товарищ, до свидания. У меня нет ни минуты свободного времени.

— Просим, товарищ, поскорее передать, чем закончилось совещание в Петрограде. Линия нас этим вопросом тревожит.

[1]) По документу. ИПТ.

— На совещании в Петрограде достигнуто соглашение, что социалистическое правительство будет образовано так, что в него войдет сорок процентов большевиков, сорок процентов эс-эров и 10 процентов интернационалистов, но окончательного решения по остальным вопросам еще не последовало и совещание продолжается. Во что совещание выльется, неизвестно.

***

Утром 2/XI получил в помещении Бюро письмо жены, принесла его мать, пробравшаяся с корзинкой провизии и сменой белья через все караулы и заставы. Вот это письмо.

«2/XI. ...Я состою домовой караульщицей в домовом нашем комитете и дежурю со своей компан[ией] *из 10 душ, меняющ. через каждые 2 часа, и сегодня моя очередь будет с 1 ночи до 3 ночи. Сегодня к нам ночью попал снаряд в колокол и всю «стражу» перепугал: мы уже вообразили, что туда забрались жулики и начали звонить, а оказалось один лишь удар колокольного звона и больше не раздавалось. У нас на собрании домовой организации постановили, что 3 женщ. равняются 1 мужчине, и в нашей смене—3 женщины и 7 мужчин, все ходим и разговариваем, а когда замерзнем, идем в церковь* [Николы на Долгоруковской] *греться. На домовом собрании было постановлено, что от жуликов будут только охранять живущие мужчины, и в этом доме. Но, когда увидели, что масса мужчин домой еще не возвратилось, взяли нас, женщин, и нам дали ключи от церкви, а муж. ружья.»*

Далее «из дневника».

«Но в 12 ч. пальба тяжелой артиллерии еще продолжается. Совещание продовольственников продолжается.

«В 12 ч. 50 м. стрельба еще продолжается. В Питере ночью арестован Гл. Дор. К-т Ник. Мешков. Готовится остановка движения на Николаевской ж. д.

«В 14 ч. по письму Мастрюкова послан для присутствования при сдаче Баранников и постановлено кооптировать (в Бюро) по 1 чл. всех Дорожных Комитетов Моск. узла. Также постановлено послать в Бердичев в Общеармейский К-т для информации и об'явления позиции Викжеля одного члена. Стрельба утихает. Со всех стороны вопросы к Викжелю об информации и о позиции. Через Кравца идут переговоры с центром большевиков, чтобы снял охрану на телеграфе Ник. в Петрограде. Телеграфная секция предписала всем телеграфистам ждать распоряжений Викжеля и работать.»

Перехожу к документам.

ТЕЛЕГРАММА № 95 ИЗ ПЕТРОГРАДА ВАРШ. Подана 2/XI в 19 ч. 30 м.

«По всей сети: центральн. профессиональн. организациям, телегр., участковым и местн. Комитетам. ЛН С.-Зап. Копия Викжель.

«Общее собрание служащих телеграфа ст. Петроград-Варш. С.-Западн., совместно с представителями Центральн. Ком., заслушав телеграмму Петроград-Никол. № 260 от 2/XI с. г., протестует против произведенных насилий со стороны красногвардейцев над телеграфистами ст. Петроград-Никол. и требует от Главн. Дорожн. К-та и Викжеля принятия решительных мер против насилия и немедленного удаления красногвардейцев из телеграфа. Резолюция принята единогласно. Председатель Захаров. За секретаря Нови.» [Из числа полученных мною от т. Рязанова].

* * *

[Разговор Харькова с Петербургом, без даты, повидимому, 2/XI. Текста ответов Петербурга нет].

— Я—член Викжеля Кривошеин. Попросите члена Викжеля. Ну, что же, члена пригласили Викжеля к аппарату?—Харьков.

— Мы—Кривошеин и Досев, сейчас прибыли в Харьков. Что произошло в наше отсутствие в Петрограде? Тов. Березин, нужно пред'явить категорическое требование, чтобы немедленно было соглашение; проезжая по дорогам, мы убедились, что не сегодня, то завтра дороги остановятся сами по себе. Проезжая в Москву, мы убедились, что в Москве жить невозможно. Москва вся в огне, идет обстрел из тяжелых орудий, прямой исход [вероятно, выход] нужно сделать так: подать поезда к Москве по всем дорогам и вывезти мирных жителей. Что вам известно из Ставки? Московский узел забит вагонами. На Московско-Курской дороге стоят поезда с продовольственными грузами по всем станциям, которые не могут быть отправлены в Москву, везде получаются пробки, дороги остановятся, пойдет неурядица между нашими товарищами, на дорогах восстановить будет труднее [1]). Подтвердите категорическое желание скорейшего исхода. Таково мнение всех, с кем нам пришлось говорить по дороге. Сегодня в 10 часов утра будет собрание всех Комитетов Харьковского узла, обо всем вам сообщим. Что из ставки? Какой слух, куда сбежал Керенский? [Из числа полученных от т. Рязанова].

* * *

ТЕЛЕГРАММА № 125 (подана 2/XI вечером). Военная.

«Москва, МКВор. ДС, ДН 1 уч. НД. Киев. НЗ, Н. Для проезда представителям Викжеля на Юго-Западный фронт на с'езд Армейских организаций Викжель просит предоставить вагон 2-го класса на 2-е ноября с п. № 9. Вагон предоставляется в распоряжение члена Викжеля Стефановского. Добытин.»

Далее и« дневника».

«22 ч. 30 м. Сижу на Брянском вокзале в вагоне, предоставленном мне по требованию Викжеля для проезда в Бердичев на Совещание армейских К-тов Ю.-З. фронта. Доехали с Добытиным от Южного Поста на паровозе. Перед этим полчаса медлили в виду стрельбы в пределах Южн. Поста: оказывается, ловили трех жуликов (и поймали), а стрельбы было, словно отражали нападение полка. И еще в 8 ч. пролетали через каждые 5 мин. тяжелые снаряды. Курьез. При посадке на паровоз деж. сигналист спрашивает: «это господин Викжел? Паровоз для них!»

---

[1]) Вероятно, что «восстановить будет труднее **порядок**». ИПТ.

«С Брянского [вокзала] *говорил по телефону с Шехановым: Лапьер из Ставки сообщил, что с продовольствием плохо, недовоз 80%* (т.-е. *для фронта). Также говорил Малицкий, все еще настроение у них растерянное, выехать не могут—не пускают, но уже не хотят передавать полномочий Бюро, говоря, что утренний разговор мы поняли неправильно, что это они имели* [в виду передать] *полномочия нам по Москве, чтобы мы добились перемирия и посылали своих членов в Штабы и т. п. Нет, крутят! Потом по аппарату говорил Гар шифром, несколько раз прерывали, но из министерства; настроение бодрое, но говорит* [т.-е. Гар], *что уехать нельзя и что опасаются, что их арестуют. Ну, тогда неизбежна забастовка. Вольский рассказывает, что в ЦК большевиков три течения: правое, левое и нейтральное. Правые стоят определенно на позиции Викжеля и против захвата власти и военных междуусобиц, а левые — на захвате власти большевиками, не останавливаясь перед крайними мерами (напр., Мостовен*[ко], *у нас* [т.-е. в Бюро] *в частной беседе сказал: «ну что же, разгромим тяжелой артиллерией Кремль и всю Москву»), а нейтральные—ни рыба, ни мясо, куда ветер дует. При ультиматуме Викжеля положение было неопределенное и они* [т.-е. нейтральные] *пошли на сторону правых, а после победы над Керенским они склонились на сторону левых и соглашательство было прервано.*

«3/XI 11 ч. 30 м. Принимаюсь за разборку материалов и составление доклада. А, ведь, ленту-то, которую Малицкий ск. уничтожить, я сохранил». (Это та лента, где они передавали все полномочия Московскому Бюро и заявляли опасения об аресте: я ее машинально положил в карман пальто и нашел в вагоне, но в Киеве или Бердичеве потерял).

Далее записка из Москвы Петрограду *3/XI в 11 ч. 35 мин.*

[Москва сообщает]: *«Вот у нас вчера в 9 ч. вечера заключен мир, подписаный Рудневым, Рябцевым и представителями от большевиков, так что теперь в Москве после бурных суток настала тишина; все вздохнули свободно, хотя победили большевики, которые все остаются на своих местах впредь до распоряжения Военно-Революционного Комитета. Белая гвардия сдает оружие. Это говорил дежурный Связи от Москвы... Побито... точно сказать не могу. Передавал Волуков из телеграфа Николаевского вокзала.»* [Из числа полученных от т. Рязанова].

***

Телеграмма из Москвы, поданная 3/XI в 9 час. и полученная мною в Бердичеве 5/XI в 12 ч. 55 мин.

«По всем жел.-дор. аппаратам, всем ДН, ЛЧ, ЛН, ЛЗ, адрес 111, всем Военно-Революцион. Комит., всем Армейск. Полков. Комитетам, исполнит. Ком. Почтово-Телеграфн. Союза.

«Гражданская война Москвы кончилась. 2 ноября подписано соглашение сторон. Переговоры велись посредством центральных партий, организаций, в том числе Викжеля. Вопрос конструкции власти соглашением не предусматривался, будет решен особым совещанием [в] *составе всех социалистических партий,* [а] *также революционной организации. В. Шеханов. Кравец. Черный.»*

***

ТЕЛЕГРАММА ИЗ СТАВКИ ВЕРХОГЛАВКА В ПЕТЕРБУРГ. [Число неизвестно, вероятно, 3—4 ноября].

«Петроград. Срочно. Викжель. Малицкому. Потребуйте от сторон известить всю страну [через] *радио о соглашении, при чем большевики должны своим авторитетом потребовать воздержаться,* [чтобы] *провинциальные большевистские организации не вмешиваться*[лись] *в распоряжения железнодорожных органов. В связи с приостановкой движения согласно нашей позиции подвоз провианта и фуража к армии понизился на 60% против суточной нормы, это грозит неисчислимыми бедствиями всей стране. Антоневич, Сенюшкин, Лапьер.»* [Из числа полученных от г. Рязанова].

***

[ЗАПИСКА ИЗ МОСКВЫ В БЕРДИЧЕВ ЧЕРЕЗ КИЕВ, получена] 5/XI, в 12 час.

«Бердичев, члену Викжеля Стефановскому, который [т.-е. Бердичев] *задержит до востребования. Передается следующее т. Стефановскому,* [в] *ответ на записку. Не желая продолжать братского кровопролития, войска Комитета Общественной Безопасности вчера капитулировали. Гражданская война* [в] *Москве окончена. Фактически власть в руках Советов. Нормальная жизнь в Москве понемногу восстанавливается. Викжель сегодня последний день находится в Петрограде. Сегодня же будет сформировано новое министерство, о чем сегодня идет заседание в Петрограде* [и] *Москве. Предложения Кремле. Успенский собор, Чудов собор, Никольские ворота, дальше Москве разрушен дом градоначальства, кадетские корпуса и затем несколько домов разрушено и сожжено на Арбате и на Никитской улице, несколько городская дума, гостиница Метрополь. Позиция Викжеля без изменения. Насчет Курской «вольницы»* [а не «больницы», как переврано в записке] *Викжелем пред'явлен ультиматум Военно-Революционному Комитету немедленно распустить все самочинные военно-революционные комитеты, созданные на железных дорогах. Поведение правительства большевиков чисто диктаторов, опираясь на штыки. Остальная информация будет передаваться по указанному адресу ежедневно, если будут какие-либо важные события. Афанасьев.»*

***

«ИЗ ДНЕВНИКА».

«5/XI. 15 ч. 25 м. В Бердичеве, в кофейне за холодным обедом и кофе. По порядку. В Киев приехал 4/XI в 17 ч., сейчас же в Управление ЮЗ, где пошел в Стачечный К-т Главного Дорожного К-та. Он вполне поддерживает позицию Викжеля. Рада взяла власть в свои руки и стоит, по их заявлению, на позиции Викжеля, почему согласно п. 7 резолюции Викжеля ЛН перевозит войска Рады, а прочих нет. Да, они 5/I созывают учредительный краевой с'езд ж.-дорожников, с автономией, но не выходя из В. Ж. С. Уехал с № 13 с опозданием, пустил полный вагон солдат. Утром имел со всеми дружеские разговоры, пропагандировал Викжель и ВЖС и очень доволен разумным их [солдат] *отношением ко всему: нет, армия и народ не спят, а думают и делают; если ошибаются,*

то не их вина. В Бердичев приехали в 12 ч., комиссара ЛН не оказалось, а комиссар телеграфа—Мазуренко. Оказывается, никакого армейского с'езда нет. Я пошел в И[сполнит.] *Комитет ж.-д. войск ЮЗ фр*[онта], *где информировал их. Оказывается, они созывали на 2/XI, потом на 5/XI свой с'езд и отложили, в виду событий, на 25/XI. Очень желают видеть на нем нашего представителя, просят весь материал по демобилизации, и вообще о всем важном информировать. Вполне одобряют позицию Викжеля и в восторге от нашей мощной организации. Своей точки не высказывали* [официально], *ибо это частное собрание их по редакции*[1]*); но, ясно, на стороне демократии, но против большевиков* (т.-е. персонально они). *Обещали прислать депешу с приглашением на их с'езд 25/XI в Киеве. Сейчас к 16 ч. иду* [в] *Исткомитюз* [Исполн. К-т Ю.-З. фронта], *а вечером делаю доклад на собрании ж.-дорожников Бердичевского узла. Да, тов. Мазуренко ск., что здесь готов поезд с броневиками; якобы их собираются отправить на Дон. И в Киеве Бирон* [начальник пассажирской станции] *говорил* [мне], *что масса офицеров едет на Дон. И еще: Мазуренко установил полный контроль всех депеш штаба и всех техефонных разговоров. Искомитюз находит необходим*[ой] *связь с Викжелем непосредств*[енно], *а не через Киев, и наши*[ми] *предст*[авителями] *в Ставке, ибо Киев слишком украинистичен. Усиленно необходим подвоз теплой одежды на фронт: люди в окопах в одном нижнем белье. На фронте чрезвычайно интересуются Учр. Собр. Они* [т.-е. искомитюзцы] *собирают очередной с'езд 30/XI и им желательно присутствие наших представителей. Я указал им на желательность включить в программу с'езда вопросы о перевозке отпускников и демобилизацию. Ушел, в 20 ч., пью чай в вагоне, в 21 ч. мой доклад на собрании будет. Впечатление, что Искомитюз—демократичен, молодежь, но против большевиков, хотя в крайнем случае, скрепя сердце, пойдут даже на Воен. Мин. и Иностр. Дел Троцкого и Ленина. Желают работать в контакте с Викжелем, признают его мощь, но спраши*[вают]: *будет ли Викжель держаться нейтралитета при дальнейшем захвате власти большев. и нежелании их итти на соглашательство? Мое мнение—надо, чтобы Викжель или Бюро ежедневно* [выпускали] *бюллетени и по телеграфу по всей сети. Да, Искомитюз, конечно, против отправки на Дон броневиков и не допустит этого. Спрашивал наше отношение к калединству, я ск.,—определенно отрицат.»*

***

Сообщение по аппарату из Ставки в Киев ЛН ЮЗападных. *(Получено мною в Киеве 6/XI от ЛН ЮЗ).*

«Говорят из Ставки товарищи Отченаш[2]*) и Волковский* [делегаты ЮЗ ж. д.].

«Мы прибыли в ставку и застали там двух Викжельцев—Лапьера и Антоневича, которые совместно с общеармейским Комитетом все время заняты переговорами с Петроградом, Москвою, Харьковом о событиях последних дней по вопросу о создании власти в стране. Дело в том, что Викжель взял на себя трудную, непосильную задачу об'единить всю де-

[1]) Очевидно по их редак., т.-е. по их выражению. ИПТ.

[2]) Фамилия товарища. ИПТ.

мократию, начиная от народных социалистов до с.-д. большевиков включительно на одной общей платформе спасения революции путем прекращения гражданской войны и создания однородного социалистического правительства на основе мира, отдачи всей земли земельным комитетам, контроля над производством промышленности, скорейшего созыва Учредительного Собрания. Эта задача реально пока выразилась рядом Совещаний в Петрограде со всеми партиями от н.-с. до большевиков включительно, под председательством Малицкого. Совещания происходят по сей день ежедневно, но ничего, кроме еще большего разногласия, не дали. 4 ноября меньшевики-об'единенцы и правые эс-эры вели тактику наступления и не пожелали войти в переговоры с большевиками, требуя от них отмены ряда их постановлений относительно свободы печати и личности граждан, почему было положение, когда соглашение висело на волоске. Тогда же большевики в Центральном Комитете партии вынесли резолюцию ареста Викжеля.»

***

«ИЗ ДНЕВНИКА».

«7/XI в 12 час. 15 мин. В поезде около Бахмача. В Бердичеве делал большой доклад на общем собрании служащих. Везде в частных разговорах с железнодорожниками Викжель встречает одобрение. Выехал из Бердичева в ночь с 5 на 6, приехал в Киев днем 6, был ЛН, нового ничего, кроме сообщения, полученного из Ставки (имеется в бумагах). [Вышеприведенные сообщения т.т.: Отченаш и Волковского]. *В ночь с 6 на 7 с № 10 отправил*[ся] *в Москву. Со мной член ЛН едет на продовольственный с'езд в Москву.*

«Суббота, 25/XI 1917 г. [Выдержки]. *Оказалось, что сегодня «Русское Слово» написало правду о Викжеле: в 13 час. Антоневич говорил по телефону с Лапьером и тот сказал, что все это правда, что весь Викжель еще вчера в 21 ч. отправился в Смольный, дабы поставить вопрос ребром, и до сих пор о них ни слуху, так что возможно, что их арестовали. У них в Питере все уже подготовлено на случай ареста Викжеля, для замены его. Между прочим, Лапьер сказал, что Викжель решил перенести С'езд с 10/I на 15/XII. Обещал часов в 17 сегодня позвонить в Бюро и сказать новости.»*

УКРАИНА В НАЧАЛЕ
1918 года
и
СОЮЗ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ.

(По некоторым документам).

Б. Н. ДАШКЕВИЧ.

ОТ АВТОРА.

За недостаточным количеством времени я лишен возможности в настоящем очерке дать полную картину украинской действительности 1918 г. и роли железнодорожников в революционной борьбе за идею Советской власти, поэтому я выбираю наиболее характерные моменты и документы, имея в виду, главным образом, с возможной об'ективностью дать характеристику настроения железнодорожного пролетариата Украины, приведшего в середине июля ко всеобщей железнодорожной стачке.

***

1918 г. начался на Украине революционным взрывом рабочих масс против демократических прелестей «Украинской Народной Республики», возглавляемой шовинистической «Центральной Радой».

В Киеве, в тогдашней столице Украины, 11 суток трещали пулеметы и гремели орудия различных калибров. Наиболее упорно держались восставшие рабочие Киевского арсенала и Главных Мастерских Юго-Западных ж. дор.

На третий день боя на улицах города было вывешено об'явление за подписью «Голови Ради Народних Міністрів» (Председателя Совета Народных Министров) *В. Голубовича,* в котором он успокаивал население и сообщал, что «19 января головные черносотенно-большевистские части захвачены войсками Украинской Народной Республики», что почта, телеграф, банки и 2 вокзала находятся в руках «Украинского войска». В этом историческом документе, между прочим, говорилось буквально следующее в переводе с украинского на русский язык:

«Петроградские большевики ни перед чем не останавливались, чтобы захватить власть на Украине в свои руки. Город Киев и вся Украина переполнены посланными Петроградским правительством большевистскими агитаторами и красногвардейцами, купленными за большие деньги.

К этим большевистским наемникам сразу же присоединились черносотенно-монархические организации города Киева и больше всего уголовные элементы — злодеи [1]), разбойники, грабители, погромщики, которые выступают теперь в рядах большевистских мятежников».

Далее это воззвание предлагает «не верить грязным черносотенно-большевистским поклепам на Украинские министерства и революционный орган Украинской демократии, Центральную Раду», и немедленно прекратить развернувшуюся всеобщую стачку.

После этого самоуверенного воззвания, через неделю после его опубликования, Киев перешел в руки рабочих, и Центральная Рада со всеми

---

[1]) Злодий—по украински: вор. ИПТ.

министрами спешно бежала в Житомир, откуда началось новое наступление на Советскую Украину уже силами германских и австрийских штыков.

В Житомире Центральной Радой был принят закон о гражданстве У, Н. Р. (Украинской Народной Республики), который открыто высмеивался всей Украинской прессой, издающейся на русском языке, не подкупленной Украинским Правительством. Об этом законе я писал в «Вестнике Юго-Западных железных дорог»:

«...закон о подданстве представляет из себя один из тех историрических шедевров, которые в изобилии сыплются от неопытных политических деятелей Центральной Рады. Предпосылка этого закона ясна. «Государство не может быть без граждан». Раз так, то немедленно надо приступить к фабрикованию «граждан», и то не просто граждан, а граждан «Украинской Народной Республики». До сих пор было априорной истиной, что общество, граждане создают государство, но, очевидно, эта истина признана контр-революционной и вместо нее явилась новая истина, по которой государственная власть, уже готовая, в продолжение трех месяцев должна создать верноподданных граждан. Закон далее предписывает лицам, усвоившим эту вторую истину после трех месяцев размышлений, принести присягу, и то не какую-нибудь, а «торжественную» на верность «Украинской Народной Республике.

Для того, чтобы проникнуть на лоно Украинской Республики тем, которые не имели удовольствия прожить последних 3 года на территории Украины, нужно подать особое ходатайство и доказать документами, что они связаны с Украиной, иначе им не место в этом молодом и своеобразном государстве. Эти «оглашенные», если так можно выразиться, имеют право размышлять целых три года, после чего они могут стать полноправными гражданами, соблюдая вышеизложенные формальности.

Только те, которые пройдут через этот фильтр, имеют право служить во всех государственных и общественных учреждениях, а остальным любезно предоставляется право выехать за «кордон» Республики, или ютиться по частным предприятиям.

Все перечисленные прелести, которым место где-нибудь на Марсе, имеют место в «культурной Европе», где изучают все тонкости «государственного и международного права».

Я полагаю, что одним из оснований для курьезного закона послужили причины, которые вполне станут ясными, если мы приведем без всяких комментариев выдержку из «Рабочей Жизни» № 20 от 20 марта 1918 г.

«В Статистическом Отделе Городской Управы заканчиваются работы по определению национального сотава населения гор. Киева на основании данных переписи 1917 г.

Таблицы указывают, что часть нерусского населения считает своим родным языком русский» [1]).

Хотя приведенная мною статья была помещена самым легальным образом, но вслед за ней я получил ряд оскорбительных анонимных писем, с угрозами и предупреждением, что со мной намерены жестоко расправиться, как с врагом украинского национального движения, подкупленного «большевистскими комиссарами».

---

[1]) „Вестник Юго-Зап. ж. д. №9—10 1918 г. Март. См. статью „Житомирский акт".

Вторичное возвращение Центральной Рады в Киев было ознаменовано еще большей ненавистью к украинскому рабочему классу, который не поддавался насильственной украинизации и тяготел, несомненно, к системе советской власти.

Железнодорожный пролетариат особенно недружелюбно относился к этой мелко-буржуазной и шовинистической власти.

Главный Комитет Юго-Западных железных дорог, находясь в Украинской столице, зачастую играл роль Всеукраинского Центра. При отступлении Советских войск часть Главного Комитета покинула с ними Украину, что заставило Центральную Раду еще больше насторожиться по отношению к железнодорожникам.

Оставшаяся часть членов Главного Комитета Юго-Западных железных дорог, состоящая частично из социал-демократов-интернационалистов и всевозможных других еще более правых политических группировок, немедленно образовала «временный Главный Комитет Юго-Западных железных дорог», который, как это и ни кажется странным, не только не покорился существующей политической власти, но открыто заявил, что он является идейным преемником старого Комитета. Таким образом, измененный в персональном составе главный железнодорожный Комитет сумел спаять сразу же вокруг себя всю железнодорожную массу, настроенную в достаточной мере оппозиционно.

Чтобы не быть голословным, я приведу меморандум главного дорожного Комитета, написанный на русском языке, направленный Министру Путей Сообщения Ц. Н. Р. 7-го марта, т.-е. спустя неделю после воцарения Центральной Рады:

> *«В виду переживамого момента, исторического в судьбах демократии на Украине, а также в связи с Вашими последними распоряжениями, Временный Главный Комитет Союза служащих, мастеровых и рабочих Юго-Западных железных дорог постановил обратиться к Вам со следующим заявлением и вопросами:*
>
> *Распоряжение службами: Культурно-Просветительной, Призрения, Врачебно-санитарной, Пенсионно-страховой, Продовольственной и Жилищной желаем оставить в заведывании союза, с условим передачи союзу всех кредитов и ассигнований, к этим службам относящихся.*
>
> *Кроме того, мы считаем необходимым правом, правом трудящихся, принимать участие вместе с органами власти в разработке норм оплаты нашего труда. В настоящее время мы, к сожалению, должны указать на некоторые факты, порождающие сомнения относительно подлинного отношения власти к союзу.*
>
> *1) С момента возвращения Украинской власти в Киев ни одно Ваше распоряжение не было адресовано органам союза.*
>
> *2) Ваше распоряжение о том, что все железнодорожники должны приступить к исполнению своих прямых обязанностей не позже 8/III, направлено в сущности против союза, поскольку этим распоряжением аннулируется признанный Генеральным Секретарем Путей Сообщения Ещенко приказ бывш. Министра Путей Сообщения Российской Республики Некрасова, в силу которого члены союза, занятые в его органах, освобождаются от несения служебных обязанностей. Указанное распоряжение дало право железнодорожной администрации требовать возвращения на службу даже таких ответственных деятелей, как Председатель Киевского Районного Комитета.*

3) Вслед за Вашим распоряжением, без ведома Главного Комитета, некоторые районные и участковые Комитеты распущены.

4) Вами предписано устранить от службы всех бывш. комиссаров без всякого расследования и суда над ними.

Такие факты категорически требуют от нас выяснения Вашей позиции по отношению к железнодорожному союзу: или железнодорожный союз Вами распускается или распоряжение бывшего Генерального Секретаря Путей Сообщения Ещенко о признании обязательными для администрации Устава и Положений, разработанных на Московском Учредительном С'езде, остаются в силе.

Мы, Временный Главный Комитет союза служащих, мастеровых и рабочих Юго-Западных ж. д., постановили обратиться к Вам с настоящим заявлением и вопросами, чтобы ответы на них довести до сведения всех железнодорожников и определить характер нашей последующей деятельности».

Как видно из приведенного меморандума, тон главного Комитета носит в достаточной мере вызывающий характер. В ответ на приведеный запрос украинские власти назначили особого коменданта по политической части при Управлении дорог, бывшего офицера, некоего *Свергуна,* которому впоследствии пришлось сыграть не малую роль в жизни юго-западников. *Свергун* начал с того, что официальным распоряжением предложил всем украинским «гурткам» и «куреням» (так назывались низовые ячейки на предприятиях, слепо шедших на поводу Центральной Рады, прикрываясь якобы культурно-просветительной деятельностью на украинском языке) доносить о всех неблагонадежных элементах, враждебно относящихся к тогдашнему правительству.

Рабочий Комитет Киевских Главных мастерских немедленно вынес по этому поводу следующее постановление: *«Признать, что в так-называемой «Свободной Украинской Республике» не должно быть места отделению Жандармского Управления и составлению списков неблагонадежных рабочих. Комитет находит позорным подобное предложение и протестует против подобного рода распоряжений и депеш».*

В начале апреля Главный Комитет Юго-Западных железных дорог направил Министру второй меморандум, красноречиво характеризующий обстановку, в которой находились железнодорожники тогдашнего времени. Поэтому я привожу его полностью:

«7-го марта текущего года Временным Главным Комитетом Союза служащих, мастеровых и рабочих Юго-Западных ж. д. г. Министру Путей Сообщения Украинской Народной Республики подан запрос, в котором заключается просьба выяснить отношения министерства к существующему железнодорожному Союзу. После этого запроса делегация Главного Комитета имела беседу с министром, во время которой делегация пыталась выяснить отношение министра к союзу и время получения ответа на врученный меморандум. Ответы министра путей сообщения носили неопределенный характер, письменного же ответа на заданные вопросы до настоящего времени не получено. Между тем, в дальнейших распоряжениях Министра Путей Сообщения последовало усиленное давление на союз, и в связи с распоряжениями агентов Министра можно определенно указать на целый ряд репрессивных мер по отношению отдельных членов союза и его ответственных органов.

На Юго-Западных ж. д. в настоящее время существуют две независимые друг от друга власти: первая—ВЛАСТЬ МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЛИЦ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ОТ НЕГО ЗАВИСЯЩИХ И ЕМУ ПОДЧИНЕННЫХ, И ВТОРАЯ — АНОНИМНАЯ ВЛАСТЬ, ДЕЙСТВУЮЩАЯ НЕЗАВИСИМО ОТ МИНИСТРА—ВЛАСТЬ ТАК НАЗЫВАЕМОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ УКРАИНЫ [1]). Главный Комитет может засвидетельствовать, что первая власть находится в зависимости от второй. 19-го марта в исполнение обязанностей коменданта по политической части Управления дорог вступил г. Свергун, как видно из депеши от 19-го марта № 1279, назначеный «Революционным Комитетом железных дорог Украины». Назначение г. Свергуна произошло без ведома административных лиц Управления и действующих организаций союза. Полномочия, данные г. Свергуну, не были об'явлены во всеобщее сведение, хотя г. Свергун в вышеуказанной программе и ссылается на мандат Министра Путей Сообщения за № 13. Главному Комитету г. Свергун известен лишь потому, что он 4 марта произвел самочинный обыск в помещении Комитета, опираясь на вооруженную силу. Целый ряд распоряжений г. Свергуна заключает в себе признаки нарушения основных законов Республики, об'явленных третьим и четвертым Универсалами. Г. Свергуном были уволены со службы без суда и следствия, единолично, быв. члены Главного Исполнительного Комитета Браун, Далматов, Багинский и Крат. Увольнение мотивировано, как наказание за активную борьбу против Украинской власти. Временный Главный Комитет считает своим долгом заявить протест против воскрешения административных наказаний. В дальнейшем, в телеграмме 21 марта № 16669 г. Свергун, повидимому, желая оправдать свои незакономерные действия, обвиняет вышеуказанных четырех лиц в растрате денег, предназначеных для железнодорожников. Главный Комитет категорически заявляет, что данных для таковото обвинения как у Ревизионной комиссии союза, так и у администрации дороги не имеется и указание на акт растраты, по мнению Главного Комитета сделано без достаточных на то оснований и лежит всецело на совести г. Свергуна. Одновременно с вышеуказанными лицами уволены со службы на дорогах: Главный кассир дороги Чукаев и агенты Коммерческой службы—Снегирев, Семенов, Ганжа, Делен и Мазуркевич,—все вышеуказанные лица увольняются за зловредную агитацию против Украинской власти. Временный Главный Комитет считает необходимым заявить, что, по имеющимся у него сведениям, все эти увольнения основаны на крайне недобросовестном сведении личных счетов. Фактов, подтверждающих их ЗЛОВРЕДНУЮ АГИТАЦИЮ ПРОТИВ УКРАИНСКОЙ ВЛАСТИ, у Главного Комитета не имеется. Той же телеграммой ЗА ВРЕДНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ уволен старший вагонораспределитель Шпилевой. В чем выразилась вредная деятельность Шпилевого—Главному Комитету выяснить не удалось, но достаточно известно, что Шпилевой считается знатоком своей службы и два месяца тому назад повышен в должности администрацией и назначен ревизором движения. Имеются сведения, что несколько времени тому назад Шпилевой имел столкновение с одним из членов «Революционного Комитета» на служебной почве, и тогда ему была сделана угроза, что с ним посчита-

[1]) Точное его название: «Революціонный Комітет українских зализниць».

ются. Повидимому, такой расчет произведен сейчас. Главный Комитет протестует против всех увольнений, произведенных без суда и следствия и без участия органов союза. Независимо от вышеуказанных распоряжений г. Свергуна, имеется целый ряд телеграмм, которые носят недопустимый характер; так, например, телеграммой от 20 марта № 1599 г. Свергун предписывает Украинским куреням и гурткам организованно следить за исполнением его, Свергуна, распоряжений и доставить ему списки лиц, не сочувствующих Украинскому движению. Главный Комитет находит необходимым заявить решительный протест против воскрешения традиций охранных отделений на железных дорогах и против разжигания низменных страстей в среде членов союза. В телеграмме от 19 марта № 1281 г. Свергун угрожает административной высылкой за границу лицам, критически относящимся к украинской власти и украинскому движению, и судьбу указанных лиц решает единолично. Временный Главный Комитет, рассматривая действия г. Свергуна, как нарушение третьего и четвертого Универсалов Центральной Рады, признает за этими действиями незакономерный [1]) характер, направленный против отдельных членов союза. Возбуждая единовременно с сим преследования против г. Свергуна в Генеральном Суде украинской народной республики, Главный Комитет постановил обратиться к Министру Путей Сообщения, в дополнение меморандума от 7 марта за № 473, со следующими вопросами:

1) Известно ли г. Министру Путей Сообщения, что назначенный с его согласия комендант по политической части Управления Юго-Западных железных дорог допускает в своих действиях нарушение гражданских свобод, об'явленных Универсалами Центральной Рады, игнорирует права отдельных граждан, и, если известно, что намерен предпринять г. министр для ограждения от произвола г. Свергуна членов железнодорожного Союза?

2) Последует ли ответ на меморандум Временного Главного Комитета от 7 марта за № 473?

Что же касается последней телеграммы за № 2171, Главный Комитет, после детального ознакомления с ее содержанием, заявляет, что Комитет служащих, мастеровых и рабочих Юго-Западных железных дорог является не публично-правовым, а профессиональным, что видно из постановления распорядительной коллегии от 2 марта сего года. Указания в названной выше телеграмме на невозможность освобождения от несения служебных обязанностей для работы в органах союза Главный Комитет считает покушением против существования самого союза, который не может жить и развиваться, если члены органов союза будут отозваны на места и не будут освобождены от несения служебных обязанностей».

Главный Комитет, назначив на 20 апреля дорожный с'езд, бросил на линию своих членов для соответствующей агитации. Агитация имела блестящий успех. На выборах списки украинских «гуртков» и «куреней» повсеместно проваливались. Тогда министр путей сообщения Ц. Н. Р. Сокович запретил созыв с'езда.

---

[1]) Очевидно, незаконный. ИПТ.

Мотивы запрещения приводились в официальном приказе следующие:

1) Действующие на железных дорогах Украины Комитеты руководились уставом Всероссийского железнодорожного Союза.

2) Устав этот имеет целью главным образом государственно-правовые задания, что недопустимо при существующем государственном устройстве Украинской Народной Республики.

3) Для разрешения и законного удовлетворения исключительно профессиональных дел и нужд железнодорожников Украины будет основан Всеукраинский железнодорожный профессиональный Союз служащих и рабочих, статут которого должен быть выработан Всеукраинским С'ездом железнодорожников, который будет созван... и т. д.

Общая обстановка и министерское запрещение с'езда встретили небывалый отпор со стороны железнодорожников.

Главный Комитет в своем новом меморандуме правительству писал между прочим следующее:

«В данном случае железнодорожникам Юго-Западных дор., уже организовавшимся в союз, попечением министра навязывается новая организация, а именно «Всеукраинский Союз». Мы, как члены одной общей железнодорожной семьи, конечно, не можем возражать против возникновения такого союза, но считаем, что инициатива создания его должна исходить от самих железнодорожников, но никак не от административной власти, ибо входить в союзы и организовывать новые союзы есть наше право, а не обязанность.

На основании изложенных соображений, Временный Главный Комитет считает, что ни юридических, ни логических, ни всяких других оснований, кроме совершено непонятного отрицательного отношения к союзу, у Министра Путей Сообщения для запрещения Делегатского С'езда не было, и потому, назначая вторично созыв такового на 20 апреля [1]), категорически настаивает на том, чтобы никаких препятствий к свободной и спокойной работе его не чинилось».

В «Вестнике Юго-Западных ж. д.» появилась моя статья под названием *«Не рой другому ямы»*, написанная в самом дерзком тоне и каким-то образом уцелевшая, несмотря на начавшийся повсеместно политический контроль. Считаю не лишним привести из нее некоторые выдержки, ибо она характерна для того времени:

«Как ни показательна печальная история г. Свергуна для власть имущих, все же по его стопам идут еще многие легкомысленные головорезы.

Народній міністр шляхів України Соковіч в своей телеграмме еще от 4 марта с. г. за № 60 издал приказ, в котором предписывает заменить все надписи на станциях и остановках с русского на украинский язык. Правда, это с точки зрения принципиальной и незначительный факт, на который, может-быть, и нечего было обращать внимания, но в смысле практического проведения этого министерского предписания в жизнь это нелепейший и почти невыполнимый циркуляр. Сейчас, правда, уже стало ясным, что г. Сокович, подобно Свергуну, СПЕРВА ПИШЕТ ЦИРКУЛЯРЫ, А ПОТОМ УЖЕ ОБДУМЫВАЕТ ИХ, но в тот

---

[1]) Очевидно, следует понимать, что Вр. Глав. Дор. Комитет и т. д. ИПТ.

момент, когда это было написано, для многих это его свойство было неизвестным. Оказывается, что если бы администраторы ревностно взялись тогда же за эту реформу, то на нее не хватило бы средств во всем державном банке.

Это была первая ласточка, выпущенная г. Соковичем, потом пошли вторая, третья. Рассмотрим, например, телеграмму, представляющую наибольший интерес для членов нашего союза о запрещении железнодорожного с'езда. Надо быть ребенком, чтобы не понять, насколько опасно и прямо-таки невыполнимо такое распоряжение. Оставляя в стороне детальность самой мотивировки запрещения с'езда, заметим, что министр допустил, сознательно или бессознательно, существенную неточность в ее конце, где он говорит, что в согласии с министром труда он запрещает с'езд. Проинтервьюированный по этому поводу министр труда заявил, что ему совершенно неизвестна телеграмма г. Соковича.

Последняя неточность или, вернее, противоречие заключается в последней и первой фразе. Начинается телеграмма с утверждения факта, что Украинская Народная Республика заложена на социально-демократическом фундаменте и заканчивается: «с'езд запрещаю». В первой фразе, очевидно, заключается признание 3-го и 4-го универсалов, а в последней заключается беспардонная фраза старого бюрократа.

Насколько выполнимо предписание министра ШЛЯХИВ, видно из того, что в Одессе сейчас же по получении этой депеши произошло заседание Ц. Б. профессиональных союзов, на котором было решено реагировать на нее всеобщей забастовкой, если, конечно, это запрещение не будет снято. 200.000 одесского пролетариата, даже не железнодорожников, почти мгновенно откликнулись на это посягательство со стороны администрации. Спрашивается: что же скажут железнодорожники? Но о железнодорожниках меньше всего думает железнодорожный министр.

Железнодорожный союз в целом взят г. Соковичем под подозрение; несмотря на два последних запроса Главного Комитета об отношении к союзу, ответ на них последовал всего только на-днях и то в довольно своеобразной форме. Когда председатель Комитета настойчиво добивался аудиенции у министра, это ему долго не удавалось, потому что министр всегда был очень «занят»; когда же ему, наконец, удалось увидеть г. Соковича, то он недвусмысленно заявил, что для него двери министерского кабинета закрыты. Глава стотысячного железнодорожного пролетариата, наконец, получил определенный короткий ответ министра на его отношение к союзу, чтобы его передать своим товарищам.

Итак, даже не с точки зрения похода на общественные организации, не с точки зрения злой насмешки над завоеваниями революции, а просто со стороны здравого смысла и невыполнимости своих бесчисленных циркуляров привлекают внимание на себя гг. Євергуны и Соковичи» [1]).

Как бы то ни было, но с'езд явочным порядком собирался. Тогда Украинские власти решили пойти иным путем. Они решили созвать другой с'езд по национальному признаку. Все «гуртки», «куренки», «фаанки» и пр. украин-

---

[1]) „Вестник Юго-Западных ж. д". №№ 11—13, апрель 1918 г.

ско-шовинистические организации, расплодившиеся, как грибы, по всем дорогам по распоряжению Министра Путей Сообщения, должны были прислать своих представителей в Киев на свой особый с'езд, назначенный в тот же день, на который созывался с'езд Юго-Западных ж. д. С некоторых мест поехали не представители, а вся организация целиком (членов насчитывалось, положим, иногда всего 2—3 человека).

18 апреля открылся предварительный «Совет» нескольких национальных обще-дорожных организаций, который вынес следующее любопытное постановление:

«Совет дорог Украины из представителей Юго-Западной, Южных, Северо-Донецкой, Гришино-Ровенской, Екатерининской и Подольской жел. дор., заслушав в заседании от 18 апреля с. г. доклады с мест, вынес следующее постановление, которое предлагаем для немедленного исполнения всем перечисленным организациям:

Считаясь с тем, что на большинстве дорог Украины Советы и Комитеты исчезли вместе с Советской властью, или потеряли только отдельных членов, дело организации демократии Украины, без разделения на украинскую и неукраинскую, должно временно до образования постоянной организации перейти к средней [1]): в центре—в Главные Украинские Рады, а на местах — в украинские громады, гуртки и курени.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. В состав Главного Украинского Совета до перевыбора С'ездом, имеют право войти представители украинских фракций, оставшихся от Главных Советов и Комитетов. При желании, согласно представительству в Центральной Раде, предоставляется 30% представительствам меньшинств.

2. На обязанности Главных Украинских Советов лежит немедленный созыв делегатских с'ездов отдельных дорог.

3. На обязанности громад, гуртков и куреней лежит подготовка к выборам ко всеобщему железнодорожному с'езду. Голова Совета дорог Украины ДЕРЕВЯНКО. Секретарь ЯРОШЕНКО».

К этому постановлению редакция «Вестника Юго-Западных железных дорог» поместила следующее примечание:

«Одним словом—долой всеобщее, прямое и равное голосование, долой волю всего железнодорожного пролетариата, да здравствует искусственно созданные 70% железнодорожников-украинцев, да здравствует среди этих 70% равенство, свобода и братство, а остальные 30% — это ворогі украінской власти».

Так рассуждает созванный правительством национальный железнодорожный Совет в то время, когда г. Сокович издал свое знаменитое распоряжение о запрещении 4-го делегатского с'езда.

21 апреля 1918 г. в фармакологической аудитории Киевского университета все же состоялось открытие делегатского с'езда Юго-Западных железных дорог. На открытии с'езда присутствуют представители различных газет.

Интерес к с'езду со стороны рабочих масс всей правобережной Украины настолько велик, что приветствия поступают со всех сторон Украины.

Параллельно, в другом помещении открывается национальный с'езд Украинских железных дорог, который избирает своим почетным председателем министра путей сообщения г. Соковича.

[1]) ? . . ИПТ.

Создается чрезвычайно любопытный момент. Неудивительно поэтому, что общественное мнение напряженно следит за результатами этих двух с'ездов.

На делегатском с'езде Юго-Западных железных дорог в числе приветствующих с'езд выступает председатель Совета Рабочих Депутатов города Одессы, ослепший на каторге старый революционер, тов. *Кулябко-Корецкий*. Его подводят к кафедре и он обращается к аудитории бодрым и сильным голосом:

«Я горд заявить вам, что Совет Рабочих Депутатов в Одессе существует. Одесский пролетариат, от которого я вас приветствую, своих позиций не сдал, сгруппировавшись в Заводских Комитетах. Иностранные власти потребовали разоружения, но пролетариат единодушно в этом отказал. Наш красный флаг развевался на Воронцовском дворце; власти потребовали его снять. Но достаточно было заворчать одесскому пролетариату, чтобы флаг появился снова. Когда случилось непонятное исчезновение флага, то по требованию одесского пролетариата иностранное командование вынуждено было выдать необходимую сумму на восстановление утраченного флага.

Скептики—холодные философы, скажут: «Что такое красный флаг? Кусок материи?» Отвечу: «Под этим флагом с 1848 года давалась пролетариатом не одна борьба за права человечества. Этот флаг развевается у нас гордо и сейчас перед самым лицом завоевателя!»

Когда одесский пролетариат узнал, что делегатский железнодорожный с'езд в Киеве может не состояться, он заявил, что примет все меры, чтобы с'езд был и мог спокойно заниматься. Одесский пролетариат протягивает вам руку, друзья мои, способную не только пожимать, но, когда нужно, и держать оружие» (оратора провожает дружный взрыв аплодисментов).

Тот же тов. *Кулябко-Корецкий* на этом с'езде произносит историческую речь, стенограмма которой была отпечатана в бюллетенях с'езда.

Считаю необходимым ее воспроизвести:

«Товарищи! Я буду говорить о текущем моменте, но я должен предупредить, что с моей точки зрения этот момент таков, что без боли в сердце и без слез о нем говорить нельзя; и, однако, мне придется коснуться не только трагедии, но и комедии. Еще недавно, всего недели две тому назад, самое существование делегатского с'езда было взято под сомнение: телеграмма Министра Путей Сообщения гласила: «Забронаю», это не значит, что с'езд забронирован, это значит — «запрещен». Я уже говорил вам о том, что по этому поводу пролетариат Одессы позволил себе некоторый грозный почин.

Под влиянием целого ряда речей, заключение министра было изменено, с'езд состоялся, а министр перестал быть министром. По пути тут маленькое обстоятельство, которое французы назвали бы «embarras de richesse», а по-русски бы сказали: «два гриба в борщ». Запрещали один с'езд, а их оказалось целых два. В чем причина? Здесь внушительные цифры. Вы знаете, что десятки тысяч избирателей пришли в движение, чтобы дать вам свои полномочия, но в это время открылся другой с'езд. За работой этого с'езда я слежу только по газетам и знаю о нем немного. Но мне известно, что перед началом с'езда, с'езд отслужил молебен. Очень искренно говорю, что я отношусь с глубоким уважением

к этому, но это специфическая особенность, которую другие демократические с'езды не знали. Читали они декларацию прав, но о молебне слышно не было. Тем не менее, «вольному—воля, спасенному—рай». Затем там появилось знамя и с пролетарским вниманием вы присматриваетесь: может быть это знамя, которое об'единит весь пролетариат, Красное Знамя? Но этот вопрос я оставлю без ответа. Затем, третья подробность заключалась в том, что в газете говорилось, что тот с'езд избрал своим почетным председателем быв. министра Соковича, и, конечно, не для того, чтобы руководить заседанием. Когда выбирают почетного председателя, дело обстоит иначе. Тогда предполагается, что он служит сам данному заседанию. И вот этот бывший министр, который запретил наш с'езд, оказался почетным председателем там.

Так шли события, пока вчера не явились сюда делегаты от с'езда и с этой трибуны, после привета, прочли нам нотацию, а потом и постановление того с'езда. Теперь, когда перед нами стал вопрос о слиянии в той или иной форме, это так легко и удобно, как сливаются огонь и вода.

Я вплотную подхожу к политике правительства. Когда мы послали делегатов пригласить сюда двух министров, они отказались притти; Министр Путей Сообщения спросил наших делегатов: «А от какого вы с'езда, если от делегатского, то мне некогда». Это не просто отказ. Это был очень ясный намек: «для одного с'езда у меня есть время, а для другого с'езда времени нет». Что же это за пристрастная национальная политика, чем она грозит? Вы очень хорошо понимаете, что целый пункт Универсала является лозунгом о самостоятельности Украины, и чем громче раздается этот лозунг, тем больше появляется в нашей стране германских и австрийских касок. Вот тебе и самостийность. Независимость, самостоятельность, это ведь то, что можно пожелать всякому народу; но когда самостоятельность народа провозглашается при помощи иностранных штыков, тогда это наводит вас на некоторые размышления, и вы спрашиваете, почему эти иноземцы хлопочут о нашей самостоятельности, и вы получите ответ — «потому, что им обещано 60 миллионов пудов хлеба». Услуга за услугу: вы отошлите хлеб, а они пришлют машины, метал. изделия. Машины так нужны нам; когда я стал приглядываться, — они привезли машины, — машины на колесах и к этим машинам 8-дюймовые снаряды (аплодисменты).

И вот, друзья, мы перед лицом этих внушительных машин. Наш раскол, наше внутреннее недоразумение являются прямо трагическими: Если история с синими жупанами, с этой украинской группировкой является комичной, то нужно вспомнить, что человек, напялив жупан во имя самостийности, забыл, что по этому плечу скоро будет гулять немецкая палка. А так как, друзья мои, с этой трибуны, на которой я стою, нельзя бросать слова на ветер, то я спрашиваю вас, какое же нам нужно еще большее доказательство, как не вчерашний приказ генерала Эйхгорна? Мы разговаривали с этими людьми, мне 2 раза пришлось беседовать с представителями немцев. «Мы пришли, — говорят они,—по вашему приглашению, по вашему приглашению уйдем!»

А приказ говорит:

«Я, генерал Эйхгорн, приказываю по всем уголовным делам (помните: по всем уголовным делам!) в Киеве предавать виновных немец-

кому военно-полевому суду. Я, если понадобится смести, закрыть газету — закрою».

Кто же это, союзники или завоеватели? Когда завоеватель стоит здесь и диктует, опираясь на пушки, свои приказы, мы будем спорить, какие жупаны носить на плечах, какие шапки? Конечно, дорогие друзья, каждая нация имеет право пользоваться эмблемой, особенно ей дорогой, и я привык с благоговением смотреть на портрет Шевченко, где он изображен в Украинской шапке; но, дорогие товарищи, под той шапкой была действительно голова цельная, великая, гордая, перед которой мы могли преклониться, и в этой голове, в этой знаменитой голове, поместились интернациональные мысли, когда он говорил о славянских племенах! Для узости у него места не было. Но когда эту украинскую шапку одевают люди, у которых не голова, а «кавун» [1]*), тогда я восклицаю: зачем вы профанируете великую украинскую идею? Она не в том, чтобы надевать эти шапки. Вы, занявшись этими мелочами, проглядели немецкие пушки и тон немецких генералов. Союзники ли это? — я вам скажу.*

Вот, в ответ на немецкий приказ, если Голубович будет иметь право закрывать газеты в Берлине, тогда скажу: «квит за квит».

Пока что, дорогие товарищи, говоря о текущем моменте, я должен сказать, что этот момент до последней степени печальный. Завоеватель пришел сюда, он издает приказ, в силу которого русского человека будет судить немец, немец желает нас судить и он будет. Может быть, вы спросите, к чему я вас призываю, к восстанию? Прежде всего необходимо понять создавшееся положение, так как я убедился, что далеко не все успели это положение понять. И вот является представитель немецкой власти и говорит нам: «когда захотим, мы закроем русские газеты», а мы в это время одеваем синие жупаны и шепчем слова: «самостийна Украина», а какой-то остряк подхватил эти слова и добавил: «Самостийна Украина от Одессы до Берлина». И также оно и выходит, потому что та самая власть, которая здесь может закрыть газеты, в Берлине на это не решается, чтобы не раздражать там население, так что действительно власть одна «от Одессы до Берлина».

Тот знаменитый, уважаемый Шевченко,— помните его фразу, в которой много горечи,—он говорил о Николае I, а челядь в это время: «Ура, ура наш батюшка гуля». А теперь не то же ли самое? Еще хуже, потому что мы можем сказать это же теперь: «наш батюшка Вильгельм гуля», а мы не возражаем, наши министры не протестуют, они озабочены совсем другим, лишь бы жупаны были синие, да «мова» украинская. А что поверх этого? Немецкие палки...

Простите меня, что я порчу ваше настроение, но я продолжать не в состоянии; я говорю: понять это положение — это уже сделать половину дела. Сделать из этих слов вывод, значит серьезно относиться к создавшемуся положению. И, если есть люди, которые желают воскрешать прошлое Украины не с того конца, с которого Украина представляет славное и великое прошлое, а только со стороны синих жупанов и этих «кавунов», одетых в украинские шапки, то мы можем сказать, что этих людей мы не замечаем, мы с ними дружить не можем, потому что мы их презираем и враждовать с ними не желаем, потому что они слишком мелки» (бурные аплодисменты).

---

[1]) Арбуз.

Само собою понятно, что на делегатском с'езде не могло обойтись без инцидентов. От имени украинской фракции с'езда последовало заявление, что фракция в своем целом составе не считает возможным продолжать совместную работу, принимая во внимание, что параллельно работает другой с'езд, имеющий аналогичную повестку дня. Для фракции стало совершенно ясным, что настоящий с'езд не желает слиться с национальным с'ездом, поэтому она в полном составе покидает с'езд. После этого заявления на трибуне появляются один за другим товарищи, которые заявляют о своем выходе из фракции. Таким образом, оказывается, что украинская фракция с'езда не только не уходит в полном составе, но покидает зал заседания всего несколько человек под дружный смех и свист остающихся делегатов.

Делегатский с'езд продолжал свою работу.

В процессе работ с'езда наметилось две почти равные группировки. Во главе одной из них стояла об'единенная социал-демократическая фракция, состоящая из социал-демократов-интернационалистов, большевиков и некоторых беспартийных. За этой фракцией шли также левые социалисты-революционеры.

Вторая группировка называла себя деловой группой и состояла в своей основе из правых социалистов-революционеров и социал-демократов-оборонцев.

Позиция первой группировки в отношении союза заключалась в том, чтобы добиться полностью сохранения независимого классового революционного союза, не идя ни на какие уступки по отношению к Украинскому Правительству. Эта группировка ясно учитывала, что ее вызывающее поведение может повести к разгону с'езда и к аресту части делегатов. Группировка на это шла, считая, что такой арест и разгон послужили бы прекрасным средством для революционизирования масс. Группировку не пугала возможность формального уничтожения союза, ибо союз мог сохраниться как нелегальная организация, быть может, еще более боевая, чем легальный союз в условиях австро-германской оккупации и произвола Украинского Правительства.

Позиция второй группировки по отношению к союзу сводилась к тому, чтобы союз сохранить во что бы то ни стало, даже в самом урезанном виде. Легальное существование союза и боязнь его разгона являлись основной мыслью этой группировки.

Особенно резко выявились разногласия этих группировок при намечении кандидатур в Главный Дорожный Комитет. Несколько раз с'езд был накануне полного раскола. В итоге персональным голосованием был избран коалиционный Комитет, в который вошла в подавляющем количестве вторая группировка.

Перед окончанием работ с'езда вокруг здания, где заседал с'езд, начали усиливаться немецкие патрули. До президиума с'езда доходили сведения из вполне авторитетных источников, что немецкое командование, под давлением украинских властей, намерено с'езд разогнать, если он в кратчайший срок не окончит своей работы.

Под влиянием этой угрозы и панического настроения некоторой части делегатов решено было доклад о политическом моменте не заслушивать.

Левое меньшинство с'езда, во главе с товарищем Градовым-Матвеевым, Зелинским и пишущим эти строки, не помирилось с таким положением вещей и после окончания с'езда созвало частное совещание делегатов для вынесения резолюции по политическому моменту. Такая резолюция была совершенно необходима, ибо в этот момент произошел гетманский переворот, и выявить

отношение к новой еще более реакционной власти было долгом железнодорожного с'езда, который, как я указывал, привлек внимание всех украинских рабочих.

Частное совещание делегатов состоялось в полулегальных условиях. На него явились почти все делегаты, за исключением небольшой группы наиболее трусливых и шатающихся элементов.

К сожалению, мне не удалось, несмотря на все мои попытки, нигде раздобыть копии вынесенной резолюции. Она сводилась к тому, что гетманская реакция разоблачалась, как почти полная реставрация прежнего абсолютизма, и заканчивалась призывом к активному выступлению всех железнодорожных масс против новой власти.

Постановлением частного совещания мне, как так-называемому «редактору железнодорожной прессы», избранному на с'езде, поручалось отпечатать эту резолюцию литографским путем в максимальном количестве для распространения по всей правобережной Украине при помощи раз'езжающихся делегатов.

Совещание закрылось пением «Интернационала» в тот момент, когда здание, в котором оно происходило, начало окружаться немецкими войсками.

Чтобы выполнить данное мне поручение, я оставил двух рабочих на литографском станке в течение целой ночи.

Каково же было мое удивление, когда, придя на следующее утро в литографскую комнату, я застал ее опечатанной печатью Главного Дорожного Комитета.

Чтобы дать полное об'яснение происшедшего, я должен несколько отвлечься и привести копию протокола Главного Дорожного Комитета от 15 мая 1918 г. за № 2.

«Присутствовали: Сосновский, Терентьев, Бошко, Чухманенко, Сенгер, Леве, Сакало-Поповский и Ивановский.

Председатель Сосновский. Секретарь Терентьев.

Слушали: вопрос об избрании Президиума Главного Комитета.

Постановили: Отложить в виду неотложного очередного вопроса.

Слушали: заявление делегации группы членов 4-го Делегатского с'езда т.т. Градова-Матвеева, Дашкевича и Зелинского о желании группы оставшихся членов С'езда возобновить занятия такового и высказаться по текущему моменту, приняв определенную резолюцию, так как, по мнению оставшихся членов с'езда, они не считают с'езд закрытым, а только прервавшим свои занятия, что следовало из заключительных слов председательствующего на с'езде.

Постановили: Главный Комитет заявляет, что он считает с'езд закрытым, исходя, во-первых, из информации, данной председателем с'езда Тремповичем, из которой было видно, что при сложившихся политических условиях с'езд не сможет продолжать своих занятий и что ему грозит закрытие извне и что возражений со стороны с'езда не было, во-вторых, из заключительных слов т. Тремповича, при закрытии с'езда 13 мая, заявившего, что занятия с'езда можно считать прерванными условно до тех пор, пока не будет утвержден устав Союза и т. д. (см. протоколы с'езда) и, в-третьих, группа, взявшая на себя инициативу в

продолжении занятий с'езда, берет на себя тем же самым ответственность как за будущее союза, так и за все последствия своих действий, и что Главный Комитет при продолжении работ С'езда в условиях политической действительности снимает с себя всякую ответственность и вынужден будет при положительном решении группой вопроса сложить свои полномочия. Об'явление и мотивировка настоящего постановления собравшимся членам делегатского С'езда поручается тт. Чухманенко и Сосновскому».

Из приведенного протокола было совершенно ясно, насколько отрицательно и боязливо относился вновь избранный «по деловому принципу» Главный Комитет к заострению политических вопросов и в частности к вынесению на частном совещании политической резолюции. Но я никак не предполагал, что Главный Комитет рискнет конфисковать печатаемую на литографе резолюцию совещания.

Увидав печать Главного Комитета на дверях литографской комнаты, я немедленно потребовал созыва Главного Комитета, на котором поставил вопрос, на каком основании Комитет допустил приостановку работы по печатанию резолюции.

Привожу протокол заседания Главного Комитета по этому вопросу от 16 мая 1918 года за № 3.

«Присутствовали: Сосновский, Леве, Сенгер, Чухманенко, Терентьев, Бошко, Ивановский и Сакало-Поповский.

Председательствовал: Сосновский.

Секретарь Терентьев.

Слушали: Вопрос о печатании в литографии Главного Комитета резолюции, принятой группой железнодорожников — членов 4-го Делегатского С'езда, по текущему политическому моменту в частном Совещании.

Постановили: Главный Комитет, не возражая по существу резолюции, решил немедленно приостановить печатание техническими средствами Главного Комитета резолюции и предложить председателю Редакционно-Издательской Комиссии тов. Дашкевичу сделать распоряжение об уничтожении всех напечатанных в литографии Комитета экземпляров указанной резолюции.

При обсуждении вопроса, по просьбе т. Дашкевича, заносится в протокол следующая фраза председательствующего: «решения частного собрания печатать бюллетени средствами Главного Комитета считает [1]) в высокой мере нетактичным».

Приведенное постановление Главного Дорожного Комитета было равносильно гражданской смерти бюрократической верхушки союза Юго-Западных железных дорог. Раз'ехавшиеся делегаты на места ясно понимали, что Главный Дорожный Комитет отошел от железнодорожного пролетариата.

Мне удалось размножить упомянутую резолюцию около 70 штук, которые были брошены на линию.

Весь дальнейший период вплоть до возникшей стихийно стачки, т.-е. до 15 июля, был ознаменован планомерным походом украинских властей и немецкого командования против органов железнодорожного союза. Главный Комитет, как и можно было ожидать, сдавал позицию за позицией. Телеграф, телефон, наконец и самое помещение было отнято у Главного Комитета.

---

[1]) Надо понимать, что считает он—председательствующий. ИПТ.

В это же время начались повсеместные репрессии и аресты в Киеве и на местах. Были зарегистрированы случаи подвешивания к столбу непокорных железнодорожников на линиии. Главный Комитет, не имея опоры в массах и преследуемый Правительством, конечно, был бессилен что-нибудь предпринять.

Совершенно естественно, что железнодоржные массы, терпевшие до известного предела, чрез голову своей бюрократической, соглашательской верхушки, вынуждены были пойти путем всеобщей стачки. Интересно, что Главный Дорожный Комитет в своем заседании от 23 июля 1918 года, т.-е. спустя неделю после начала всеукраинской стачки, в своем постановлении говорит буквально следующее: *«вопреки воле Главного Дорожного Комитета, вне его влияния и руководства, прорвалась забастовка. Главный Комитет оказался перед фактом: массы отошли от него и он, обязанный действовать по уставу, оказался изолированным»* [1]*)*.

Б. ДАШКЕВИЧ.

---

[1]) Продолжение статьи т. Дашкевича, посвященное всеукраинской ж.-д. стачке 1918 г., будет помещено в одном из следующих сборников.

Истпрофтран.

ОККУПАЦИЯ АРХАНГЕЛЬСКА

в 1918 году.

Н. М. БАТМАНОВ.

1. ВОСПОМИНАНИЕ.

После 1905 года меня уволили с железной дороги, и мне пришлось работать писарем у податного Инспектора.

Лишь через год получил я разрешение вернуться на Северную ж. д.— меня назначили телеграфистом на ст. Исакогорка, находящуюся в 10 верстах от Архангельска, куда я и прибыл, если не ошибаюсь, в 1908 году. Меня тянуло к живой, активной работе и частенько один, забравшись в какую-либо деревню, я занимался пропагандой, хотя это и не всегда удачно кончалось. Раз я едва даже спасся от побоев, вскочив в отходивший со станции поезд. Кроме того, я занимался в местном культурном кружке, что вызывало манкировку службой и много неприятных разговоров с администрацией: со «свирепым» старшим телеграфистом *Смирновым* и с контролером-механиком *Скудис*.

Закончилась моя карьера очень печально: в 1912 году меня уволили со службы и я перебрался в Москву. Скитаясь год то подметальщиком в Москве, то рабочим, мне удалось, наконец, устроиться через одного своего знакомого на фабрику Мамонтова (по выделке лаков и красок), но и там недолго пришлось прослужить. В 1913 году, во время начавшихся Романовских торжеств, я был выслан из Москвы в Грязовец, осенью этого же года через своего товарища получил место поденного конторщика в Архангельске, где меня застала империалистическая война и революция. Конторщиком я служил с конца 1913 г. по день революции.

Время шло быстро, пролетел январь 1917 г., за ним февраль и, как сейчас вспоминаю свои переживания, когда я зашел на телеграф 27 февраля старого стиля, то телеграфистом принималась телеграмма от Бубликова, который телеграфировал: «Всем! Всем! Всем! Министерство Путей Сообщения занято вооруженной силой, всех служащих прошу оставаться на своих местах и спокойно продолжать обычную работу. *Бубликов*».

Телеграфистами была молодежь и они не понимали значения телеграммы. Обратились ко мне: «В чем дело, что это за телеграмма?» Я взял телеграмму, прочел и сразу как-будто помолодел на несколько лет, воспрянул духом и сказал: «Ну, ребята, началось! Нужно использовать, провести до конца и не дать жандармерии задушить нас». С этими словами я вышел в контору дежурного по станции, где толпилась кучка посторонних и служащих, и прочел им телеграмму, а затем сказал: «Сегодня мы должны собраться в 6 час. вечера для обсуждения создавшегося положения», затем пошел домой, написал несколько воззваний и разбросал между находившимися на архангельской линии воинскими частями. В воззвании мною указывалось о начале революции и был призыв немедленно бросить работу в порту, не подчиняться

офицерству и выбрать своих командиров. Затем с'ездил в город в местную редакцию «Северное Утро», где застал Дернова, редактора. Узнав у него, что никаких сведений в городе не имеется, я просил его выпустить воззвание, показав ему полученную телеграмму, но Дернов категорически отказался, сказав, что он «в тюрьму садиться не хочет». Видя, что все разговоры с ним бесполезны, я стал торопиться домой, так как время было позднее, а у меня было назначено собрание. Придя на станцию, я был встречен собравшимися служащими, мастеровыми и рабочими, которые поджидали меня. Предложив им итти в товарную контору, мы с тов. *Андреевым* пошли в кабинет начальника станции предупредить его о явке на собрание. За нами вслед вошел жандармский вахмистр, которому я тут же заявил, что его миссия окончена и предложил разоружиться и передать всем жандармам о немедленной сдаче холодного и огнестрельного оружия. Вахмистр не противился, очевидно, поняв, в чем дело. В это время ожидали прихода пассажирского поезда. Узнав, что поезд уже вышел с соседней станции, решили собрание начать после прихода поезда. Спустя полчаса, подошел поезд. Из вагона бойко выскочил какой-то офицер, суетясь и крича: «где вахмистр?» Я подошел к нему, спросив, кто он и зачем ему вахмистр—здесь вахмистров уже нет. Офицер ответил: «Я вновь назначенный жандармский ротмистр». Я предложил ему войти в бывшую жандармскую комнату, вертевшийся около него вахмистр отрапортовал по военному: «я вахмистр», взял у него вещи и понес вслед за мной. Придя в комнату ротмистр заявил: «Я ничего не понимаю, у меня почему-то в Вологде отобрали золотое оружие».—«Жаль, что вас не оставили в Вологде. Если имеется огнестрелное оружие, будьте любезны сдать». Но ротмистр сказал, что револьвер у него также отобран, и у него ничего нет. Тогда ему вахмистр пояснил, что здесь распоряжается конторщик Батманов, которым было предложено сдать все оружие и что у него имеется телеграмма из Петрограда. В это время в дверь вошла группа товарищей и стала меня торопить на собрание. Убедившись в разоружении ротмистра, я оставил его и пошел на собрание, которое началось только около 8 час. вечера. Это было первое собрание, можно сказать, самое наибольшее. Не было ни одного служащего и рабочего, который не пришел бы сюда узнать, в чем дело, и, ознакомившись, принять живое участие в дальнейшей работе. На собрании была об'яснена суть дела и расшифрована телеграмма Бубликова. Было предложено немедленно приступить к избранию Исполнительного Железнодорожного Комитета. Выборы были назначены на другой день в 2 часа.

Первого марта старого стиля 1917 г. был организован первый Исполнительный Железнодорожный Комитет, в который вошли председателем тов. Соловьев, заместителем я, секретарем Гуляев и члены Комитета: Голобачев, Петлев, Буханов. Вскоре тт.: Гуляев и Соловьев были командированы в город. Я был избран прдседателем. Спустя короткий промежуток, узнав о работе в городе через тов. Гуляева, который с нами имел живую связь, началась широкая активная политическая работа. Мне, как председателю, часто приходилось выезжать в Москву, где я доставал литературу, и за короткий период времени удалось создать библиотеку. Но Комитет был неудачный: из всех товарищей нас было лишь двое активных работников, впоследствии из Бакарицы присоединился т. Василевский и вот втроем мы решили создать левое крыло и действовать более решительно, несмотря ни на какие тормозы. Товарищи по Комитету нас называли сумасшедшими и безумцами, так как мы стали требовать обязательную санкцию Комитета на всех распоряжениях. Скоро к нам примкнули еще 2 товарища и мы образовали сплоченное ядро,

вылившееся в первую ячейку Р. К. П. (большевиков) на Архангельской пристани, в коей я был секретарем. После поражения и временной победы Керенского нашу работу в Комитете все время тормозили. Выбранный нами начальник станции не утверждался, а предательский Викжель предлагал нам прекратить свою работу, грозя, в противном случае, увольнением. Обсудив положение вещей, совместно с тт. Василевским, Гуляевым и Демидовичем, мы решили Викжелю не подчиняться и предложили бывшему в то время меньшевитскому районному Комитету в Исакогорке созвать с'езд для обсуждения вопросов о необходимости перевыборов Комитета. Председатель Голубков, бывший машинист, отличавшийся в дальнейшем своей контр-революционной деятельностью, под нашим давлением был вынужден созвать с'езд, продолжавшийся 5 дней, на котором был выработан устав, перевыбран Комитет, назначены комиссары ко всем начальников участков—это был первый железнодорожный районный Комитет, названный «Народным Исакогорским железнодорожным Управлением». Работа пошла живая, много пришлось бороться как с администрацией, так и с отдельными товарищами, но выбранный Комитет просуществовал недолго, комиссары были упразднены. Спустя 3 недели началась Октябрьская Революция и Комитет вновь занял свое место. Без каких-либо дальнейших инцидентов работа продолжалась вплоть до наступления союзнических Антантовских сил на Архангельск в 1918 году совместно с белогвардейцами под предводительством Миллера и Пуля. В июле 1918 г. в Архангельск прибыло из Вологды посольство Антанты, которому было мною предложено оставить состав поезда и переселиться на приготовленный для них пароход. Это было в конце июля в тот момент, когда уже штаб Красной армии, не видя возможности оставаться вблизи открывающегося театра военных действий, эвакуировался в Вологду. 30 июля над городом появились аэропланы и гидропланы союзников. А 31 июля моему товарищу Василевскому было предложено прекратить всякое движение на линии и немедленно начать эвакуацию. Весь день 31 июля и ночь на 1 августа прошли в горячей работе по эвакуации из Архангельска красных частей. Подачу вагонов приходилось заставлять производить лично, угрожая ежеминутно оружием, так как начальник станции Хмелевский, его помощник Суматохин и технический агент Шелавин (первые 2 расстреляны, а последний бежал) тормозили и замедляли работу.

2-го августа я выехал с последним эшелоном со станции Исакогорка и не успел сойти с паровоза, как меня уже сразу позвали к телефону. Сообщили, что еще прибыл эшелон и просит паровоз для вывоза его. На ст. Исакогорка, отстоящей в 10 верстах от Архангельска, находился тов. Зенкевич. Он лично пошел и, убедившись в правильности сообщенных сведений, предложил мне и тов. Пронскому, бывшему председателю флота, отправиться в Архангельск и забрать прибыший эшелон. Тов. Пронский только-что прибыл после отступления от Муджуги и был совершенно болен. Тогда т. Зенкович предложил мне немедленно прицепить вагоны и отправиться обратно одному. Тут же первый попавшийся паровоз был взят и я отправился в Архангельск. Не успев под'ехать к станции, я уже оказался отрезанным и снятым с паровоза какой-то кучкой солдат. Как после оказалось, отряд изменил и перешел на сторону белых. Меня повели на ст. с криками: «Вот эта сволочь! Это—большевик». На станции толпились служащие и рабочие, увидав меня окруженным группой бандитов, они заявили: «Это наш конторщик, отпустите», и после переговоров я был освобожден. Сразу побежал к своей квартире, находящейся в 10 саженях от станции, дабы захватить хлеба и

бежать в Исакогорку, видя, что дело скверное и что я попал в лапы белых. Не успело пройти 2 или 3 минуты, как дом был окружен кучкой белогвардейцев, которых привел знаменитый ДСП Суматохин, и если я не был поднят на штыки, то лишь случайно, так как успел податься за дверь. В это время вошел предводитель белогвардейцев, студент Бурков, заявив, что я арестован, никто не имеет права меня оскорблять и что они должны меня доставить живым в штаб. Тут же я был выведен и привезен в Архангельск в штаб белогвардейцев. На другой день образованная комиссия стала разбирать всех задержанных и 2/3 было освобождено, в числе коих и я. На руки же ничего не было дано, и мы, пройдя с 3 товарищами 3 улицы, вновь были задержаны и препровождены в штаб. Через несколько часов выяснилось, что мы освобождены комиссией, нам дали на руки записки о свободном следовании к своему месту службы. Еще сидя в штабе под арестом, нами уже был составлен план бегства, но товарищи стали говорить, что если кому удастся быть освобожденным, то нужно остаться в городе для подпольной работы, и вот, придя домой, сговорившись с тт. Димидович, Хинтель, Соловьевым, мы решили никуда из Архангельска не уходить, а заняться подпольной работой. Собрания устраивали в городе. Была организована конспиративная квартира, но недолго пришлось нам пробыть на свободе. Через 1½ месяца я был арестован и посажен в тюрьму, где мне было пред'явлено обвинеие в принадлежности к преступному сообществу, именуемому РСФСР, в свержении Временного Правительства Керенского, защите Советской власти, организации вооруженного отряда для защиты последней и вывозе денег из Архангельской кассы в Исакогорку. 25-го сентября 1919 г. я был взят в числе 29 товарищей французским правительством и увезен в качестве заложника. О жизни в тюрьме за границей и о всех мытарствах, которым мы подвергались до возвращения в Россию, познакомится читатель из приложенных при сем выдержек из писем и из дневника 1920 года.

II. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ И ИЗ ДНЕВНИКА.

«2-го августа 1918 года банды белых, поддерживаемые союзниками, ворвались в Архангельск, начался грабеж, аресты и расстрелы без всяких судов и следствий. За малейшие провинности сажались в карцера, представляющие собой ямы, вырытые в земле глубиною в несколько саженей, где нет не только печей, но и постилки для себя. 30-градусный мороз Севера давал себя знать и несчастные товарищи отмораживали руки и ноги, заболевали и умирали, так было с нашим товарищем железнодорожником Беляевым, а таких случаев было масса; в 12 часов ночи, сидя в камере, слышишь на улице шум автомобиля... останавливают у ворот тюрьмы... Нервный и продолжительный звонок, слышишь шаги в коридоре, открывается дверь в камеру, выходит такой-то. Тут же в конторе в течение 10—15 минут происходит суд, осужденного сажают в автомобиль, увозят и расстреливают. А то и еще бывали и такие случаи: среди белого дня выводят во двор и на глазах всех расстреливают. Все это творилось при ближайшем и непосредственном участии Антанты. Наконец, 28 сентября, при уходе из Архангельска, желая сорвать последнее, союзники уводят часть заключенных, как заложников, французы берут 29 человек, в числе коих был и я, сажают на крейсер «Конде». На наш вопрос, куда нас везут, атташе заявил, что всех отправляют в Советскую Россию.

»9-го октября мы прибыли в Брест, где нас посадили на маленький буксирный пароход и привезли в город Лондернау, привели на вокзал, связали попарно веревкой, посадили в поезд. Спустя несколько часов езды, мы были выведены из вагона, окружены усиленным конвоем жандармов и двинулись по темным улицам незнакомого города. Наконец, пройдя версты 4, остановились у громадного с решетками, за высокой стеной, здания. Брякнул звонок, открылась калитка и мы после 14-дневного путешествия очутились вновь за решеткой. Сделав перекличку, окончив формальности приема и сдач, конвой удалился. Нас раздели и в одних ночных рубашках рассадили по одиночным камерам. С этого момента начинаются новые наши переживания: голод, холод, сырая, нетопленая камера.

«Много мелочей показали собой все ужасы французских тюрем. Наши просьбы и протесты, в которых мы требовали немедленной отправки в Россию, требования закрепленные 2 раза голодовкой—все оставалось гласом вопиющих в пустыне. Положение наше не улучшалось, но ухудшилось: убавили норму хлеба, пищу стали давать еще хуже. Это продолжалось до 12 февраля 1920 года. Наконец, нам об'являют, что ночью мы уедем. 13 февраля в 2 часа ночи двери открылись. В коридоре уже толпились товарищи, после 5-месячного одиночного заключения, обмениваясь впечатлениями. После переклички, нас сдали жандармам, привели на вокзал, посадили в поезд и перевезли в город Лориан, где мы были приведены во двор тюрьмы. Мы все были голодны, просили хлеба, но нам заявили: «Через час вы будете посажены на пароход, отправляющийся в Россию, где вам будет приготовлен обед». Наступил жданный час, привели нас на пристань, посадили в маленький пароход в трюм, где, конечно, не было никакого обеда и хлеба, и через 2 с половиной часа мы под'ехали к острову Груо, где были встречены капитаном с отрядом солдат. По исполнению формальностей передачи и приема, нас повели по полям острова, солнце сияло высоко, мы не знали куда ведут. После всех перенесенных испытаний, хотелось остаться в поле, где работали бретонки, убирая хлеб. Путь наш продолжался недолго. Нас ввели в форт Сервиль и там мы были встречены другими товарищами, заключенными уже ранее. Помещение было сырое, без стекол: грязные матрацы, рваные одеяла, полные паразитов,—вот что было нам преподнесено, вместо Советской России, и тут вновь голод и холод. На наши протесты нас сажали в карцера. Я сам лично, больной, на приеме врача заявив через переводчика о выдаваемой гнилой пище и показав доктору продукт, тут же был отправлен в карцер. Наконец, нам удалось завязать переписку с товарищами-рабочими в Париже, которые, узнав о нашем тяжелом положении, горячо откликнулись и стали помогать, высылая продукты, одежду и деньги.

«23-го июня нам об'явили, что мы будем через несколько дней отправлены в Советскую Россию, согласно заключенного договора с тов. Литвиновым, но через несколько дней отправка была отменена. Мы потребовали через своих представителей улучшения нашего положения, на что нам было выслано всем по рубашке и обещали выдать обмундирование. 16 июля мы были собраны на двор с нашим багажем, который был проверен, и по окончании проверки нам заявили, что мы сейчас отправляемся на пароход для отправки в Россию. Выйдя из стен крепости в сопровождении 3-х капралов, мы отправились на пароход с пением «Интернационала» и красным маковым цветком в петлице. Сопровождавшие капралы пению не препятствовали, один из них даже подтягивал. Так мы дошли до пристани. Спустя полчаса приехал капитан и, увидя в петлице у нас красный цветок, потребовал немедленного снятия,

угрожая в противном случае отправить обратно в крепость, и отдал распоряжение отправить в форт подводу с багажем, но угрозы его были тщетны. Не от него зависела задержка. После некоторых препирательств нас посадили на буксирный пароход и через несколько часов мы прибыли в город Лориан. Переданные вновь жандарму, мы двинулись в Марсель, где должны были быть посажены на пароход «Батавия», следуемый в Одессу, но и тут был обман. Прибыв ночью, нас погрузили на «Александр 3-й», утром были приведены русские солдаты и по окончании посадки мы двинулись в путь. На 7-й день прибыли в Константинополь, где нас отделили от солдат, которых пересадили на другой пароход, а мы в числе 75 человек были задержаны на пароходе, и через 2—3 дня переведены на берег и заключены в лагерь.

«Только после тяжелой лагерной жизни и многих обманов, только еще через месяц нас, наконец, отправили из Константинополя в Одессу!»

БАТМАНОВ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

II

ОРЕНБУРГСКИЕ ГЛАВНЫЕ МАСТЕРСКИЕ.

ОЧЕРКИ ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ.

ОТ ИСТПРОФТРАНА.

Истпрофтран помещает ниже четыре характерных очерка борьбы союза железнодорожников с Дутовым в период 1917—1918 гг., когда железнодорожникам пришлось, бросив свою работу, проходить военное обучение, а после вести тяжелую гражданскую войну.

Очерки составлены по личным воспоминаниям участников: гг. *Шмальро, Челышева, Калашникова, Андреева, Дронова, Васильева, Дробышева, Сергеева* и *Кожина,* которым Истпрофтран приносит свою благодарность за доставленные интересные воспоминания.

С ФЕВРАЛЯ 1917 Г. ПО ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА.

Очерк первый.

В первых числах марта 1917 г. до гор. Оренбурга, где находилось наибольшее число подготовленных к революционным событиям рабочих Ташк. ж. д, дошли вести о падении царской власти и создании Временного Правительства. Немедленно же избрали Совет Рабочих Депутатов, в котором из железнодорожников создали руководящее ядро в лице т.т. *Коростелевых* (двух), Куз*нецова, И., Чигина, Мартынова, Мискинова* и друг., создавших Районный Комитет союза железнодорожников. На первом заседании, в стенах Главных Оренбургских мастерских, был решен вопрос о захвате жандармского архива для выявления всех провокаторов и об аресте жандармского полковника *Погорецкого,* выдвинутого офицерством на пост начальника гарнизона города Оренбурга. Полковник *Погорецкий* в течение половины марта держал власть в своих руках так, как будто бы и не произошло революции. Постановление Районного Комитета железнодорожников было подтверждено Городским Советом Рабочих Депутатов. При разборе архива «охранки» было обнаружено несколько провокаторов из рабочих Главных мастерских; они были арестованы в цехах на работе. К спинам и груди их были приклеены надписи на бумаге: «провокатор, предатель рабочего класса»; их провели по всем мастерским с барабанным боем, свистом и оттуда под арест.

В это же время началась организация первого дорожного С'езда, который должен был открыться 1 апреля. Наибольшее участие в организации его принимал т. *Кобозев,* который был единственным инженером, примкнувшим к рабочим. На с'езд собралось 450 делегатов, принадлежавших к самым разнообразным слоям Ташкентской дороги; много было представителей верхушек и инженеров. Вокруг С'езда кипела революционная борьба и она сильно влияла на ход работ с'езда.

Первым делом с'езда было устранение старого начальника дороги инженера *Мазуровского,* который скрыл первое известие о февральском перевороте. Рабочая часть с'езда выставила кандидатуру т. *Кобозева* на пост начальника дороги; против него была вся привилегированная часть с'езда, но верх все-таки взяли рабочие. С'езд избрал начальником дороги тов. *Кобозева,* но Министерство Путей Сообщения его не утвердило. С'ездом был избран Дорожный Комитет из 64 человек. Из Дорожного Комитета был выделен Комиссариат в составе 5 чел., который заменил Управление дороги. Дорожный Комитет был разбит на секции: трудовую, организационную, продовольственную и милиционную; на участках сорганизовались районные Правления союза, которые были подобны теперешним Учкпрофсожам.

Такая структура первое время всех удовлетворяла, об'единяя все цеха и профессии.

Разделение по профессиям началось после того, как ЦК профсоюза ж.-д., «Викжель», прислал тарифную разбивку всех рабочих и служащих; в это время образовались отдельные профессиональные союзы рабочих по цехам: Парбриг (машинисты, кондуктора), мастеровых и рабочих (Главные мастерские), конторского труда и друг.

Самым революционным союзом был союз мастеровых и рабочих Оренбургских Главных мастерских. Всякие выступления на их собраниях меньшевиков и эс-эров встречались свистом и протестом рабочих. В июле месяце рабочие бросали работу и собирались для обсуждения наболевших вопросов: о продолжительности рабочего дня и о задержке плехановской прибавки на зарплату. Задержка произошла по вине начальника главных мастерских *Бобовского*. На бурном общем собрании рабочих раздались требования о вывозе *Бобовского* на тачке из мастерских, и только большевики своим влиянием приостановили это, предложив передать Районному Комитету всю власть Главных мастерских. Все требования рабочих были удовлетворены.

Началась подготовка ко второму железнодорожному с'езду.

Прежний Главный Дорожный Комитет был громоздок и на втором с'езде состав его был уменьшен с 64 до 11 человек, но только это и успел сделать второй Дорожный С'езд.

Собрался он тогда, когда в центре загремела Октябрьская революция. «Викжель» в это время занял нейтральную позицию по отношению к происходящим событиям, точно такую же позицию занял и Главный Дорожный Комитет первого созыва. Это вызвало крупную политическую борьбу на с'езде, которую повела против Г. Д. К. фракция большевиков из 23 человек. К этому времени приурочиваются первые выступления атамана ген. *Дутова*. По его инициативе создался «Комитет Спасения родины и революции», который рабочие в насмешку прозвали: «Комитет спасения родины от революции».

В этот Комитет входили эс-эры, меньшевики и много приверженцев царской власти. Первым «революционным» шагом Комитета был арест семи самых энергичных большевиков Оренбургского Совета Р. Д. председателя Совета *А. Коростелева, В. Мискинова, Чигина, Мартынова* и других. Как только Гл. мастерские получили известие об аресте, рабочие прекратили работу и на общем собрании выделили делегацию к генералу *Дутову* с требованием немедленного освобождения арестованных товарищей, в противном случае угрожая об'явлением стачки. Когда *Дутов* услышал эти требования рабочих, то он с усмешкой ответил: «Я арестовал их по распоряжению Комитета; Комитет выбран рабочими — значит, они арестованы по распоряжению рабочих и, исполняя их волю, я арестованных не отпущу». В ответ на это 8 ноября забастовали Главные мастерские, к ним присоединилась Служба Пути, но воздержались от забастовки рабочие Парбриг.

Комитетчики, пользуясь этим неполным единодушием среди рабочих, пробовали расколоть рабочих Главных мастерских, но там они встретили настолько жесткий отпор, что на собраниях всякое их слово о прекращении стачки только еще более раскаляло рабочую массу против Комитета. Большевики руководили всем стачечным движением, приняли меры к освобождению заключенных товарищей, что и удалось благополучно сделать в начале декабря. Освобожденные товарищи бежали в Бузулук, где в это время был созван третий Дорожный С'езд.

С'езд принял решение бороться с *Дутовым* до полного уничтожения его организации. Здесь же были выбраны представители на Всероссийский С'езд железнодорожников. Борьба с *Дутовым,* после решения Дорожного С'езда, приняла решительный характер. *Дутов* позорно бежал со своими приверженцами в степи Южного Урала; с ним бежали эс-эры и меньшевики.

18 января 1918 г. над Оренбургом взвился красный флаг Октябрьской революции.

ЗАБАСТОВКА НА ТАШКЕНТСКОЙ ДОРОГЕ ЗИМОЙ 1917 ГОДА.

Очерк второй.

8 ноября 1917 г. вспыхнула забастовка рабочих Главных железнодорожных мастерских г. Оренбурга; она явилась ответом на арест лучших товарищей большевиков из городского Совета. Забастовочный Комитет обосновался в Караван-Сарае, который все рабочие считали своим долгом каждый день посещать.

Руководителем Забастовочного Комитета был тов. *Цвилинг,* он организовал почти каждодневные митинги-совещания с рабочими, на которых стремился поддерживать твердый дух в рабочей массе. А это было необходимо, потому что нужда цепко схватила в это время рабочего.

Большинство принуждено было продавать свой домашний скарб на рынке, чтобы хоть как-нибудь прокормиться.

Дутов стремился терроризировать бастующих, организовал для этой цели отряды из юнкеров и казаков, которые чинили насилия над рабочими.

В декабре месяце *Дутов* хотел восстановить против большевиков тех казаков, которые откликнулись на революцию. Подпоили казачью охрану винного склада, чтобы сделать поджог склада. Винный склад сгорел, но ни один рабочий не участвовал в его разграблении. На это пошли сами дутовцы и мещанство города: провокация не удавалась. Вся надежда бастовавших была на помощь из Бузулука, откуда в это время наступал отряд Красной гвардии во главе с т. Кобозевым. Но первое их наступление было отбито белыми. Отряд красногвардейцев со станции Платовки наступал на станцию Переволоцк, при чем поезда юнкеров и красногвардейцев чуть не столкнулись, но белые во-время заметили красных бойцов и отступили за Переволоцк, взорвав входные стрелки на 13-м раз'езде. Красные послали вспомогательный поезд для восстановления пути. Здесь юнкера вступили в бой с красными, в котором принимала участие артиллерия т. *Ходакова,* рабочего Самарского патронного завода. Белые отступили. Красные заняли 16-й раз'езд и надеялись продвигаться дальше, к Оренбургу, но в тылу внезапно появились конные казачьи части, которые взорвали пути на ст. Сырт, и малочисленному отряду Красной гвардии пришлось отступить до Бузулука. А в Оренбурге рабочие в это время готовились к восстанию в тылу Дутова. Тов. *Цвилинг* 9 января на собрании в Караван-Сарае об'явил собравшимся товарищам, что терпеть далее Дутовский гнет нельзя, что по всей сети России существует Советская власть и только Оренбург находится во власти Дутова вкупе с эс-эрами и меньшевиками. Он предлагал организовать немедленно Революционный Комитет, который должен был потребовать сдачи власти Дутовым и «Комитетом спасения родины и революции». Комитет был создан и организована была

боевая дружина для его охраны. Но начальник охраны оказался предателем и Революционный Комитет в составе 35 чел. был арестован во время заседания, а Караван-Сарай был закрыт. Настало тяжелое время для оренбургского пролетариата, но он твердо выносил все бедствия. В это время в его рядах уже не было штрейкбрехеров, потому что и паровозные бригады во главе с тт. Дроновым, Кравченко, Сдобновым, Баландиным, Тушевым, Парамоновым, Зиньковым присоединились к забастовке 21 декабря. В это время был организован побег ранее арестованных товарищей: Коростелева, Мискинова, Мартынова и других, которые вместе с машинистами пробрались в Бузулук, где приняли деятельное участие в наступлении на Дутова.

Это наступление 4 января началось соединенными силами рабочих и матросов Балтфлота, в количестве 3.000 чел. под командованием тов. *Павлова.* Офицеры, юнкера, кадеты не столько дрались, сколько взрывали пути и мосты перед наступающими рабочими, но наступление неудержимо продолжалось—вспомогательный поезд под руководством тт. Федотчева и Жукова быстро исправлял все разрушения. Так, на 16-м раз'езде был взорван путь на протяжении нескольких верст; т. Федотчев, не имея рельс, установил особые подкладки на взорванных местах и паровозы, хотя и хромые на обе ноги, все-таки благополучно прошли этот путь. Где не имели на станциях воды, там поили паровозы и людей снегом; не остановил наступления и взорванный мост на реке Каргалке, и 18 января 1918 г. Оренбург был занят рабочими.

А с занятием Оренбурга рабочими восстановилась Советская власть, кончилась забастовка и закипела работа в Главных мастерских Ташкентской дороги.

ЭВАКУАЦИЯ И НАСТУПЛЕНИЕ НА ОРЕНБУРГ.

Очерк третий.

18 января 1918 года Оренбург был вырван из рук Дутова усилиями рабочих Ташкентской дороги. Немедленно взялся рабочий за молоток и винтовку. Работа в мастерских закипела. Днем за станком, а вечером с винтовкой маршировал он, стремясь сделать крепкой свою руку в борьбе с Дутовым. Опасность была действительно велика. Дутов оставил Оренбург, но зато изолировал его от окружающих хлебных районов. В марте он перешел в открытое наступление: его отряды нападали на железнодорожные станции, беспощадно уничтожали служащих станций и малочисленную их охрану. В этих-то трудных обстоятельствах и проявилась непреклонная воля железнодорожного пролетариата в борьбе за свою власть, за власть Советов. Не бросая работу у станков, рабочие организовали несколько боевых дружин под руководством товрищей *Цвилинга, Леватова, Михайлова, Немова* и друг. Вечером, после работ, можно было наблюдать, как закопченные, усталые люди ползали на животе с винтовкой, делали перебежки, маршировали по площади, чтобы научиться бить врага. Первыми жертвами борьбы в марте месяце пали т. *Цвилинг* с отрядом рабочих, которые были брошены на защиту Илецка и погибли, окруженные подавляющим количеством врагов. Тов. *Немов* погиб под Нижней-Сергиевской.

В апреле месяце составился отряд из 120 человек рабочих, который должен был направиться к Илецку, занятому дутовцами. Товарищи были уже в вагонах, стоявших на ст. Оренбург. Белые бандиты настолько в это время осмелели, что напали на самую ст. Оренбург и на эшелон товарищей. Если бы

не помощь тов. *Левашова,* прибывшего со стороны Илецка и если бы не было распорядительности т. *Каратыгина,* который командовал в это время артиллерией Главных мастерских, то погибли бы все товарищи. Но прибывшая помощь заставила белогвардейцев побросать оружие и в панике скрыться в степь. Все же белая банда успела зверски замучить несколько железнодорожников, попавших в их руки. Несколько раз из Оренбурга отправлялись отряды на помощь орским железнодорожникам, особенно крепким был отряд под командованием тов. *Курача* и *Ходокова.* Во время наступелния на Орск им пришлось встретиться с белогвардейским поездом, который после первых выстрелов исчез. Осторожно под'ехали товарищи к станции, спешились и пошли дружным натиском на гору, занимаемую Дутовской бандой. Дутовцы не приняли боя и отступили за Сакмарскую станицу. Отряд т. Курача занял станицу и издал приказ о сдаче оружия. Перепуганные казаки доставили в лагерь два воза винтовок и шашек. В это же время обнаружилась провокация среди рабочих: некоторые товарищи пошли с обыском по станице и стали чинить насилия над мирными казаками, отбирая у них последнее имущество. Была организована следственная комиссия, целью которой была защита мирных казаков от бандитов. Исполнение постановления этой комиссии попало в руки изменников, которые арестовывали их без суда и следствия. Это причинило много вреда в борьбе с Дутовым, потому что казаки после провокации стали не доверять красным. Илецк был освобожден в середине апреля, при чем на станции Донгусской произошло большое крушение эшелона красногвардейцев, вследствие столкновения его с поездом, везшим продукты для рабочих. При крушении погибло 30 человек рабочих. Дутовцы хотели воспользоваться крушением для внезапного нападения на красных, но т. Васильев, командир эшелона, быстро принял меры к охране места крушения, поднял бодрость духа товарищей, оставшихся в живых и отразил натиск дутовцев. Быстро был вызван вспомогательный поезд, который расчистил путь, убрал раненых и погибших товарищей. Но не поколебался дух рабочей гвардии тяжкими потерями и в середине апреля был освобожден Илецк от дутовцев. С хлебом-солью встретили отчаявшиеся в помощи рабочие и жители Илецка. Тут обнаружилось, что в рядах белогвардейцев находилось много мирных казаков, которые были вооружены чем попало: вилами, шашками и просто дубинами. Когда в стычке с ними красногвардейцы дали залп из винтовок, то они разбежались кто куда, и без большого труда красные очистили Соленые шахты, поселок Григорьевский-Тамаркуль. После окончательного освобождения Илецка и его окрестностей, красногвардейцы вернулись в Оренбург. Красногвардеец оставил винтовку и превратился в рабочего, ремонтирующего паровоз, приспособляющего вагоны и платформы для установки на них орудий и изготовляющего снаряды для них, но все труднее и труднее приходилось рабочему сдерживать натиск белых банд. Чаще и чаще он отрывался от станка к винтовке, так что за дневной работой следовала беспрерывная вечерняя вооруженная схватка в степи с дутовцами. Но дутовцы все же не одержали бы победы, если бы не чехо-словацкий мятеж, уничтоживший тыл красных в Бузулуке. 2 июля началась эвакуация рабочих из Оренбурга в Актюбинск. Незадолго до отступления из Оренбурга был организован первый рабочий красногвардейский Оренбургский полк. Рабочие Главных мастерских составили его первый батальон, командиром которого был тов. *Левашов.* Этот полк имел пулеметную команду и артиллерийскую часть. Ежедневными упражнениями полк достиг большой дисциплинированности; он мог бы бороться и с чехо-словаками, но отрезанность

Оренбурга от источников оружия и продовольствия в Ташкенте вызвала отступление на Актюбинск, где сохранялась связь с Туркестаном. 102 эшелона в течение 2 дней, 1 и 2 июля, было отправлено в Актюбинск. Последний эшелон увозил из Оренбурга батальон железнодорожников. Песни красногвардейцев заглушали вопли жен, матерей и сестер, которых рабочие не имели возможности взять с собой. Путь от Оренбурга до ст. Чашкан, 90 верст, был самым опасным для отступающих: кругом местность была населена казаками, враждебными к красногвардейцам. Громадные степи серебристого ковыля стояли нескошенными, травы уродились замечательно хороши: стоило эшелонному караулу отойти на десяток сажень от железнодорожного пути и его уже не было видно. Поэтому полком были приняты самые строгие меры охраны. 3 июля около ст. Донгусской завязался первый бой с казаками, но казаки не приняли боя и отступили. В Илецк прибыл последний эшелон на четвертый день. Продовольствие полка состояло в это время из мясных консервов и хлеба, которого запасы были не велики, и в некоторых случаях приходилось на человека до ¼ фунта в день. Сильно страдал полк от недостатка воды. Рек близко не было и воду брали из озер, уже покрытых плесенью. Но больных все-таки было очень мало. В Илецке запасы продовольствия пополнились, люди стали бодрее. Но, впрочем, происходили иногда и печальные недоразумения: так, красногвардейцы Казанского полка, вместо того, чтобы покупать продукты у крестьян, стали их реквизировать, при чем прямо ломали замки у кладовых и все выбирали оттуда, — все, что хотели. Красногвардейцы первого батальона сумели вразумить казанцев и реквизиции были прекращены, при чем было постановлено, что за самовольную реквизицию каждый будет нести наказание. Казаки испортили на станции Чашкан водокачку, вследствие чего паровозу пришлось отправиться за водой к мосту через речку Илек. Паровоз стал на мост и воду в тендер стали накачивать ручным насосом. Красногвардейцы же, увидав речку, бросились в воду и в несколько минут вся речка покрылась купающимися. Вдруг раздался выстрел из трехдюймового орудия, снаряд упал около моста в воду. Купающиеся, подхватив белье, во всю прыть бросились бежать в выемку, как в прикрытие. Оказалось, что казаки хорошо замаскировали в стогах сена трехдюймовое орудие у киргизского аула; красногвардейским орудиям никак не удалось нащупать его, взять же его обходом не позволяло время, тем более, что казацкое орудие, выпустив десять снарядов, прекратило стрельбу, не повредив моста. Эшелон двинулся дальше и девятого июля прибыл в Актюбинск. Боевых заданий красногвардейцы не имели до середины июля, когда понадобилось оказать помощь гарнизону гор. Орска; туда был направлен 1-й батальон пешим порядком. Этот батальон был составлен только из рабочих главных мастерских в числе 800 чел., разделенных на 4 роты при двух орудиях, 4 пулеметах, командой связи с аппаратами и хорошей хозяйственной частью, с двумя большими походными кухнями. Переход из Актюбинска к Орску в полтораста верст был совершен в большом порядке. Батальон шел бодро: когда нуждался в продовольствии, то только покупал, а не реквизировал у крестьян. Часто бывали случаи, когда крестьяне давали подводы всему батальону, но бывали и смешные случаи: в селе Троицком оказались оставленными только пожилые женщины, вся же молодежь была попрятана, вывески с лавок были сняты и для ублажения «большевиков» был заколот бык и приготовлена «всякая» снедь за селом. Все это было проделано по наущению казаков, которые рассказывали про красногвардейцев самые невероятные небылицы.

Когда же настоящие большевики пришли в село, то недоверие крестьян к большевикам скоро исчезло и они даже доставили на подводах их до следующего села. На четвертый день батальон прибыл в Орск и освободил его от блокады дутовцев.

В Орске первый батальон пробыл до самого наступления на Оренбург. Часто бывали случаи, что казаки подходили совсем близко к городу, так что происходили с ними рукопашные схватки; иногда они наряжались под красногвардейцев, обвязав фуражки красными ленточками. Во время одного такого столкновения прибыли товарищи: Лапшин, Госьтев, Крянин. Когда к Орску подходил транспорт с деньгами и аммуницией из Актюбинска, то казаки хотели захватить этот транспорт; но штаб обороны Орска выслал навстречу транспорту 3-ю роту, а под самым Орском была в засаде поставлена 1-я рота с хорошо укрытым орудием. Когда транспорт подходил к Орску, казаки стали стрелять по нем из орудия, надеясь его расстроить и, воспользовавшись замешательством, захватить его. 3-я рота с криком «ура» бросилась прямо на орудие; растерявшиеся белые перенесли огонь на бегущих, не причинив вреда им. Красные добежали до самого орудия, захватили его вместе со снарядными ящиками. Тогда на помощь белым выехала конная сотня казаков и тут-то сыграло свою роль замаскированное орудие 1-й роты. Частым огнем навело панику среди казаков, чем воспользовалась первая рота и соединилась с транспортом, который был доставлен в Орск целым и невредимым. А в Актюбинске в это время отступавшие из Оренбурга рабочие вели свою боевую жизнь. Частые столкновения с дутовцами, воспоминания об оставленных в Оренбурге семьях не ослабили рабочего духа. В сентябре получили первые сведения о наступлении на Оренбург товарищей из Бузулука и Орска. Все встрепенулись и к командирам начали поступать требования и просьбы об организации отряда для наступления. Двести человек рабочих Депо-Ташкент и Оренбург и кондуктора получили пулеметы, орудия снабдились патронами и специальным боевым поездом отправились на ст. Джурум, в окрестностях которой бродили шайки бандитов под командой казачьих офицеров: Крылова и Степанова. Бдительность нужна была строгая, на вышке резервуара водокачки стоял часовой день и ночь, военный патруль ходил ночью по поселку, на путях всегда стоял готовый на парах паровоз для помощи по вызову соседних станций. Одно было плохо: не было конной разведки, т. к. лошадей по близости негде было взять. Но случай помог этому делу. Пришел однажды в вагон командира крестьянин и сказал, что он видел в оазисах казаков, которые приехали за лошадьми, скрытыми мужиками в степи. Живо вызвались четверо кавалеристов и отправились за лошадьми, предназначенными для дутовцев. Три дня не было о них никаких известий. К вечеру третьего дня была тревога: часовой крикнул, что скачет какой-то отряд. Высылаем разведку и оказалось, что четверо героев, сдвинув шапки на бекрень, гнали косяк лошадей, которых они угнали из под носа дутовцев. Лошади для первого кавалерийского отряда были готовы. Наступила зима. При 20-градусном морозе переезжали красногвардейцы от станции к станции, охраняя путь и поезда от Актюбинска в Туркестан в легкой летней одеженке и обуви. Но вот в конце ноября поступило распоряжение отдельному боевому отряду железнодорожников сняться с охраны в Джуруне и отправиться на ст. Мартук для наступления на Оренбург всем фронтом. Все облегченно вздохнули: наконец-то дождались! На сбор время нужно было немного, но беда была в том, что машинист спустил паровоз с рельс. Приходилось прямо удивляться жажде к наступлению: кто нес шпалу, кто тащил рельсы, телеграфный столб.

Через час поставлен был паровоз на рельсы и эшелон покатил в Мартук. Скоро был взят Акбулак особым отрядом железнодорожников и 8-й ротой 8-го Уральского полка.

В первых числах декабря 18 года тревожные свистки паровозов указали на наступления казаков с двух сторон: от ст. Сагарчин и Харьковского поселка. Казаки наступали в количестве до 2000 (двух тысяч); отряд красногвардейцев состоял из трехсот пятидесяти человек при восьми пулеметах; даже хлебопеки прямо от теста пошли под команду т. Сергеева. Заработали «Максимы» и «Кольты», загудели орудия. Бой был неравный. Но красные рвались в бой, перебегая цепью, не дожидаясь команды, полные энтузиазма и поддерживая дух друг у друга. Наступать приходилось по глубокому снегу, но шаг за шагом теснили красногвардейцы казаков, пока, наконец, к двенадцати часам ночи те не были разбиты.

НАСТУПЛЕНИЕ 1-го БАТАЛЬОНА СОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ НА ОРЕНБУРГ.

Очерк четвертый.

26-го сентября 1918 года тронулись в наступление на Оренбург, занятый Дутовым, 1-й и 2-й рабочие батальоны железнодоржников из г. Орска. Их провожали оставшиеся в Орске товарищи завистливыми взглядами: и им хотелось итти биться за родной город, но Орск расположен в середине казачьих станиц и нельзя было его покинуть рабочим совсем. Выступившие в поход были полны одним желанием: взять Оренбург, разогнать всех белогвардейцев, увидеть семью, обнять детей! Тихо двигались отряды: только скрип фургонных колес да бряцанье оружия нарушали тишину темной и прохладной сентябрьской ночи. Впереди идет маленькая конная разведка. Вдруг замелькали вдали огоньки и как раз в той стороне, где двигался железнодорожный Уральский полк под командованием т. Зиновьева. Вслед за огоньками послышалась беспорядочная стрельба из винтовок и стрекот пулеметов. Раздается «ура»; стрельба смолкла и была слышна одна орудийная пальба. Первый батальон двинулся дальше. Разведка принесла известие, что впереди нащупан противник. Отряд остановился и тотчас стал слышен стук лошадиных копыт, щелканье затворов. Близко блеснули выстрелы и с криком «ура» первый батальон бросился вперед. Но жалкий враг не принял боя и позорно бежал, оставив в руках рабочих трех молоденьких казаков, которые при допросе оказались совершенно неосведомленными о революционных событиях в России. Отряд двинулся дальше и в ст. Хабарная соединился с главным ядром рабочего полка. На рассвете у первого батальона была стычка с белогвардейцами, которые оставили трехдюймовое орудие. Когда приходилось заходить красным в станицы, то казаки встречали их, как извергов человеческого рода, разбегались в степь и в станицах оставались разночинцы. Рабочие, уходя из станицы, просили их передать убегающим, что нечего бояться слесарей, токарей и ремонтных рабочих, которые борются за власть рабочих и крестьян и за весь мир, а боятся надо дармоедов-есаулов и других паразитов трудящегося мира.

Останавливаться на отдых рабочими не приходилось: было опасно, да и нужно было спешить на соединение с наступающими из Актюбинска товарищами. Но усталость брала свое и часто упавший человек засыпал момен-

тально и его приходилось силою поднимать, толкать, чтобы он шел вперед. Когда стали подходить к Губерлинской станице, то разведка донесла, что там находятся белые. Люди ожили и приготовились к бою, но боя не было, а была только перестрелка с тыловой охраной противника. До станции Подгорной дошли без боя. В ней рабочие батальоны встретились с кавалеристами Уральского полка, которые также шли с непрерывным боем. И те и другие надеялись здесь отдохнуть, но наступление белых не позволило дежурному батальону даже пообедать. Белые открыли по станице артиллерийский огонь и воинскому обозу рабочих грозила гибель. Четвертая, шестая, восьмая роты повели наступление на скрывавшегося за горой противника. Положение его было выгодное и, чтобы его выбить, красным пришлось бежать сплошной цепью до подошвы горы, белым пришлось покинуть гору, но они перетащили орудие на другую, и когда рабочий обоз подошел к подошве горы, то они открыли по нем губительный огонь. Здесь пострадало много красногвардейцев и только тогда ушли белые, когда на занятую гору красногвардейцы втащили свое орудие и начали бить белых. Те отступили к станице Ильинской. Станица Ильинская находилась за горой и белые хорошо укрепили ее и даже вырыли окопы. Здесь разгорелся жаркий бой. Батарея рабочих разбивала группирующихся кавалеристов противника и не давала ему сосредоточиться в окопах. Тогда казаки перешли в тыл рабочим частям, которые вступили в станицу Ильинскую. В обозе рабочих поднялся сильный переполох, а неприятель артиллерийским огнем зажег дома станицы. В чаду, дыму и грохоте рвущихся снарядов, в беспорядке и без команды, рабочие роты бежали по улице на простор, где бы можно было определить положение. Дутовцы густыми колоннами при поддержке кавалерии и артиллерии вели жестокую атаку на Уральские роты. Первый батальон должен был охранять обоз. В это время с сопок побежали Уральские части в сторону обоза, а казаки их преследовали по пятам. Казалось, что все должно пропасть и люди будут изрублены, как капуста. Но дело исправила батарея 1-го батальона, которая загудела с такой силой, что белые сразу остановили свой натиск. Артиллерийский бой продолжался потом до глубокой ночи. Ночью было решено отступить через реку Урал по направлению к Актюбинскому фронту. Всю ночь шла переправа обоза и орудий; к утру переправилась и последняя рота первого батальона. Дутовцы начали обстреливать отступающих артиллерийским огнем, а, кроме того, казацкая кавелерия переправилась через реку и стала с фланга тревожить отступающий сзади первый батальон. Но батальон прикрывал отступление, заставляя кавалерию приостанавливаться; пулеметы красных работали до тех пор, пока обоз благополучно выходил из сферы артиллерийского огня. Тогда бегом рабочие первого батальона догоняли товарищей. И снова останавливались и останавливали белых; так продолжалось отступление до села Красноярского, где рабочие полки, вышедшие из Орска, встретились с полками, вышедшими из Актюбинска. Тут прекратили свое преследование белые и сами превратились в преследуемых до самого Оренбурга, который был взят в январе 1918 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРЫ

ПО

ВОПРОСАМ ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО

ДВИЖЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ.

**
*

Истпрофтран ниже помещает библиографический указатель литературы по вопросам истории профессионального движения на транспорте в том небольшом об'еме, в каком его пока удалось осуществить. Указатель составлен как по материалам Истпрофтрана (имеющееся в ИПТ отмечено *), так и по материалам, находящимся в «Систематическом указателе литературы по профессиональному движению в России», составленному сотрудниками Истпрофа ВЦСПС—*С. Рапопортом и Р. Якубом* и изданном в 1923 году.

Всякого рода указания и дополнения к указателю будут приняты с благодарностью.

Истпрофтран.

**
*

А. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

1. «Железнодорожник»—журнал. СПБ. 1902 г.

2. «Железнодорожная Жизнь»—орган Всероссийского Железнодорожного союза. М. 1906 г. № 1—2.

3*. «Железнодорожный Союз» — орган Всероссийского Железнодорожного Союза. Изд. Центр. Бюро Союза. М. 1906—1907 г.г. №№ 1—3.

4. «Голос Железнодорожника»—орган Узлового Бюро Профессионального Союза. М. Вышел № 1 в октябре 1906 г. (единственный нелегальный).

5. «Локомотив» — профессиональный орган, посвященный интересам железнодорожников. СПБ. № 1—2 вышел 27 марта 1907 г. Всего вышло 5 номеров.

6. «Голос Железнодорожника» — профессиональный орган, посвященный интересам железнодорожников. СПБ. 1907 г. № 1.

7. «Железнодорожник» — ежемесячный журнал. Оренбург. 1911 г. № 1.

8. «Жизнь Железнодорожника»—ежемесячн. жур. СПБ. 1910—1911 г. № 1—2.

9*. «Жизнь Железнодорожника» — орган союза служ. и раб. Сев.-Зап. ж. д. СПБ. 1917 г. № 1—8.

10*. «Наш Журнал»—орган профессионального союза агентов технического распорядит. движения Николаевской ж. д. 1917 г. № 1—12.

11. «Голос Железнодорожника». Професс. полит. орган ж.-д. организаций Московского узла, выходит 2 раза в неделю. Москва. 1917 г.

12. «Воля и думы железнодорожника»—политическая, экономическая и литературная. Орган социалистический. Москва. 1917 г.

13. «Мысль Железнодорожника». Орган Центрального Комитета рабочих, мастеровых и служащих Николаевской ж. д. Петроград. 1917 г.

14. «Известия» Главного Дорожного Совета ж.-д. депутатов М.-Каз. ж. д., изд. Главн. Дорожн. Совета. Москва. 1918 г.

15. «Мысли Железнодорожника»—орган Исполн. Комитета рабочих, мастеровых и служащих Николаевской ж. д. ст. Саблино. Изд. неизв. 1918 г.

16. «Новое Движение»—журнал железнодорожной самоорганизации. Изд. К-та Сов. Деп. Ряз.-Уральской ж. д. Москва. 1918 г.

17. «Забайкальский Железнодорожник»—еженед. журнал союза железнодорожников Забайкальской ж. д. Иркутск. 1918 г.

18. «Грузооборот»—орган правления профсоюзов «Грузооборот». Москва. 1918 г.

19. «Железнодорожный Техник и Чертежник»—орган Всеросс. профсоюза техник. и чертежников ж.-д. Москва. 1918 г.

20. «Жизнь Железнодорожника»—орган Союза служащих и рабочих Сев.-Запад. ж. д. Изд. неизв. 1918 г.

21*. «Путь»—издан. Всепрофжеля, журн. М. 1918—1919 гг. № 1—6.

22*. «Гудок», ежемес. журнал—орган Орг. Бюро по созданию железнодорожного производственного союза Петроградского округа и Всеросс. Союза маст. и раб. Декабрь—январь 1918—1919 гг. № 12—1.

23*. «Гудок»—орган производств. Союза железнодорожн. Сев.-Запад. Окр. Пут. Сооб. Петроград. 1919 г. № 1—5.

24. «Транспорт и Жизнь»—литературное приложение «Бюллетеня» бюро печати Московск. Окр. Н. К. П. С. Изд. неизв. 1919 г.

25. «Путь»—журнал. Издание ЦК раб. ж.-д. транспорта. Москва. 1919 г.

26*. «Красный Путь Железнодорожника»—изд. НКПС. М. 1919—20 гг. №№ 1—48 (1919), № 1—13 (1920).

27*. «Железнодорожник» — орган Центрального Комитета Всероссийского Профессионального союза рабочих и служащих ж.-д. транспорта. Москва. 1919—20 г. № 1 (17), № 2 (18), № 3 (19), № 4 (20), № 5—6 (21—22), № 7—8 (23—24), № 9 (25), 1919 г. № 10—11 (26—27), № 12—13—14 (28—29—30), № 15—16 (31—32), № 17—18 (33—34), № 19 (35), № 20 (36), № 21 (37) 1920 г.

28*. «Декапод»—изд. Полит. Отд. и Райпрофсожа Пермск. ж. д., Пермь. 1920 г. №№ 1—14.

29* «Гудок»—газета Центр. Комитета Центр. Союза рабочих жел.-дор. транспорта, Москва. 1920—1923 г.

30*. «Гудок Закавказья»—орган Закдорпрофс., Тифлис, 1921—1923 г.

31*. «Транспортный Рабочий»—изд. ЦК Об'единен. союза жел.-дор. и водн. транспорта. М. 1921—22 г. №№ 1—23.

32*. «Декапод» — изд. Полит. Отд. и Райпрофсожа Пермской ж. д. Пермь. 1921 г. № 1 (15)—1 (28).

33*. «Сибирский Путь» — изд. Сиб. Бюро Цектрана. Омск. 1921 г. №№ 1—4.

34*. «Революционный Транспортник»—орган Междунар. Комитета Пропаганды транспортн.. раб. М. 1921—22 г. №№ 1—3.

35. «Вестник» Донецких жел. дорог. Издание Управл. дорог и Дорпрофсожа. Харьков. 1922 г.

36*. «Рычаг»—орган Дорпрофсожа, ДТПО и Дорстрахкассы С.-Зл. ж. д., Троиц. и Волго-Бугульм. ж. д. Самара. 1922—23 г.

37*. «Сибирский Гудок»—орган Сибирского Окружного Комитета Союза железнодорожников. Омск. 1922—1923 г.

38*. «Сигнал»—орган Дорпрофсожа, Дорстрахкассы и ТПО М.-К.-В. ж. д. Курск. 1920—1923 г.

39*. «Уральский Гудок»—орган Дорпрофсожа Пермской ж. д. Екатеринбург. 1921—1923 г.

40*. «Южный Гудок»—орган професс. кооператив. и хозяйствен. органов транспортников Украины. Харьков. 1920—1923 г.

41. «Красный Транспортник»—популярно-политический, экономический и технический журнал Транспечать НКПС. Москва. 1923 г.

42*. «Железнодорожник», ежемесячный журнал ЦК ж.-д. №№ 1, 2—3, 4—5. 1923 г.

43*. «Семафор», приложение к газ «Ур. Гудок». Екатеринбург. 1923 г. №№ 1—22.

44*. «Рельсы», прилож. к газете «Гудок». М. 1923 г. № 1.

45*. «Железный Путь», двухнедельн. журнал Дорпрофсожа и Правлен. Ю.-В. ж. д. Воронеж. 1923 г. № 1—25.

46*. «Факел Творчества», журнал. Чита. 1923 г. № 1.

Б. НЕПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

(Литература по вопросам профессионального движения среди железнодорожников в России).

ДВИЖЕНИЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

1. «Вспомогательные кассы для рабочих железных дорог». «Железнодорожное Дело». 1888 г.

2. «Стачка железнодорожных рабочих в г. Ростове н/Д в 1894 г.». (Рассказ рабочего-очевидца). Сообщил Р. Кантор. «Былое». 1921 г. XVIII.

3*. Пенсионные и сберегательно-вспомогательные кассы на русских железных дорогах. Журнал «Литература Путей Сообщения». 1896 г. II.

4. *Никитин, Д.*—Рабочие на железнодорожных постройках (из заметок врача). «Русское Богатство», 1904 г. № 6.

5. Свод пожеланий служащих по вопросу о пересмотре действующих на ж. д. уставов пенсионных касс. Ч. I и II. 1905. Изд. М. П. С.

6. Рабочая революция в 1905 г. Изд. ВЦИК. 1919 г. М.

7. *Русанов, П. С.*—Всеобщая забастовка. «Русское Богатство». 1905 г. № 11—12.

8. *А. Н.*—Что нужно железнодорожникам? 1906 г. 32 ст.

9. *Владимиров, В.* «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрские дни на Московско-Казанской ж. д.». Москва. 1906 г. 159 стр.

10. *Сокович, Е. А.*—Очерки быта и нужд железнодорожных служащих. «Русское Богатство». 1906 г. №№ 8, 9.

11. *Романов, В.*—Движение среди рабочих и служащих русских железных дорог в 1905 г. «Образование». 1907 г. VI, VII и XI. 136 стр.

12*. *Рихтер.* — Подготовка железных дорог к борьбе со стачками. С-Петербург. 1906 г. Типография Штаба отдельн. корпуса жандармов.

13. *М. Б.* — Очерк по истории железнодорожных забастовок в России. Изд. «Товарищество». М. 1907 г.

14. *К. Арл.* — Черноморская регистрация. «Русское Богатство». №№ 10, 11, 12, 1910 г.

15. *Еусов, В.*—«Расхищение рабочей жизни». (Положение рабочих Амурской ж. д.). «Дело Жизни». 1911 г. VIII.

16. *Дмитриев, В.* — Быт служащих и рабочих на железных дорогах. «Современный Мир». 1912 г. I.

17. *Трояновский, А.* — Заботы о железнодорожниках. «Просвещение». 1913 г. IX. 4 стр.

ИЗДАНИЯ 1917 ГОДА.

18*. Труды Всероссийской конференции железнодорожных служащих и рабочих 6—22 апреля 1917 года в Петрограде. Москва. 1917 г. Стр. 206.

19*. Протокол о работах С'езда служащих, мастеровых и рабочих Омской железной дороги, открывшегося 28 апр. 1917 г. Стр. 120.

20*. Постановление Всеросс. Учред. С'езда в Москве о нормах оплаты труда, категориях служащих и о 8-часовом рабочем дне во всех отраслях железнодорожного труда. 1917 г. Стр. 15.

21. Труды конференции профессиональных железнодорожных союзов, в Москве с 20 июля по 5 августа 1917 г. Петроград. 1917 г. 48 стр.

22. Труды Всероссийской Железнодорожной Конференции М. П. С. 1917 г. 80 стр.

23*. Бюллетени Всероссийского Железнодорожного С'езда 1917 г. №№ 1—13. Изд. газ. «Голос Железнодорожника». 1917 г.

24*. «Викжель в Октябрьские дни». Протоколы Московского Совещания Главных Дорожных Комитетов Европейской России 13—15 ноября 1917 г. Изд. Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского ж.-д. Союза. Петр. 1918 г. стр. 127.

25. Выписки из протокола заседаний Первого Всероссийского железнодорожного и телеграфного С'езда 26 ноября—16 декабря 1917 г. Изд. Москва. 1918 г.

26*. Бюллетень Чрезвычайного Всероссийского Железнодорожного С'езд. Декабрь 1917 г.—январь 1918 г. Изд. журн. «Жизнь железнодорожника». Птр. № 1—28.

27. Протоколы I Всеросс. Союза состав., сцепщик., стрел-провод., сигнал. семафор., башмач., ламп. и сторожей всех категорий, состоявшегося 5 июня 1917 г. в Москве.

28*. Труды Чрезвычайного Всеросс. Железнодорожного С'езда. Декабрь 1917 г.—январь 1918 г. Изд. Викжель.

ИЗДАНИЯ 1918 ГОДА.

29. Труды Всероссийского Чрезвычайного С'езда железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, состоявшегося в Петрограде с 5—30 января 1918 г Изд. Викжедор. 1918 г. IV—260 стр.

30*. «К расколу на Чрезв. жел.-дор. С'езде». Исторический материал. Изд. В. И. К-та ж. д. Птр. 1918 г.

31. Протокол Второго Всероссийского С'езда составителей, сцепщиков, стрелочников, проводников, сигналистов, семафорщиков, башмачников, ламповщиков и сторожей всех категорий, состоявшегося в Москве 28 марта 1918 г. М. 1918 г., стр. 7.

32. Труды Второго Делегатского С'езда членов Всероссийского Профессионального Союза железнодорожных технических бригад по вагонному делу. Июль 1918 г. Москва. 1918 г. 101 стр.

33*. Протоколы Первой Всероссийской конференции железнодорожников-коммунистов 24—25 сентября 1918 г. Изд. «Коммунист». 1919 г. 142 стр.

34*. Бюллетень Моск. районного упр. Сев. ж. д. Всеросс. Проф. Союза Конт. Сл. М. Октябрь. 1918 г.

35. Инструкция Профессионального Союза железнодорожных рабочих. 4 стр.

36*. *Лозовский, А. (С. А. Дриздо).*—«Задачи Железнодорожных Профессиональных Союзов». Изд. «Всепрофжель». Москва. 1918 г. 19 стр.

37. Декларация членов Правления Проф. Союза Коммер. работников передаточных контор, левый сектор. 1918 г.

38. Бюллетени Всероссс. Сов. жел. проф. союзов. М. 1918. № 1—12.

39*. «Состав железнодорожн. по данным регистрации 1918 г.». Раб. ст. отд. ЦК Союза.

ИЗДАНИЯ 1919 ГОДА.

40*. Первый Всероссийский С'езд железнодоржных профессиональных союзов, с предисловием А. Лозовского. Москва. 1919 г. 47 стр.

41. Протоколы Всероссийского Железнодорожного С'езда представителей Главных Дорожных Комитетов и Профессиональных Союзов в г. Москве. М. 1919 г. 55 стр.

42*. Бюллетени Всопрофжеля 1918—1919 гг. №№ 1—14 (1918 г.) и №№ 15—16 (1919 г.).

43*. «НКПС за 2 года революции». Отчет к VII с'езду советов. М. 1919. Изд. НКПС.

44*. Тезисы Цектрана (после IX с'езда советов).

ИЗДАНИЯ 1920 ГОДА.

45*. *В. Клементич.*—«Итоги работы железных дорог за три года 1917—1920 г.г.». Л. И. О. Цектрана и Политуправления НКПС. М. 1920 г.

46*. *Троцкий, Л.*—«Производственный Союз железнодорожников и задачи транспорта». Доклад на втором Всероссийском С'езде Профессионального Союза железнодорожников 21 июля 1920 г. Изд. Литературно-Издательского Отдела Главполитпути. Москва. 1920 г. 16 стр.

47*. Ответ ЦН Борисова на важнейшие вопросы по докладу т. Емшанова на Всероссийском С'езде Цекжел. 1920 г.

48*. Тезисы по докладу о транспорте тов. Емшанова и тов. Троцкого. 1920 г. 8 стр.

49*. *Л. Красин.* — Задачи железнодорожников. Л. И. О. Главполитпуть, НКПС. 1920 г.

50*. Второй Всероссийский С'езд Производственного Союза железнодорожников (речь Троцкого и доклад инженера Борисова), с приложением диаграммы. Изд. Литературно-Издательского Отдела Главполитпути. Москва. 1920 г. 20 стр.

51. Второй Всеросс. С'езд железнодорожников. Речь тов. Лозовского. М. 1920 г. Изд. Главполитпути.

52*. Главполитпуть. Сборник официальных материалов. 1920 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5.

53. Первый С'езд Производственного Союза железнодорожников Рязано-Уральской ж. д. 1920 г. 103 стр.

54*. Отчет о деятельности Главполитпути. Л. И. О. НКПС. 1920 г.

55*. Материалы к докладам о деятельности Всероссийского Совета снабжения железных дорог за 1920 г. к первому С'езду работников Цектрана. Изд. Ц. О. С. Р. Т.

56. Обзор деятельности Всероссийского Совета снабжения железнодорожников «Продпуть». Издание Всероссийского Совета ж.-д. 1920 г. 61 стр.

57. Инструкция Профессиональным уполномоченным и уполномоченным Учкпрофсожа Сызрано-Вяземской ж. д. Изд. Государственного Издательства. Калуга. 1920 г.

58. Сведения и материалы о работе железных дорог РСФСР в 1919 г. и 1920 г. М. 1920 г. Изд. НКПС, стр. 74.

59*. Резолюции, принятые на Всероссийск. Совещании Цектрана. Дек. 1920 г. 24 стр.

60*. Стенографический отчет о работе первого дорожного С'езда проф. работников Киево-Воронежской ж. д. Курск. 1921 г.

61. Отчет к Первому Всероссийскому С'езду Об'единенного Союза работников железнодорожного и водного транспорта за время с 25 июля по 20 марта 1921 г. Изд. Цектрана. Москва. 1921 г. 73 стр.

62*. Отчет Цектрана к Всероссийскому Совещанию работников союза. Москва. 1920 г. 79 стр.

63*. Отчет о деятельности Главполитпути и Цектрана (к Пятой Всероссийской конференции Профсоюзов). М. 1920 г., стр. 22.

64*. Сборник положений о Дорожн. Комитете Союза и его отделах. Изд. Цектрана и НКПС. 1920 г. 30 стр.

65*. Резолюции, принятые на Всероссийском Совещании Цектрана по докладу тов. Троцкого о задачах союза. 8 декабря 1920 г. Лит. Изд. Цектрана. 4 стр.

66*. *П. Вомпе.*—3 года революц. движ. на дорогах Росс. Сов. Респ. 1917—1920 г.». М. 1920. 13 стр.

67*. Бюллетени ЦК об'единенного Союза раб. жел. и водн. транспорта. М. 1920. №№ 1—5, 1921 г. №№ 6—18.

68*. Инструкции комиссарам НКПС. М. 1920 г. Изд. НКПС, стр. 60.

69*. *Емшанов.*—О работе отд. орг. производств Цектрана за июль—декабрь 1920 г. Доклад расшир. Пленуму Цектрана. М. 1920 г., стр. 69.

70*. «О проекте десяти». Изд. Бюро Фракции Цектрана. М. 1920 г.

71*. НКПС. Сборник статей к с'езду Советов, под ред. члена коллегии Наркомпути т. Балобатова. Госиздат. М. 1920 г.

72*. *Я. Шатуновский.*—«Востановление транспорта. Пути сообщения и пути революции». М. Изд. НКПС. 1920 г., стр. 41.

73*. *А. Пятницкий.*—Больной вопрос. М. Изд. Главполитпути. 1920 г.

ИЗДАНИЯ 1921 ГОДА.

74. *Бумажный, Е.*—О работе Главполитпути (для членов РКП). Издание Цектрана. Москва. 1921 г. 18 стр.

75*. *Гессен, С.*—Курс по ветру (по поводу материалов к Всероссийскому С'езду т.т. Вомпе, Никольского и К-о), для членов РКП. Изд. Цектрана. М. 1921 г., 37 стр.

76*. К предстоящему Всероссийскому С'езду об'единенного профессионального Союза работников водного и железнодорожного транспорта (для членов РКП). М. 1921 г. 40 стр.

77*. Материалы по работе Всероссийского Профессионального Союза рабочих и служащих железнодорожного и водного транспорта в области развития народного сельского хозяйства. Изд. Цектрана. М. 1921 г. 90 стр.

78*. Материалы по проведению недели профдвижения на транспорте Изд. Цектрана. М. 1921 г. 32 стр.

70*. *Н. Славинский.*—Рабочую силу на транспорт. Госизд. 1921 г.

80. Отчет о деятельности Московского Районного Комитета водников Всероссийского Об'единенного Союза рабочих водного и железнодорожного транспорта с 1 января по 1 ноября 1921 г.

81. О задачах железнодорожного и водного транспорта. Изд. Цектрна. М. 1921 г. 161 стр.

82. Материалы по статистике труда работников транспорта. Изд. Цектрана. М. 1921 г. 108 стр.

83*. Резолюции и тезисы, принятые на Всероссийской конференции Производственного Союза рабочих железнодорожного и водного транспорта. Издание Цектрана. М. 1921 г. 28 стр.

84. *Бумажный.*—Доклад на первом Всероссийском С'езде союза работников железнодорожного и водного транспорта о деятельности Цектрана. М. 1921 г. 16 стр.

85. *Суморуков, П.*—Цекводизм и Цектранизм. М. 1921 г.

86. О Цектране. По поводу сборника «Материалы к Всероссийскому С'езду работников железнодорожного и водного транспорта», М. 1921 г.

87*. *Л. Эльберт.*—Коммунистический труд на транспорте к 1-му Всероссийскому С'езду ж.-д. и водников.

88. Краткий отчет первого об'единенного Всероссийского С'езда работников ж.-д. и водного транспорта 22—30 марта 1921 г., под редакцией С. Б. Урицкого. М. 1921 г. 194 стр.

89*. Отчет о конференции моряков совместно с представителями Международного Комитета Пропаганды транспортных рабочих в Москве 10—12 августа 1921 г. Изд. Красн. Интерн. Профсоюзов. Москва.

90. Резолюции, принятые на Первом Всероссийском С'езде об'единенного Союза работников ж.-д. и водного транспорта. П. Г. 1921 г.

91. Инструкции по проведению Всероссийской недели профдвижения. Изд. Цектрана. М. 1921 г. 15 стр.

92. Конференция Киево-Воронежской ж. д. Бюллетень первой дорожной широкой рабочей конференции №№ 1—9. Конотоп. 1921 г.

93. Бюллетени Второго Дорожного С'езда работников М.-Казанской ж. д. Москва. 1921 г.

94. Отчет ЦК Всероссийского Союза работников железнодорожного и водного транспорта за время с апреля 1921 г. по сентябрь 1922 г. Изд. Цектрана. Москва. 1922 г. 256 стр.

95*. Стенографический отчет шестого Всероссийского С'езда профессионального Союза работников железнодорожного транспорта (2—6 октября 1922 г.). Изд. Цектрана. Москва. 1922 г.

96*. Сборник положений, разработанных на основании постановлений Пленума Цектрана с 27 февраля по 3 марта 1922 г. Изд. Цектрана. Москва. 1922 г.

97. Тезисы ко Второму Всероссийскому С'езду Союза работников железнодорожного и водного транспорта. (Октябрь 1922 г.). Издание Цектрана. Москва. 1922 г.

98*. Материалы к предстоящему Всеросс. С'езду работников ж.-д. и водного транспорта. 45 стр.

99*. Указатель постановлений, инструкций и положений, опубликованных в Бюллетенях Цектрана с № 1 (24 сент. 1920 г.) по № 34—35 (1 дек. 1921 г.).

100. НКПС в 1920 г. Материалы по работе центральных учреждений и местных органов ж.-д. и водн. транспорта. Изд. НКПС. 1921 г.

УСТАВЫ.

1*. Проект Устава Профессионального Союза паровозных бригад Московского Узла. 8 стр. 1905 г.

2. Устав Всероссийского ж.-д. союза рабочих и служащих. Петербургской сети общества М.-В.-Р. ж. д. (составлен по уставу Всероссийского ж.-д. союза). 1905 г.

3*. Проект Устава Всероссийского ж.-д. Союза, принятый Всероссийской конференцией железнодорожных служащих и рабочих. 14 стр. 1917 г.

4*. Устав Всероссийского Железнодорожного Союза. Петроград. 1917 г. 16 стр.

5*. Устав Профессиональной телеграфной секции Всеросс. ж.-д. союза. 1917 г.

6*. Устав Профессиональной Телеграфной Секции Всеросс. ж.-д. Союза. (Издание журнала «Жизнь Железнодорожника»).

7*. Программа Всероссийского профессионального ж.-д. союза составителей, сцепщиков, проводников, сигналистов, семафорщиков, башмачников, ламповщиков и сторожей. 16 стр. 1917 г.

8*. Устав Профессионального Союза ж.-д. технических бригад по вагонному делу в Москве. Москва. 1917 г. 8 стр.

9*. Устав Всероссийского Профессионального Союза ж.-д. технических бригад по вагонному делу. Москва. 23 стр. 1918 г.

10*. Устав секции мастеровых и рабочих всех служб Всероссийского Профессионального Союза ж.-д. Петроград. 1917 г. 16 стр.

11*. Устав и экономическое требование Всероссийского Профессионального Союза паровозных бригад. Москва. 1917 г. 24 стр.

12*. Устав для однородной организации Всероссийского Профессионального Союза паровозных бригад. Москва. 1917 г. 12 стр.

13. Устав профессионального союза конторских служащих железн. дорог. Москва. 1917 г.

14. Проект временного устава союза служащих и рабочих постройки новых линий общества М.-Каз. ж. д. 1917 г. 3 стр.

15. Устав Дорожных Советов профессиональных ж.-д. Союзов. 1917 г.

16*. Устав союза служащих постройки Кольчугинской ж. дор. Томск. 1917 г.

17*. Программа союза трудящихся Средне-Азиатской ж. д. Устав организации союза. Асхабад. 1917 г.

18. Устав Кооперативного Товарищества Всероссийское Кредитное Товарищество Железнодорожников. 1917 г.

19. Устав Общества Взаимного Кредита Николаевской ж. д. 1918 г.

20. Временный устав К-та внутреннего распорядка главных Ростовских мастерских. Владикавказской ж. д. Ростов н/Д. 1918 г.

21. Устав профессионального Союза паровозных бригад Владикавказ. ж. д. Ростов н/Д. 1918 г.

22. Устав о-ва потребителей железной дороги. Москва. Продпуть. 1918 г. 20 стр.

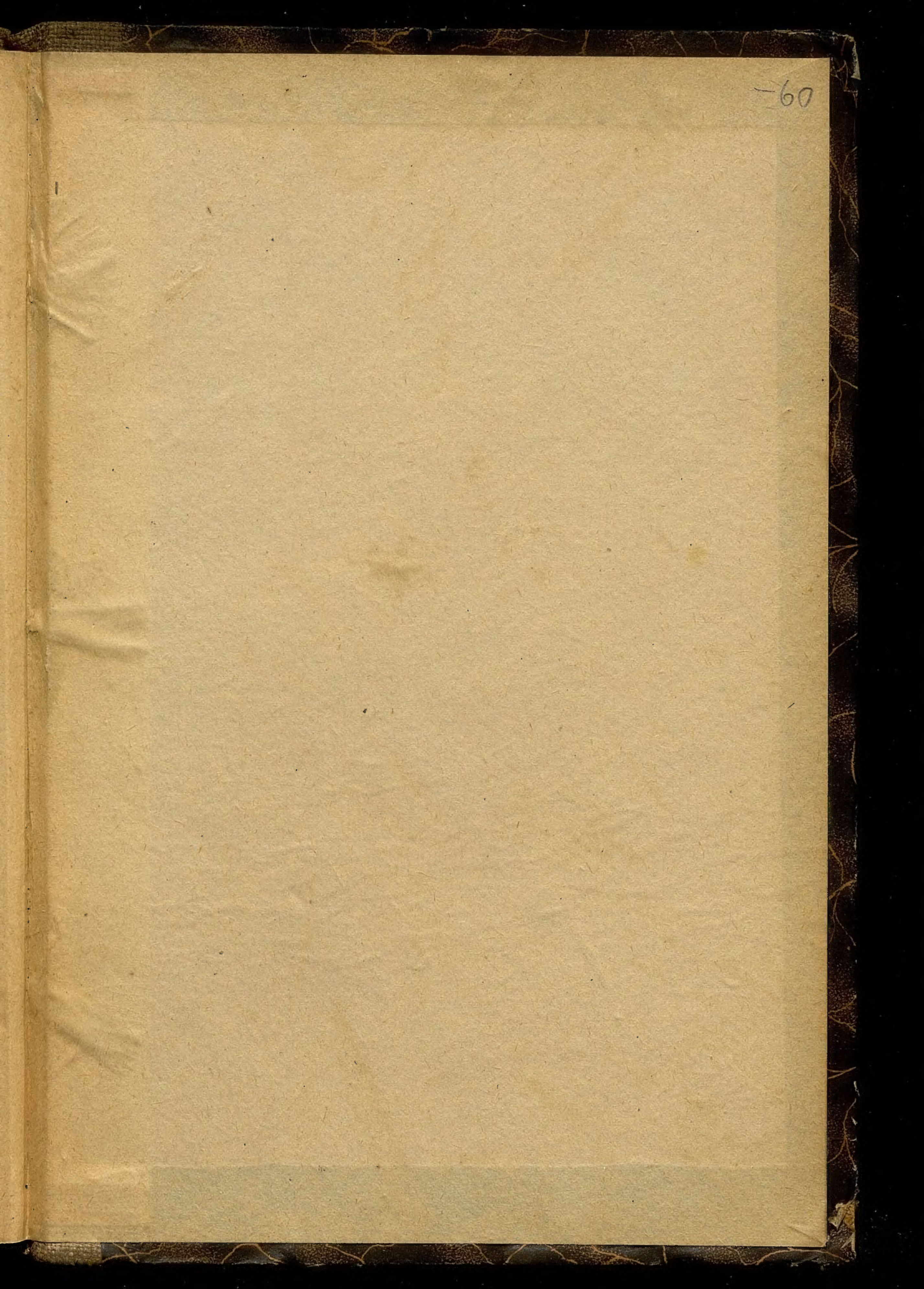
23. Устав Всероссийского Профессионального Союза рабочих и служащих железнодорожного транспорта. Екатеринбург. 1919 г.

24. Устав Профессионального Союза рабочих, мастеровых и служащих Уссурийской ж. д.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано:	Следует:
3	3 сверху	побудить	пробудить
4	13 сверху	„полреспубликой“	„полуреспубликой“
15	22 снизу	Скобелев произнес горячую, только	Скобелев произнес горячую, тонко
19	3 снизу	Мы знаем, хорошо	Мы знаем хорошо
22	1 сверху	т. Климов	т. Климин
22	6 снизу	двери	дверям
26	10 снизу	боспорядки	беспорядки
27	15 сверху	текства	текста
24	21 снизу	Представители... Житкин	Представители... Миткин
30	10 снизу	окончательному разорению армии	окончательному разложению армии
31	20 снизу	(Прим. автора	(Прим. автора)
37	15 сверху	10 сентрября	10 сентября
41	7 сверху	представили	предоставили
41	10 сверху	Кавылкин	Ковылкин
42	20 сверху	заблистели	заблестели
50	4 сверху	от него	на него
64	6 сверху	требованием	требованиям
64	26 сверху	спатения	спасения
67	6 сверху	ультиматцы	ультиматумы
75	6 сверху	политическим	политических
61	16 сверху	телеграмме	телеграммы
61	18 сверху	векжельцы	викжельцы
90	5 сверху	посредникв	посредников
90	9 сверху	выработали	выработали
90	2 снизу	т. Кравц (мелк. шриф.)	т. Кравец
98	7 снизу	соолщение	сообщение
111	13 снизу	Возвращаясь	Возвращаюсь
118	9 сверху	Вот это письмо:	Вот выдержки из этого письма:
122	18 сверху	техефонных	телефонных
129	25 снизу	переживамого	переживаемого
129	19 снизу	условим	условием
134	1 снизу	„фаанки“	„фаганки“
142	3 сверху	линиии	линии
146	11 снизу	прдседателем	председателем
147	13 сверху	начальников	начальникам
149	25 снизу	по исполнению	по исполнении
158	11 снизу	товарища	товарища
162	3 снизу	р бочими	рабочим
163	1 снизу	был взят в январе 1918 г.	был взят в январе 1919 г.
172	11 сверху	1921 г.	1920 г.
173	15 сверху	Суморуков	Саморуков
174	18 сверху	18*.	8.
174		1*. Проект устава профессионального Союза паровозных бригад Московского Узла. 8 стр. 1905 г.	1*. Устав профессионального железнодорожного союза Московского Узла. Издание Бюро Московского Узла. 8 стр. Без года.


60